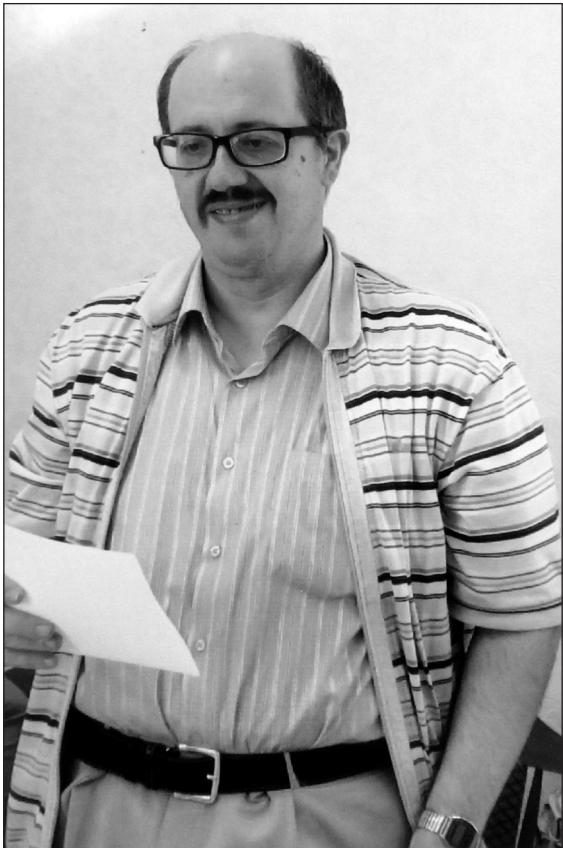

**Друзьям и родным
в память о Павле**

Павел Поляков (1964–2017)

Павел Поляков

**СТРУГАЦКИЕ:
ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ**

**Эволюция произведений
при переиздании**

Омск
Частный издатель
Дмитрий Сорокин
2018

УДК 21.111
ББК 84 (4 Вел)
52

Настоящее издание осуществлено в рамках
свободного воспроизведения произведения
в личных целях (ст. 1273 ГК) и добросовестного
использования произведения (fair use).

Издание не предназначено для продажи
и извлечения коммерческой выгоды.

Книга издается в авторской редактуре
и разметке текста

Поляков, Павел

Стругацкие: взгляд со стороны. Эволюция произведений
при переиздании. — Омск: Частный издатель Дмитрий
Сорокин, 2018. — 396 с.

В данной книге рассмотрена эволюция двух произведений А. и Б. Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста» и «Пепел Бикини» по мере их переиздания. Вторая часть посвящена истории советской фантастики с ремарками автора.

УДК 21.111
ББК 84 (4 Вел)
52

© П. Поляков, 2018

Предисловие

Аркадий и Борис Стругацкие — самые выдающиеся отечественные писатели-фантасты двадцатого века. На их книгах выросло несколько поколений любителей фантастики. Автор этой книги относится к этому поколению. Он был молод и искренне предан фантастике и брался за любую работу, как анкетирование читателей для определения лучших писателей года, результатом которого было вручение всероссийского читательского приза за лучшее фантастическое произведение года «Великое кольцо», или составление выпусков «Полного собрания всех не художественных произведений братьев Стругацких (статьи, интервью, выступления)».

Павел Поляков был читателем квалифицированным или, как он сам себя называл, «читателем профессионалом». Приобретенный опыт позволял ему успешно ориентироваться в текстах современной фантастики и рассматривать произведения по их художественной ценности. На своём сайте в интернете он постоянно выкладывал, по его словам, «мини рассказы», в которых давал общую оценку произведения, рекомендуя любителям какой литературы надо обратить на него внимание.

Обладая великолепной памятью, отличными аналитическими способностями и большим трудолюбием Поляков в силу обстоятельств, взялся за поиск и рас-

Предисловие

смотрение вариантов текстов некоторых произведений братьев Стругацких.

Сравнение — один из основных признаков познания мира. Но труднее всего сравнивать и оценивать произведения литературы. Как правило, каждый оценивает их, руководствуясь собственным опытом, своим собственным вкусом и пристрастиями.

Подход к анализу у автора не традиционен. При рассмотрении повести «Пепел Бикини» сначала он применяет большие цитаты из текста повести и этим помогает вникнуть в само произведение, вспомнить его, а дальше уже идёт оценка сюжетных линий. Эволюция же повести «Отель «У погибшего альпиниста» сразу же выполнена в сопоставлении этой повести, напечатанной в пяти издаельствах.

Совершенно отдельно стоит работа «Дело о Пришельцах». Это чётко выделенное и мотивированное цитатами из произведения видение автором основной темы о Пришельцах в повести «Отель «У погибшего альпиниста». Ему очень хочется увидеть будущее, но это уже будет за пределами текста этой повести. Да и сами Стругацкие верят в их возвращение. В произведении «Извне» они пишут: «...Возможно, ... мы никогда не узнаем ... о причинах их неожиданного визита, но я думаю, что Пришельцы вернутся».

Исследование произведений проведено на рассмотрении отличия текстов при переиздании. Такой разбор, конечно, выполнен на тщательном и эмоциональном уровне, сделанным автором. Читая его, вы в большинстве случаев соглашаетесь с ним, иногда — вам захочется спорить, изредка — возможно покритиковать его работу, т.к. У каждого читателя, как и у автора, имеется своё собственное мнение.

Павел Поляков излагает свои размышления над текстом в манере беседы с читателем. Он пишет своё

Предисловие

мнение и как бы предлагает его обсудить с вами. Оценивая произведения, автор говорит о том, что у него в душе и призывает читателя думать. Своими размышлениями он позволяет им увидеть произведения братьев Стругацких с другой стороны. Читая и перечитывая их, и вы тоже начинаете понимать, размышлять, мечтать, фантазировать и ещё больше любить фантастику.

Стругацкие —
взгляд со стороны

Пепел Бикини

Март 6, 2016

Сравнение трех вариантов повести Л. Петрова и А. Стругацкого «Пепел Бикини». С обильными цитатами из всех трех вариантов (предполагается, что читатели плохо знают эту повесть).

1 марта 1954 года Пентагон на полигоне в атолле Бикини испытал водородную бомбу. В результате многие люди, находившиеся как будто на безопасном расстоянии (в десятках и даже сотнях километров от эпицентра взрыва) заболели лучевой болезнью. И в первую очередь — рыбаки японской шхуны «Счастливый Дракон». Один из них — радиист (по книге) Сюкити Кубосава двадцать четвертого сентября того же 1954 года скончался. Об этом рассказывает повесть Л. Петрова и А. Стругацкого «Пепел Бикини».

События эти были весьма значимы. Человечество, наконец, осознало опасность радиации, поражающей мирных людей на большом расстоянии и через значительный промежуток времени после ядерного взрыва, и в сравнительно корот-

кий срок все атомные полигоны стали подземными.

В «Пепле Бикини» показана предыстория и ближайшие последствия этого события для трех групп людей: американской военщины, простых янки (строителей полигона) и японцев.

«Пепел Бикини» в пятидесятые годы выходил трижды: журнал «Дальни Восток» № 5 1956 года, журнал «Юность» 1957 год, № 12 и маленькая книжечка «Государственного издательства детской литературы Министерства Просвещения РСФСР» (или просто «ДЕТГИЗ») 1958 года.

К этой самой первой вещи Аркадия Стругацкого в соавторстве с Л. Петровым я подходил без малейшего пинетта и считал ее «грехом молодости» будущего мэтра. Причина видна уже из (кратчайшей) аннотации — морализаторство и резонерство.

Однако, разумеется, это общий недостаток подобных произведений, а не «авторский грех». И авторы прекрасно знают, как его преодолеть.

Первый вариант повести, вышедшей в журнале «Дальний Восток» (далее — ДВ), предельно документален. О вещах жестких и жестоких говорится с равнодушной обыденностью.

И в первую очередь — о таком грязном деле, как политика.

/.../ когда на Тихоокеанском театре военных действий некоторыми офицерами императорской армии был возрожден древний самурайский обычай пожирать дымящуюся кровью печень поверженного врага, доктор Миками отозвался об этом, если и не с безусловным одобрением, то, во вся-

ком случае, без порицания, пустившись в туманные рассуждения о классических национальных традициях племени Ямато.

А ведь Миками — ведущий японский врач.

Американские политики не намного лучше:

А самое неприятное, мои уважаемый друг, — понизив голос, проговорил Удзуки, — заключается в том, что несчастные рыбаки правы.

— В чем? В том, что отказывались лечиться у янки?

— Нет, в том, что янки их будут использовать как своего рода подопытных животных. Во всяком случае методы работы Нортона и его помощников весьма напоминают мне... м-м...

Удзуки замолк и задумался. Может быть ему вспомнились описания работ генерала Исии, опубликованные после Хабаровского процесса?

Даже бравому адмиралу не по себе:

Брэйв похолодел. Да, ведь он слишком много знает. Значит, выбросить его нельзя. Зато можно... Нет, только не это. Нет, нет... Его знают, он умеет молчать.

/.../

Голова Брэйва кружилась, перед глазами плыли багровые пятна. Он едва стоял.

/.../

Остается... ждать приговора.

Чего же тогда ждать простым строителям полигона?

Субботние вечера показались бы постороннему сущим адом. Всевозможные обиды, действительные и мнимые, накопленные за всю неде-

лю и потонувшие было в отупляющей усталости, всплывали тогда наружу и выливались в ожесточенные драки. Кто-то невидимый умело и без промаха направлял эти взрывы пьяной энергии в русло национальной розни. Мексиканцы бились с американцами, негры с мексиканцами и китайцами, все — друг с другом. Между дерущимися, покрикивая для порядка, но ни во что не вмешиваясь (разве только, если дело доходило до убийства), расхаживали патрули с буквами «MP» (военная полиция США — прим. авт.) на пробковых шлемах. К концу первого месяца вдруг выяснилось, что регулярно и самым страшным образом оказываются избитыми те немногие, кто имел какие-либо столкновения с администрацией.

.../Однажды воскресным утром тело несчастного Майка нашли на берегу среди обломков коралловых глыб. Негр лежал наполовину в воде, лицом вниз, руки его были скручены за спиной проволокой, на затылке зияла страшная рана. Это было не первое убийство на острове, ибо одуревшие от жары и спирта люди дрались иногда, чем попало, но, конечно, никому не пришло бы в голову связать противника перед тем, как раскрыть ему череп, а затем для верности подержать его лицом в воде. И все же администрация, по-видимому, не усмотрела в этом случае ничего необычного. Мало того, Чарли и Дику показалось даже, что дело стараются замять. Труп закопали в северной части острова и насыпали над неглубокой могилой кучу песку.

И еще несколько слов об отношении японцев к премьер-министру Иосида и его правительству:

Со времен Хидэёси у нас не было ни одного — я уж не говорю умного — но хотя бы нормального правительства. .../ Говорить о доверии и уважении к такому человеку, как Иосида, просто смешно...

/..../

Да разве убедишь такого закоренелого упрямца и лицемера.

/.../

Министерство здравоохранения... Одно из тех министерств, у которого в Японии никогда не было денег. Самое большое, на что оно будет способно, это бросить призыв не пить воды. Как это было с тунцами. Поставили в приемных рыбных складах чиновников с дозиметрами и добились того, что только в одном Токио выбросили за борт полтораста тонн разделанного тунца. Разумеется, этого зараженного тунца сожрали мелкие рыбы, креветки и кальмары, которые в свою очередь пойдут на стол беднякам, а бедняки попадут к нам {в больницу}.

/.../

Изумленные полицейские услышали, как отец провинции громко и отчетливо выругался по-английски и сказал, ни к кому, по-видимому, не обращаясь:

— Это всё равно, что обучать лошадь молитвам.

Отношение японцев и американцев тоже не-простые:

Хулиганы на танках! Может быть, и атомные бомбы на Хиросима и Нагасаки они сбросили из хулиганства, как мальчишка стреляет из рогатки

в стеклянную витрину? Иначе, какой же смысл было наносить такие удары по истерзанной, обес-силенной стране, у которой уже подогнулись колени?

Да, доктор Миками не любил и боялся американцев, и довольно частое общение с ними в последние годы не изменило этих его чувств к лучшему.

/.../

Да, таких вещей никому не прощают. За что придется отвечать? Самое главное — вся эта водородная история значительно ослабила позиции Вашингтона в Японии. Джапы давно ждали повода для выражения недовольства против оккупации, и теперь катастрофа с рыбаками, радиоактивный тунец, смертоносный дождь представляются им случаем, посланным самим господом богом. Ни в одной стране американцев не ненавидели так, как в Японии.

И часто переходят в банальную ругань:

Эта желтая пигалица оказалась хитрее, чем он предполагал.

/.../

До чего у этих янки противные морды...

Впрочем, американцы грызутся и между собой:

— Ну, нас учить нечему, — усмехнулся рыжеволосый Дик, — мы и без того ученые, верно, Чарли?

— Уж во всяком случае, учить нас будет не негр, — презрительно сказал толстяк, доставая из кармана мятую пачку сигарет. Улыбка сползла с лица Майка.

— Ты, значит, парень, считаешь, что негр или там мексиканский парень хуже тебя, так ты считаешь?

— Конечно, — Чарли с открытой насмешкой взглянул негру в глаза. — Всякий скажет, что самый плохой белый лучше самого хорошего негра.

— Это ты брось, — нахмурился Дик, — совсем не в том дело, кто лучше и кто хуже. Просто...

— Что «просто»?

— У нас, у белых, своя дорога, а у негров и всяких других цветных — своя.

Майк снова широко улыбнулся:

— Это неверно, парень. И если ты так думаешь, скажи, пожалуйста, почему же мы — белые, негры, мексиканцы, китайцы, все, кто здесь есть, — едем по одной дороге, в одном и том же свинарнике?

— Знаешь, иди ты к черту, — сердито начал Чарли.

Не лучше обстоят дела «простой Японии»:

Как и всех других хозяев, Нисикава интересовало только одно: полные трюмы свежезасоленной рыбы. За полные трюмы отвечают капитан и сэндо. За это они получают деньги. Законно они действуют или нет — их дело. Впрочем, если бы рыболовным шхунам разрешено было иметь на борту оружие, Нисикава, вероятно, не удержался бы и сам порекомендовал им заняться капреством, пиратством, чем угодно, лишь была обеспечена прибыль. Единственным условием, которое он имставил, было, есть и будет: действовать так, чтобы не вовлекать его, Нисикава, ни в какие неприятности.

И «простой Америке»:

— Конечно, мне сразу сказали, что мальчик умер. Он умер от дифтерита. Когда мальчика похоронили, Марта чуть с ума не сошла. Но через месяц вдруг успокоилась и... пошла не по той дорожке. Писем от меня ведь не было, и она решила, что я ушел совсем. Кроме того, как рассказала мне соседка, она боялась, что я спрошу с нее за ребенка, если вернусь. Ты понимаешь, Дик, как это было тяжело слышать. К Марго повадился ходить один тип, приезжий торговец из Бразилии. /.../ Месяца за полтора до нашего возвращения она собралась, взяла чемодан и уехала. Где она сейчас — не знаю. Хорошо, если бразилец забрал ее к себе на совсем, по крайней мере будет сыта.

Общие описания в «ДВ» также спокойно-равнодушны, но не без легкого сарказма. Вот маленький рыбакский поселок в Японии:

Даже на довольно подробной карте Японии не всегда можно найти Яидзу. Это небольшой рыбакский городок, один из тысяч, которые лепятся по побережью страны Восходящего Солнца от угрумых скал мыса Соя на Хоккайдо до изумрудных берегов южного Кюсю и создают ей славу одной из первых рыбопромышленных стран мира. Через их грязные захламленные порты вливается в Японию бесконечный поток разнообразных даров моря: с севера идет кета, лосось, сельдь, с юга доставляют тунца, макрель, омаров; на оптовые склады поступает китовый жир, амбра, сушеные осьминоги, каракатицы, кальмары, сепия, икра...

Эти города ежедневно встречают и провожают тысячи и тысячи рыболовных шхун, иногда новеньких и опрятных, чаще — ободранных, потрепанных временем и случайностями дальних плаваний, провонявших тухлой рыбой и квашеной редькой, но всегда имеющих деловито-озабоченный вид и пестрых от бесчисленных флагов, вымпелов и разноцветных одежд моряков. Шхуны со всем инвентарем и мускульной силой экипажей принадлежат либо крупным компаниям, либо маленьким частным владельцам, так называемым мелким и средним предпринимателям, каких так много развелось после войны почти во всех отраслях народного хозяйства Японии.

/.../

Невзирая ни на какие новые веяния, они с похвальным упорством отстаивают исстари установленные патриархально-феодальные традиции в отношениях между рыбаками и их хозяевами, и традициями этими проникнута даже деятельность (или бездеятельность) рыбакского профсоюза. Не то, чтобы рыбаков вполне устраивал их заработка, который, по правде говоря, не мешало бы поднять раз в пять-шесть, да и то было бы только в обрез. Но просто по опыту известно, что в случае возникновения разногласий с хозяином тот, выражая отеческое сожаление, моментально уволит недовольного, а это означает необходимость идти искать заработков в какой-либо другой город — перспектива ненавистная и страшная для любого семейного рыбака. Поэтому большая часть жителей Яидзу предпочитает сводить концы с концами, довольствуясь тем, что дают им уловы. Женщины разводят огороды, старики днью-

ют и noctуют на маленьких лодочках у берега, вылавливая «ика» — кальмаров: в сушеном виде эти головоногие довольно вкусны и, если они не составляют единственного блюда на завтрак, обед и ужин (а так, к сожалению, бывает нередко), их появление на столе встречается даже с радостью.

Что касается недовольных, то они не уживаются в Яидзу. Им приходится искать счастья на стороне. Судя по их редким письмам, дело это трудное и хлопотливое, о чем неустанно при каждом удобном случае напоминают им хозяева. Да, счастье положительно не дается недовольным. Но только ли недовольным?

Реакция японского обывателя на события в атолле Бикини:

Мозг японского обывателя с огромным трудом осваивал необычайно пикантную газетную кашу этих дней. /.../ Раздумья обывателя долги и мучительны. Он понимает, что нужно что-то делать, но не знает, что именно. Ему приходят на помощь. Ему говорят:

— Местный комитет борьбы за запрещение испытаний и применения водородного оружия предлагает вам подписать возвзвание. Каждый честный японец...

Честный японец! Обыватель читает, несколько минут молчит в нерешительности и затем совершаает свой первый в жизни поступок, не обусловленный влиянием солидных буржуазных газет: он берет самопишуущую ручку и торопливо, словно боясь опоздать, расписывается. И также торопливо прикладывает к росписи личную печать.

И «мексиканский кабачок» в США:

Загулявший военный и бродяга, в кармане которого завелось несколько долларов, улизнувший от жены делец и запивший клерк, наскучившие чинностью больших ресторанов, представители золотой молодежи, богатый эмигрант из Латинской Америки, гангстер, удачливый игрок — вся эта разношерстная публика собиралась к полуночи под его низкими сводами, пила, пожирала острые мексиканские блюда, орала, ругалась и курила, курила, курила без конца. В голубовато-сером тумане между мраморными столиками ловко скользили официанты в сомбреро и важно разгуливали толстый усатый хозяин во фраке, с крупными блестящими камнями на пухлых пальцах левой руки. Скандалы здесь были редки: за этим следили три дюжих парня, сидевшие в углу за отдельным столиком под большой картиной, изображавшей пустыню, кактусы и скачущих всадников. Кроме того, недалеко от кабачка находился полицейский пост.

/.../

Поставив на стол пустой стакан, Чарли огляделся. За соседним столиком двое оборванцев убеждали размалеванную женщину попробовать новый коктейль. Та отбивалась с визгливым хохотом. Оркестр очень громко играл «Мамбо» — модную румбу. Несколько пар старательно топтались в узких проходах. В противоположном углу зала раздались рассерженные голоса, и через минуту дюжие парни осторожно протащили к выходу мужчину во фраке с большой белой астрой в петлице. За ними следовал грузный человек в клетчатой рубашке с засученными рукавами.

— Слушай, Дик, — сказал Чарли, поворачиваясь к Дику. — Что это за место?

— Это? Ты же видишь — ночной ресторан. Я всегда провожу здесь ночь, когда задерживаюсь в Вашингтоне. Тепло, уютно. Только надо иметь несколько долларов на виски. И не шуметь. Это лучше, чем спать в ночлежке.

— Я смотрю, здесь что-то очень много всяких благородных. — Не обращай внимания. Здесь не смотрят, какой ты, благородный или нет. Были бы деньги.

Несколько мелких сюжетных нюансов повести в версии ДВ. Когда японские рыбаки хотят пройти мимо Маршалловых (Маршальских) островов, то вспоминают:

Среди них находились и два черной славы атолла — Бикини и Эниветок, всем известные полигоны для испытания атомных бомб.

Но попади рыбаки в запретную зону вокруг островов:

Нас бы обвинили в шпионаже и тогда...

Но решение принято:

И сэндо рассудил, что, поскольку обратный путь в Японию всё равно лежит через этот район, в пределах американской опеки, можно будет вообще воздержаться от лова, а в случае чего они отговорятся невозможностью определить свое местоположение на таком удалении от берегов.

Закончивших работу на полигоне американцев отправляют назад «на шикарном теплоходе «Санта-Круц»:

Фирма в знак признания ваших заслуг решила везти вас в Штаты как джентльменов. Цените это.

В больнице японские врачи уговаривают больных рыбаков лечиться у американцев:

Вряд ли американские врачи могут иметь на уме что-нибудь плохое. К тому же, ведь мы присутствуем здесь, а нам-то вы доверяете, не так ли?

А почему, собственно американские врачи командуют? Отвечает доктор Удзуки:

Но ведь даже пенициллин мы берем у них. Хорошо еще, что они постеснялись поставить условием полное отстранение нас, японцев, от этого дела.

По словам того же доктора, коммунизм в Японии невозможен:

В такой стране, как Россия, Китай — пожалуй... Но не у нас.

Размышления другого японского врача:

Некоторые из /.../ планов и расчетов будут приняты или отвергнуты в зависимости от того, чем окончится история болезни пациента палаты 311, удастся ли Куматори, молодому, талантливому врачу, сохранить жизнь человеку, который вот уже полгода мечется между жизнью и смертью за этой дверью. Однажды Нортон даже намекнул.

Когда уже помянутый американский адмирал пришел к своему шефу:

Его даже не пригласили сесть...
И в придачу задали неприятный вопрос:
Кстати, почему вы не сдали официально дела
в Японии?

Наконец три интересных вставных эпизода.
Один касается главных героев, американских
рабочих Дика и Чарли сначала на судне, а потом
на самом полигоне:

Но тут их очень невежливо окликнули, и, обернувшись, они увидели в двух шагах от себя плотную, закутанную в блестящий kleenчатый плащ фигуру. По синему носу и изрыгающему ругательства рту, видневшимся из-под капюшона, они сразу признали боцмана.

— Сколько вам говорить, ублюдки, вонючие сухопутные твари, недоноски, что выходить на палубу запрещено? Сколько вам говорить и хватит ли здесь одних разговоров, я вас спрашиваю?

— Не очень-то разоряйся, боцман, — угрюмо сказал Дик. — Ты нам не хозяин.

— И если будешь так ругаться, то можешь нарваться на неприятности, — добавил Чарли, вызывающе шагая вперед, не отпуская, однако, погружни.

Боцман несколько секунд оторопело переводил взгляд с одного на другого, затем сказал неожиданно спокойно:

— Ладно, парни, дело ваше. Я ругаюсь потому, что боюсь за ваши шкуры. Вчера смыло за борт одного матроса. Но раз вы сами взялись отвечать за себя... Кроме того, ведь это ваш босс запретил вам появляться наверху, чтобы вы не глазели по сторонам.

Он повернулся, но, отойдя подальше, остановился и крикнул:

— Я вас давно держу на примете, особенно тебя, рыжий. Посмотрим, как ты запоешь на разгрузке.

— Ладно, топай, топай, боцман!

Когда боцман ушел, приятели озадаченно взглянули друг на друга.

— Что он имеет в виду? — спросил Дик.

Чарли пожал плечами:

— Надеюсь, ничего плохого. Было бы скверно, если бы он доложил о нас толстому боссу.

— Надо будет сунуть ему бутылку виски, — решил Дик. — У меня еще осталось две штуки.

— Правильно, — одобрил Чарли.

/.../

— Знаешь, Чарли, — сказал Дик. — Я вот всё думаю, что мы здесь делали? Для чего все это?

— Что «все это»?

— Да вот... залили землю цементом, вбили туда железные брусья какие-то... Каланчу эту построили, — Дик ткнул пальцем в сторону холма, над которым возвышалась громадная башня из толстых стальных форм.

— А тебе какое дело?

— Вообще, конечно, никакого. Но ведь интересно, все-таки, что здесь будет?

Чарли открыл, наконец, глаза и изумленно уставился на приятеля:

— Тебя что... солнечный удар хватил, что ли?

— А почему бы мне не задать такой вопрос?

— Вот-вот, пойди к начальнику... А еще лучше к самим мистерам Холмсу и Харверу и задай им свой вопрос. Они тебе ответят. Не суй нос не в свои дела, старина. Это вернейший способ сохранить его в целости.

— Чепуха, Чарли. Я работал на этой стройке с самого начала, как и ты. Мы оба потели здесь и рисковали нажить грыжу. Почему же нам не узнать, что мы строили, если нам это интересно?

— Это ты брось, — резко сказал Чарли. — Мне это совсем неинтересно. Мне интересно получить свои денежки и поскорее вернуться домой целым и невредимым. А с теми, кто задает много вопросов и старается побольше узнать, случаются разные неприятные вещи. Не забывай негра Майка, дружище. Голову даю на отсечение, что его кончили за то, что он любил смотреть и слушать.

— Может, все это так. Только...

— Что «только»? — Чарли придвинулся к товарищу и сказал, понизив голос: — Тебе же сказали, что стройка идет по военному заказу. Ты — единственный дурак на всем острове, которому хочется узнать еще что-нибудь помимо того, сколько ему причитается и когда он попадет домой.

Дик вздохнул и поднялся на ноги.

— Пойдем попьем, что ли?

— Это дело, — оживился Чарли. — Можно и попить, и даже выпить

Далее история губернатора провинции Сидзуома, «опытного политика» (то есть по-нынешнему просто политика):

Губернатор провинции Сидзуома был в ярости. Вернее, он был взбешен. Он бушевал — ругался, топал ногами и даже осквернил свои руки.

Чтобы вполне оценить впечатление, произведенное этим обстоятельством на всех окружающих, следует учесть, что он считался чуть ли не самым

уравновешенным человеком на всем побережье залива Суруга и представлял собою исключение среди других губернаторов. Неожиданный гнев отца провинции нашел свое первое выражение в том, что губернатор сначала скомкал и швырнул в лицо секретарю телеграмму от господина премьер-министра, а когда обиженный секретарь попытался пуститься в рассуждения относительно незыблемости демократических порядков в государственных учреждениях новой Японии, схватил несчастного молодого человека за шиворот и вытолкнул за дверь. Бормоча проклятия и извинения, помогая испуганной машинистке поднять опрокинутый его падением стол, секретарь слышал, как за захлопнувшейся дверью губернатор бегал по кабинету, крича: «Проклятые дураки!..» Затем послышался звон разбитого стекла («Хрустальный графин!» — ахнула машинистка), и всё стихло. Здание губернаторского управления замерло. Пораженные чиновники ходили на цыпочках и обменивались недоумевающими взглядами. Служительница, относившая губернатору обед, вылетела из кабинета вся красная, со слезами на глазах: господину губернатору показалось, что она позволила себе войти не постучавшись. Дверь кабинета распахнулась, и резкий визгливый голос приказал вызвать начальника полиции. «Немедленно! Слышите?» Секретарь, забыв о достоинстве несправедливо обиженного, бросился к телефону.

И только позвонив, он вспомнил, что раньше губернатор имел обыкновение звонить к начальнику полиции сам. Эта мысль вызвала у него другое воспоминание. Он хлопнул себя по лбу и медленно сказал:

— Кажется, я понимаю, в чем дело.

Мгновенно обступившие его чиновники узнали следующее. Сегодня утром звонил из Токио сам господин министр внутренних дел. Дверь кабинета не была плотно прикрыта, и он, секретарь, волей-неволей... Если дверь приоткрыта, то слышно всё, и этому ничем не поможешь... Господин губернатор взял трубку и поздоровался с господином министром.

— Дальнейший разговор я помню почти слово в слово. — Секретарь надулся и заскрипел, имитируя голос своего шефа. — «Знаю, господин министр, завтра похороны. Какие меры? Но мне кажется, полиции там делать будет нечего... Господин министр, моя точка зрения на этот вопрос вам известна. Кто я? Ну нет, я не коммунист, и это вы прекрасно знаете... Нет. Позволю себе заметить, что это вы играете на руку красным, господин министр... Правда, когда-то и я думал, что лучше янки, чем красные... Вот-вот, без янки. И уж во всяком случае без этих дьявольских бомб... Япония — японцам. Господин министр, я всегда говорил, что Окадзаки — подставная фигура. А мы с вами — японцы, господин министр. Вот именно... Нет, я не думаю, что вдова рыбака, убитого американцами, поднимет на кладбище бунт. Уверяю вас, господин министр, там всё будет в идеальном порядке...» Он спорил, но оставался спокойным. А через полчаса пришла телеграмма от господина Иосида. И вот тут...

Машинистка не выдержала и прыснула. Секретарь надменно поглядел на нее.

— Мыслящий реально человек должен понимать, что бывают минуты, когда самые краткие

и терпеливые из нас теряют душевное равновесие. Я понимаю это и не имею к уважаемому господину губернатору никаких претензий.

Секретарь был прав: его шеф потерял душевное равновесие. Впрочем, до претензий секретаря или кого-либо другого из подчиненных губернатору не было никакого дела. Главными виновниками его вспышки были те, наверху, в Токио — в этом секретарь тоже не ошибся.

/.../

Разумеется, губернатор далеко не либерал:

И вопрос, конечно, не в том, что ему было бы неприятно видеть равнодушные раскормленные рожи полицейских рядом с плачущими женщинами и суровыми обветренными лицами рыбаков.

Просто «неуклюжие махинации» правительства Иосида «могли стоить ему места, в конце концов». А поддержи он рыбаков в похоронной процессии, «эта была бы популярность».

Поэтому на похоронах губернатор-политикан изо всех сил пытается сохранить лицо.

Но не только:

Начальник полиции, озабоченно пыхтя, стал проталкиваться сквозь толпу. /.../

— Ну-ну, деревенщина! — угрожающе прорычал начальник полиции. — Поговори у меня! В свиной ящик захотел?

— Попрошу вас немедленно назад, — негромко произнес губернатор.

— Но это бунтовщические речи! — маленькие глазки начальника полиции вращались, словно у китайской куклы. — Мой служебный долг...

— Ваш служебный долг — повиноваться мне. Давайте лучше послушаем.

К губернатору, несмотря на противодействие того же начальника полиции, подходит агитатор, призывающий к запрету ядерного оружия.

«Если вы японец, вы подпишете это воззвание», — пылко говорит он.

Да, я японец, — тихо сказал губернатор и назвал себя.

Студент почтительно поклонился и, пятаясь, исчез в толпе.

Губернатор подошел вплотную к начальнику полиции и прошептал ему:

— Постарайтесь держать себя достойно на похоронах или вернитесь в машину. На вашем месте я слушал бы то, что сейчас говорят, и учился.

/.../

И, хитро подмигнув вконец обалдевшему полицейскому, губернатор хлопнул в ладоши и тоже крикнул: — Суй-баку, хан-тай! (Долой бомбу — прим. авт.)

В конце книги Дик и Чарли встречаются с высокопоставленным полковником Нортоном:

— Я угощаю, ребята, — раздался вдруг сиплый голос над их головами.

Друзья подняли глаза и увидели высокого загорелого человека в помятом и испачканном сером костюме, без шляпы и со сбившимся набок галстуком. Человек этот довольно сильно кренился вправо, а пустые оловянные глаза его тупо и упорно смотрели на кончик носа.

— Сегодня угощаю я, — снова рявкнул он.

— Ну. садитесь, раз угощаете, — Чарли придвинул ногой свободный стул. Дик с брезгливой усмешкой следил, как новоприбывший, тщательно прицелившись, осторожно садился мимо стула, и подхватил его под руку в последний момент.

— Спасибо, друг. Вы — славные ребята, настоящие янки, клянусь... Здесь есть «Бикини»? Я хочу «Бикини». А вы?

— Виски, — коротко сказал Чарли.

— Так... А «Бикини» не хотите? Пусть будет виски. Но сегодня надо пить «Бикини». Знаете, почему?

— Почему?

— Потому что именно на Бикини началось то, что привело меня, полковника Нортона, в этот грязный кабак.

Тут Нортон уронил голову на стол и заплакал.

Дик и Чарли переглянулись. Один из вышибал подошел поближе посмотреть, что происходит, погрозил пальцем и вернулся на место.

— Полковник Нортон?

— Это вы лечили Кубояма?

— Да... Я лечил этого японца. И вот вся благодарность. А вы... Откуда вы знаете?

В пустых глазах пьяного полковника на мгновение мелькнула тревога.

— Мы убивали его, — усмехнулся Дик.

— Как... убивали?

— Так. Мы убивали — и не убили, а вы лечили — и не вылечили.

— Чепуха. Всё чепуха, — забормотал Нортон. — Скоро на трупы никто не будет обращать внимания. Скоро их будет очень много. Но это не должно огорчать никого.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, сэр, — угрюмо сказал Дик.

— Слушайте, ребята, — Нортон выпрямился на стуле, с трудом удерживая равновесие. — Черт с ним, с японцем. Мы великая нация и призваны властвовать над миром. Бомба сделает нас непобедимыми. А вас мучает угрызение совести за то, что вы сделали полезное дело. Вы должны гордиться этим, а не хныкать. Вы...

Он попытался подняться, но тут же уронил голову на стол и посмотрел на Дика снизу вверх.

— Им... Не нравится просто... нечистая работа. В следующий раз нужно быть осторожнее, вот и всё.

Он всхлипнул и закрыл глаза.

Дик встал, бросил на стол деньги и пошел к выходу. Чарли побрел за ним.

— Сволочь, сволочь и гад, — громко сказал Дик, когда они очутились на улице под неоновым светом вывески «Пенья-Невада».

Естественно, все приведенные цитаты присутствуют в «Пепле Бикини» версии ДВ и только в нем.

Версия «Пепла Бикини» в журнале «Юность» (далее — Ю), для тех, кто читал ДВ, сильно удивит. (Правда, обычно эти тексты читаются наоборот, с тем же, впрочем, результатом.) Сказать, что текст Ю просто сокращен (процентов на сорок) по сравнению с ДВ, значит, ничего не сказать. Глава «Профессор Удзуки Масао» отсутствует, глава «Пепел Бикини», наоборот, добавлена. Часть глав переименована: особенно понравилось превраще-

ние «Мексиканского кабачка» в «Дороги расходятся». Глава «Ямамото» / «Механик Мотоути» вообще стала совсем другой. Пропал «Эпилог», превратившись в главу «Поющие голоса». За это, честно говоря, особенно обидно, ведь в «Эпилоге» ДВ все «типические» персонажи как бы сводятся вместе, показывается их грядущая судьба. Из версии «Ю» это выпало (может, места не хватило).

Изменились практически все японские имена (главный герой, к примеру, из Айкити Кубояма стал Сюкити Кубосава). Из трех дочерей у него осталось две, мать стала тещей (которую, правда, Кубосава всегда зовет «матерью»).

В сторону увеличения поменялись номера. Судно «Счастливый Дракон» («Дай-дзю Фукуюмару») из № 5 стал № 10, а номер адмирала Брэйва в гостинице из 210 — до 810. Естественно, множество мелких сокращений и изменений.

Но главное, изменилась тональность.

Конечно, жестокости и в Ю хватает. Вспоминается непрятательный рассказ об обратном пути рыбаков после катастрофы.

— Погоди! — сердито остановил его хозяин. — Твои страхи и молитвы нужны мне... как тухлая камбала. Говори, Одабэ-сан. Коротко, не размазывая.

И капитан, подстегиваемый нетерпеливым покашливанием сэндо, глядя, как завороженный, в маленькие немигающие глаза Нарикава, топливо рассказал о плавании, о таинственной вспышке за горизонтом, о громе и, наконец, об удивительном «пепле горящего неба».

Нарикава слушал, не перебивая.

— Вы понимаете, Нарикава-сан, мы были очень испуганы. Мы шли без остановки до самого Коидзу. И это было нелегко, так как через два дня заболел механик...

— Его рвало, — не выдержал сэндо. — У него болела голова, он несколько дней валялся в кубрике, не принимая ни воды, ни пищи. Вместе с ним заболело еще несколько человек. Правда, Амидабудда был милостив, и они скоро оправились... Вот тогда и начались у нас эти проклятые нарывы. У радиста даже гной пошел из ушей.

Капитан облизнул пересохшие губы и опустил голову.

Но в повести появилось множество эпизодов, как бы это сказать, романтических.

В эту же сторону изменились и сами герои, особенно американцы. В варианте ДВ и Дик, и Чарли, и Майкл — безработные, готовые радоваться любому делу. В Ю таков только негр Майкл, на которого Чарли с Диком смотрят немного свысока:

Рыжеволосый {Дик} слушал негра со снисходительным любопытством: он был рабочим высокой квалификации и давно уже не знал безработицы.

Разные причины вербовки на «работу вне США». В «ДВ» эпизод устройства на работу довольно длинный и жесткий:

Они познакомились месяц назад дождливым октябрьским утром у входа в контору по найму рабочей силы. Им посчастливилось первыми занять эту выгодную позицию, и огромная масса безра-

ботных, моментально заполнившая улицу, на которой находилась контора, придавила их к запертым еще дверям. Дик и Чарли стояли, тесно прижатые друг к другу, уткнувшись носами в объявление, гласившее, что фирма «Холмс и Харвер» производит набор рабочих для строительных работ за пределами Штатов на неопределенный срок. Оплата повышенная, от двадцати до двадцати пяти долларов в день. Рабочий должен быть знаком с цементным и бетонным делом.

Двадцать пять долларов в день — деньги немалые, поэтому со стороны могло показаться, что все поголовно безработные Фриско превосходно знают цементное и бетонное дело и горят желанием покинуть родину на неопределенный срок. Впрочем, объявление оговаривало количество необходимых рабочих числом 550, тогда как желающих уже к шести утра оказалось не меньше тысячи. Дик и Чарли были совершенно уверены в успехе и со снисходительной жалостью счастливчиков думали о тех, кто спешил сейчас сюда со всех концов громадного города. Они по-братьски раскурили последнюю сигарету, оставшуюся у Дика, и съели сэндвич, приготовленный женой Чарли.

— Я уже третий месяц без работы, — рассказывал Чарли.

— Я только несколько недель, — виновато отозвался Дик. — Но всё равно, у меня на шее трое, надо же их кормить, не правда ли?

Чарльз и те, кто были рядом, великодушно приняли оправдание. И в этот момент дверь толкнули изнутри. Крича и ругаясь. Дик и Чарли потеснили товарищей и выпустили из конторы толстого человека в роговых очках.

— Тише! Тише! — пронеслось по толпе. Все смолкли.

— Вот что, ребята, — сказал толстяк. — Сейчас будем начинать. Не теснитесь и не спешите. Заходить по десять человек. Мы будем говорить с каждым в отдельности и наводить необходимые справки. Тех, кто нам подойдет, запишем, выдадим аванс в сто долларов и отпустим до завтрашнего дня. Завтра все принятые, как один, должны явиться в порт к десяти утра. Поняли?

— Поняли! — закричали все.

Кто-то спросил:

— Куда ехать?

Толстяк ничего не ответил и, неопределенno махнув рукой, скрылся в кабинете. Сейчас же в толпу врезались несколько дюжин полицейских. Ловко орудуя кулаками, дубинками и коленями, они установили какое-то подобие очереди. Огромный хвост из сотен людей вытянулся вдоль фасада и завернулся за угол квартала. Дверь снова открылась, у порога встал полицейский сержант и сказал:

— Валай первые десять. Два, три, пять... Не напирай, рыло... Восемь, десять... Всё! Осади назад, говорят тебе!

Дверь захлопнулась. Но что за дело было до этого Дику и Чарли! Они вошли первыми и первыми же, взволнованные и растерянные, очутились у стола очкастого толстяка.

— Фамилия? Имя? Возраст? Где работал? Какая специальность? Почему уволен? Ах, закончилось строительство... Член профсоюза? Нет? Проверьте, Джексон... Коммунист?

Дик в ужасе всплеснул руками. Чарли за его спиной искательно улыбнулся, думая, что хозяин шутит. Но хозяин не шутил.

— Имей в виду, парень, мы всё равно узнаем, красный ты или нет. И лучше, если ты скажешь это здесь. Так не красный? Ну, ладно. Пройди в ту комнату. Следующий! Фамилия?..

Когда Дик и Чарли снова очутились на улице, потные, счастливые, сжимая в ладонях пачки долларовых бумажек, их сразу же окружила толпа. Посыпались вопросы. И тут выяснилось, что ни тот, ни другой не спросили, куда и на какой срок они едут. Им это было безразлично.

— Эй, ребята!

К ним протолкался еще один из первого десятка.

— Вы в профсоюзе?

— Нет.

— А я в профсоюзе, и меня не приняли. Меня и еще одного парня...

Он поднял руку и крикнул:

— Товарищи! Они не берут членов профсоюза! Это темное дело! И не говорят, куда ехать и что за работа!

Толпа зашумела. Дик и Чарли, опасливо поглядывая на крикнувшего, стали проталкиваться в сторону. Навстречу им, расшвыривая стоявших на пути, спешили полицейские.

— Фу! — сказал Чарли, снимая шляпу и вытирая лоб. — Слава богу, работа есть.

— А что за работа, мне ей-богу наплевать, — возбужденно хихикая, отозвался Дик. — Хоть в ад грешников жарить. Платили бы только денежки. Ну, пойдем, вспрыснем это дело.

В Ю рассказ об устройстве на работу Майка на редкость короток.

— Безработный?

— Был. Теперь нет. — Майк достал из кармана сложенную вчетверо вырезку из газеты. — Вот, видишь? «Фирма «Холмс и Харвер» производит набор рабочих для строительных работ за пределами Штатов на неопределенный срок. Оплата повышенная, от двадцати до двадцати пяти долларов в день». Знаешь, парень, у конторы по найму было столько народа, что хозяева вызывали полицию. Но я перехитрил всех. Я встал у дверей еще с вечера. Ха! И я вошел туда первым...

Дик же и Чарли, по версии Ю, не случайные знакомые, а родственники. Чарли женат на сестре Дика. И на работу они устроились совсем по другим причинам:

Дик и его свояк Чарли работали на одном из многочисленных предприятий строительной компании «Холмс и Харвер». Месяц назад поздним вечером Дик, как всегда немного навеселе, явился в домик, которым Чарли недавно обзавелся в рассрочку.

Будущий домовладелец лежал на софе и читал газету, жена его убирала со стола. Дик поздоровался, уселся в кресло и закурил.

— Я к вам по делу, друзья. /.../ Речь идет о тысячах долларов. Сколько вам осталось выплачивать?

— Уйму. — Чарли был озадачен. — Четыре с половиной.

— Ага... Так вот, — торжественно сказал Дик. — Предлагается работенка примерно на эту сумму.

— Шутишь?

— Нет.

— Не верю.

— Считай, что несколько тысяч уже у тебя в кармане.

И Дик рассказал, что фирма прислала запрос на сто пятьдесят квалифицированных рабочих для работы за пределами Штатов. Оплата — двадцать пять долларов в день. Списки уже составлены и подписаны.

— И я...

— И мы с тобой.

...Спустя неделю Джейн, вытирая платочком глаза, провожала мужа и брата на вокзале, где они вместе с другими рабочими сели в поезд, уходивший на Запад.

Вот так: все весело и ничего не тяготит.

Далее, в версии Ю, в отличие от ДВ, негр Майк остается жив. Правда, уезжает в Америку чуть раньше Дика и Чарли:

Не только Майка, но и вообще никого из цветных в списке не оказалось. Перед отъездом негр долго тряс руки Дику и Чарли, бормоча что-то неразборчивое и вытирая слезы. Чарли потихоньку передал ему письмо для Джейн, нацарапанное огрызком карандаша на куске оберточной бумаги.

— Ну, держитесь, парни. Жалко расставаться. Очень жалко, ей-богу. Письмо завезу сам, Чарли, будь спокоен. Ну, все.

Майк в последний раз тряхнул их руки, повернулся и побежал к шлюпке. Друзья еще долго видели, как он, на целую голову возвышаясь над соседями, махал им рукой.

— Прощай, Майк, — тихо сказал Дик.

— Хороший негр, — растроганно добавил Чарли, — Славный. Лучший из негров, каких я когда-либо знал.

На мгновение их охватило чувство одиночества и острой зависти к тем, кто поднимался сейчас на борт транспорта. Эти люди уже на пути домой и через две — три недели увидят своих родных, жен, детей.

В дальнейшем в «мексиканском кабачке» Дик будет встречаться не с Чарли, а с Майком. Чарли же обретет свое, чисто мещанское счастье:

Вот и исполнились мечты Чарли. Пожалуй, ему нечего больше желать. У него собственный дом. Он владеет холодильником, пылесосом, телевизором, машинкой для приготовления коктейлей и многими другими полезными и необходимыми в домашнем обиходе предметами. У него есть небольшой текущий счет в банке и собственная чековая книжка с плотными узорчатыми листами. Мало того, теперь Чарли стал мастером, и от него зависит благополучие нескольких десятков человек. Одним словом, Чарли поднялся на первую (несомненно, самую трудную) ступеньку радужной лестницы, именуемой «просперити» (процветание).

Чарли слегка пополнел, глаза его утратили прежнее беспокойное выражение и стали уверенными и даже надменными. Товарищи по работе теперь относятся к нему совсем по-другому — немногие со скрытой насмешкой, большинство же с уважением и почтительностью: ведь он стал правой рукой производителя работ фирмы «Холмс и Харвер», а это — уже положение. Насмешек Чарли не

замечал, знаки почтения принимал снисходительно, с презрительной улыбкой. Серая масса сезонных рабочих, копошившихся у него под ногами, мало интересовала его. Теперь у него была другая цель: стать производителем работ, навсегда уйти из мира физического труда, руководить и получать все больше долларов, долларов, долларов... Впрочем, Чарли не торопился. Он мог позволить себе приглядываться, выжидать. Положение его было прочным. Кроме того, он подумывал и о карьере профсоюзного лидера. Вот только...

Чарли сидел в своем любимом (собственном!) кресле у электрокамина, курил и раздраженно поглядывал на сутулую спину Дика, стоявшего перед окном. Джейн вязала, полулежа на кушетке. Все молчали. Вечерняя темнота за окном была пропитана осенней сыростью. Вокруг лампы уютно плыли сизые струйки табачного дыма.

/.../

— Интересно, куда он девал свои деньги? — глубокомысленно произнес Чарли.

— Глупый вопрос!.. — Голос Дика звучал сердито.

— А все-таки?

— Ну, мало ли что... Раздал долги... Или болел и потратил на лечение. Вложил в какое-нибудь дело и прогорел. Будто не знаешь, как это бывает...

— У умного человека так не бывает.

— У умного? Пожа-а-луй.

Чарли подозрительно взглянул на Дика, но вид костлявой широкой спины не сказал ему ничего. Джейн еще быстрее заработала спицами, еще ниже склонила над вязаньем золотоволосую голову. На всякий случай Чарли пробормотал:

— Разумеется, кому как повезет...

/.../

— Мы условились встретиться сегодня вечером.

— Где?

— В «Пи-Эн»...

Чарли облегченно рассмеялся.

— Конечно, это — самое удобное место для встречи... — Глаза его встретились с глазами жены. Джейн несколько мгновений глядела на него с незнакомым, отчужденным выражением, затем снова опустила голову. Чарли кашлянул: — Само собой, лучше было бы пригласить его сюда, но... знаешь, Дик, какие у меня соседи? Нам житья не будет, если они узнают, что мы якшаемся с неграми.

— Я так и понял, — равнодушно сказал Дик.

— ...Вот-вот. И у меня много завистников на работе. Мне не хотелось бы давать им в руки лишний козырь. Да еще осложнить отношения с местными...

— Я так и понял, — повторил Дик.

Но Чарли уже не мог остановиться.

— Конечно, ты осудишь меня. Все-таки вместе работали и все такое. Я понимаю. Мне, право, ужасно жаль... Но я...

Дик наконец повернулся к нему лицом.

— Ладно, — сказал он и широко зевнул. — /.../
Нечего говорить об этом. Я пошел.

Он поцеловал Джейн в лоб, кивнул Чарли и вышел, плотно притворив за собой дверь. Шаги его простучали по асфальту под окном и затихли.

— Дик обиделся на меня, — беспомощно проговорил Чарли. — Но ведь не мог же я, действительно, пустить в дом ниггера!

Джейн не ответила.

Не знаю почему, но мне немного жаль Джейн.

Изменились и японские персонажи. Пусть чаще всего во вставных эпизодах, но из «типованных образов» реальной документалистики они превращаются пусть в романтических, но живых героев. Старшей дочери Кубосава Умэ в начале повести 14, а конце 16 лет. В ДВ ее нет, там старшей дочери радиста 7 лет. Практически она появляется только на нескольких страницах. В начале «японской» части, когда ее отец собирается выйти в море.

Умэко, подкравшись к отцу сзади, обняла его за шею тонкими смуглыми руками и шепнула на ухо:

— Папа будет осторожен в море, правда?

В Токио, в больнице:

Дверь тихонько скрипнула. Мотоути скосил глаза и увидел Умэко, старшую дочь Кубосава, подругу своей сестры. Вот уже месяц, как девочка жила в госпитале, ухаживая за отцом. Врачи считали, что ее присутствие благотворно действует на его здоровье.

Умэко хорошо знала Мотоути и часто навещала его. Бледная, осунувшаяся, отчего глаза ее стали очень большими и еще более темными, в белом больничном халатике, она казалась совсем взрослой.

— Ну что, Умэ-тян? — вполголоса спросил механик.

Умэко на цыпочках подошла и присела на край постели Мотоути.

— Папе опять плохо, — прошептала она. — Сос-всем плохо. Он опять потерял сознание. Я подслу-шала, врачи говорят, что надежды мало. Неуже-ли он умрет?

Глаза ее налились слезами, она опустила голову, перебирая дрожащими пальцами завязки на халате.

/.../

— Ничего, Умэ-тян, — сказал Мотоути. Его кост-лявая рука легла на плечо девочки. — Ничего. Не надо так... отчаиваться. Ведь Кубосава-сан не впер-вые теряет сознание, правда?

— У него теперь желтуха. Они говорят, что та-кой желтухи никто... никто...

Она всхлипнула и прижала рукав к глазам.

— Ну... ничего. Простите, что я плачу. Вам ведь тоже очень плохо. Вот, смотрите, мне дал госпо-дин студент из хиросимского отделения...

Умэко вытянула из-за пазухи свернутый в труб-ку журнал.

На большой, во всю страницу, фотографии Мотоути увидел нечто, напоминающее исполинский одуванчик или круглый ком ваты, поднявшийся над облаками на корявой черной ножке. Подпись под фотографией гласила: «Огненный шар, обра-зовавшийся после взрыва водородной бомбы. Ди-аметр шара — около восьми километров».

— Дрянь какая, — сказал Мотоути. — А что это за черный столб?

— Господин студент говорил, что это и есть туча пыли, которая поднялась от взрыва. «Пепел Бики-ни». Он говорил, что шар уходил все выше вверх и тянул тучу за собой. А потом... она рассыпалась...

— Дрянь какая, — проговорил Мотоути и вер-нулся в журнал.

— Ну, зачем это было нужно? — вырвалось у Умэко. Она закрыла лицо ладонями и выбежала из палаты.

И в самой последней главе после смерти отца:

Накамура-сан опустился на циновку, но сейчас же поднялся, чтобы поздороваться с высокой кра-сивой девушкой в европейском платье, появив-шейся из соседней комнаты.

— Никак это Умэ-тян?.. — пробормотал он.

— Я, Накамура-сан. Это я. Что, очень измени-лась?

— Да-а... Выросла, похудела. Стала барышней.

/..../

Дети подсели к почтальону, разговаривавшему с Умэко.

— Значит, Умэ-тян вступила в «Поющие голо-са»?

— Да. Мне сказали, что старшей дочери Кубо-сава это просто необходимо. К тому же я немнож-ко умею петь и плясать. Меня научила бабушка. Всем очень понравилось, как я танцую «Сакура».

— Вот как...

— Да. «Поющие голоса» — это голоса всех сво-бодных сердец нашей родины. Мы разъезжаем по всей Японии и песнями, декламацией, танцами убеждаем народ выступать против испытаний атомных и водородных бомб, против превраще-ния Японии в атомный полигон. А потом, воз-можно, отправимся и за границу... В Китай, Рос-сию, в США.

Почтальон с изумлением и уважением смотрел на нее. Впервые в жизни он слышал такие слова от шестнадцатилетней девочки, дочери рыбака.

Чуть больше страницы текста, но характер.

Еще один персонаж, «человек в тропическом шлеме», безжалостный фанатик. Один маленький эпизод — и вот он весь перед нами:

— Живее! — повторял человек в тропическом шлеме.

— Люди устали, сэр, — робко заметил однажды Болл, когда тот, брызжа слюной, тыкал сухим пальцем в голую спину рабочего, свалившегося в тени.

— Люди? — Бесцветные глаза человека в шлеме выкатились, как у омара. — Люди устали, говорите вы? Ну и что же?

Болл втянул голову в плечи.

— Мы подготавливаем грандиознейший эксперимент, а вы толкуете об усталости. Да вы что, с луны свалились, мистер... э-э... Голл?

— Болл, сэр...

— Тем более... Какое значение имеет усталость? Разве я отдыхаю?

К сожалению, в обратную сторону изменился столъ понравившийся мне в версии ДВ губернатор (в Ю — просто «губернатор префектуры»). Вот что осталось от такого яркого образа.

Губернатор префектуры, старый, умный и весьма опытный человек, ехал в Коидзу. Он не любил выезжать из своей резиденции, разве что только

в столицу по вызову премьер-министра. Но сейчас случай был исключительный. События этого лета оказались слишком сложными и непонятными даже для одного из старейших государственных администраторов.

/.../

Губернатор передохнул и придинул к себе пачку газет и журналов. Бегло просматривая заголовки, он усмехнулся. От такой каши могут свихнуться любые крепкие головы!

/.../

Губернатор утомленно закрыл глаза. Чтобы определить свою позицию, нужно прежде всего во всем этом как следует разобраться. Сегодняшний день он проведет в Коидзу, а завтра поедет в Токио. Довольно блуждать в потемках. Очень, очень беспокойное время!

И только-то? Мало. До обидного мало.

Также, к моему несчастью, стало больше объяснений. Причем началось с одной маленькой фразы. Было так. Чарли случайно услышал от человека в тропическом шлеме слово «тритий». Спросил у Дика, что это такое. «Что-нибудь из библии...» — отвечает тот. Однако Чарли в это не верится. И далее в «Ю»:

Это действительно было совсем другое: как известно, название сверхтяжелого изотопа в библии не упоминается.

А вдруг читатели и впрямь решат, что из Библии?

А заканчивается длинной лекцией о возможных последствиях ядерного взрыва (в той самой добавленной главе «Пепел Бикини»):

— Как изволите видеть, «пепел Бикини» напоминает тонкий белый песок, почти пыль. Рыбаки «Счастливого Дракона» утверждали, что падал он с легким шуршанием. Размеры частиц колеблются от 10 до 450 микрон. В основном они состоят из углекислого кальция — CaCO_3 . Под микроскопом при боковом освещении они представляются белыми кусочками с неправильной поверхностью, обладающей в некоторых точках особенно сильной отражающей способностью. В общем, они похожи на крошки полупрозрачного стекла.

Губернатор нетерпеливо покашлял. Симидзу едва заметно улыбнулся и продолжал:

— На поверхности большинства частиц можно заметить по 2—3, иногда по 10 черных зерен величиной в 2—3 микрона. Микрохимический анализ показал, что это радиоактивные изотопы редкоземельных элементов...

— Редкоземельных...

— Да, да, редкоземельных элементов и некоторых распространенных металлов. Период полураспада для них довольно короток, и интенсивность распада весьма велика. Атомы, входящие в состав углекислого кальция, активны очень слабо, и приходится признать, что основным источником смертельного излучения являются именно эти черные вкрапления.

— Но откуда они взялись, эти редкоземельные... элементы?

— Это не что иное, как продукты деления, продукты ядерного распада, имевшего место при взрыве. Частицы непрореагировавшего урана, служившего как бы «запалом», «детонатором» для термоядерной реакции, частицы металла, из которого

была построена оболочка бомбы, всевозможные вспомогательные устройства и прочее. В момент взрыва все это рассыпалось в пыль. А пылинки, зерна прилипали к частицам углекислого кальция, может быть, тонули в нем, пока он был в расплавленном состоянии, и теперь мы наблюдаем их...

И т. д. И т. п.

И еще одной чертой версии «Ю» стали военные воспоминания героев.

Больше, конечно, вспоминают американцы:

Дик потянулся, закинув руки за голову, и негр увидел у него под мышкой длинный неровный шрам.

/.../

— Это штыком.

— Штыком?

— Ну да. Во время войны я был капралом в морской пехоте. Какой-то плюгавый джап ткнул меня в грудь на Гвадалканале. Вот где была мясорубка...

— Ты был на Гвадалканале? Здорово! А я катался по Европе.

— Воевал?

— На транспортере, шофером. Два раза горел. Раз под Шербуром, раз в Арденнах.

Оба с любопытством посмотрели друг на друга. Дик снова рассмеялся:

— Какова жизнь, а? Воевали в разных концах света, а теперь болтаемся в одном корыте.

/.../

Знаешь хромого Гэмпфри из конторы? Мы вместе служили на островах, и он был самым бестолковым солдатом в моем отделении.

/.../

Дик не ответил. Присев на корточки, он внимательно рассматривал песок под ногами. Затем поднялся, подошел к крупной серой глыбе у самого уреза воды и поскреб ее ногтем.

— Коралл, — уверенно произнес он. — Коралловый атолл, ребята.

— Откуда ты знаешь? — спросил один из рабочих.

— Во время войны мне пришлось на таких побывать. Знаю...

Но и японцы войну не забывают:

Нет ничего ужаснее, ничего непоправимее, чем война. В памяти Кубосава еще свежи воспоминания о страшных событиях 1945 года, когда он, ничтожный ефрейтор, полумертвый от голода и страха, сидел, скорчившись, над своей рацией и прислушивался к оглушительному грохоту зениток и зловещему гулу американских бомбардировщиков «Би-29», идущих на Токио. Зенитки до сих пор черными пугалами торчат из заросших травой капониров на вершине горы, под которой расположен Коидзу.

/.../

Кубосава не одобрял повадок Мотоути, но питал к нему некоторую слабость, ибо парень был сыном его приятеля, убитого где-то под Сингапуром.

Вставные романтические эпизоды — это, на мой взгляд, лучшие эпизоды Ю. Как известно, если находишься на тропическом острове — жди акул.

В первые недели пребывания на острове Чарли, как и многие другие рабочие, с любопытством при-

глядывался к незнакомой обстановке, расспрашивал Дика, возился в свободные минуты на мелководье, стараясь поймать красивых рыбок, снующих над самым дном.

Как-то раз, когда было особенно жарко, он пригласил Дика искупаться, но тот молча указал на черные треугольники, рассекающие воду лагуны.

— Акулы! — Дик сплюнул. — Всегда, когда на атолле появляются люди, эти твари сходятся в лагуну. Они жрут всякие отбросы... Но с удовольствием съедят и человека. Помяни мое слово, наши ребята еще познакомятся с ними.

Предсказание Дика сбылось. Через несколько дней пришли еще два транспорта и привезли новые партии рабочих. На острове выросли новые штабеля стальных балок, машин, ящиков с консервами и виски.

В разгар разгрузки один из рабочих сорвался за борт, Чарли, бывший неподалеку, услыхал дикий, раздирающий душу крик, ругань, торопливую стрельбу.

Он бросился к берегу, но поверхность лагуны была совершенно чиста. Майк, находившийся на корабле, божился, что своими глазами видел омерзительных хищников, мгновенно разорвавших несчастного на куски.

После этого случая вдоль берега установили дощечки с надписью: «Не купаться! Акулы!», — а при разгрузочных работах время от времени в воду бросали динамитные палочки.

А самый романтический праздник — это Новый год.

Вот как встречают его американцы:

В канун Нового года Болл произнес торжественную речь, поздравил рабочих с наступающим праздником и призвал их «к последнему усилию». При этом он сообщил, что администрация объявляет 1 января нерабочим днем и вводит с нового года систему премий.

Как ни мал был обещанный отдых и как ни равнодушны стали люди к поощрениям, сообщение это несколько их оживило. Лица прояснились, можно было услышать шутку, смех. Тридцать первого декабря работу окончили засветло.

Это был самый необычайный новогодний праздник. Под черным тропическим небом, овеваемые солоноватым океанским ветром, люди сидели на берегу, пили виски, закусывали деликатесами из «подарков Санта-Клауса» (администрация позаботилась и об этом) и... молчали. Кто-то уже похрапывал, некоторые клевали носами.

— Новый год... и без елки, — с сожалением в голосе сказал Чарли.

— Как без елки, парень? — усмехнулся Майк. — А это?

Они повернулись к ажурной громаде башни, смутно темневшей у них за спиной.

— Хороша елка... Что ж, спасибо и на том. — Чарли вздохнул.

— Что? — спросил Дик.

— Так. Ничего. Дом вспомнился.

— Не горюй, дружище. Все будет хорошо. Верно, Майк?

Негр не ответил. Он крепко спал, свесив голову между колен и сжимая в кулаке нетронутую бутылку.

Японцы же празднуют с размахом. Этому празднику посвящена отдельная глава «Новый год», в который превратились «Рыбаки» версии ДВ.

Те из японцев, кто в полночь 31 декабря с благоговением прислушивается к звонким ударам храмового колокола, знают, что с последним, сто восьмым ударом все неприятности, пережитые в старом году, исчезают, рассеиваются, как дурной сон, и жизнь снова начинает сиять чистым светом радости и надежд. Поэтому к встрече нового, 1954 года, или 28-го года эры Сёва, в семье Сюкити Кубосава готовились по всем правилам. Накануне его теща — старая Киё, жена Ацу и дочь Умэ тщательно пропели «сусу-хараи» — традиционную уборку дома, ибо счастье и удача нового года входят только в чистый дом. На улице перед входом была установлена пара великолепных «кадома-цу» — каждая из трех косо срезанных стеблей бамбука, украшенных ветками сосны и сливы, — символизирующих пожелание здоровья, силы и смелости.

Над дверью красовался внушительный «симэ-нава» — огромный жгут соломы, охраняющий дом от всякого зла и несчастья. В кладовой — кушанья и напитки, которыми хозяину и домочадцам предстояло угощаться самим и потчевать друзей в течение всей первой недели января. В самой большой и светлой комнате стоял низкий столик, покрытый двумя листами чистой бумаги, на них лежали увенчанные аппетитным красным омаром два «кагами-моти» — символы удачи — круглые пироги из толченого вареного риса. Им предстояло пролежать так до одиннадцатого января, а за-

тем быть добросовестно съеденными. Короче говоря, праздник обещал быть по-настоящему веселым, как это принято в каждой порядочной японской семье.

Сам Сюкити Кубосава, /.../ как и всякий истинный японец, он был немного суеверен и втихомолку верил в чудесные свойства «кадомацу», «симэ-нава» и прочих атрибутов встречи Нового года. Поэтому он никогда не мешал теще Киё — великому знатоку старых обычаяев — действовать по-своему.

/.../

Нравы в Коидзу патриархальные и в достаточной степени консервативные, как и в сотнях других таких же крохотных, ничем не примечательных рыбачьих городков, которые лепятся по берегам Страны Восходящего Солнца — от угрюмых скал мыса Соя на Хоккайдо до изумрудных заливов южного Кюсю. /.../ Поэтому праздники, особенно Новый год, они встречают, как это делали их предки, обстоятельно и весело. И в то время как оглушенные бешеным темпом жизни, ослепшие от блеска реклам, истомленные бурно проведенной ночью столичные жители еще спали, обитатели Коидзу, глубоко уверенные в том, что день первого января должен стать образцом для всех дней в году, уже вышли на мокрые улицы, свежие, нарядные, улыбающиеся, чтобы обменяться приветствиями, нанести друг другу визиты, солидно и спокойно повеселиться.

— Кубосава-сан, смэдэто-годзамайс (новогоднее поздравление — прим. авт.)

Сюкити Кубосава, стоявший в дверях дома между двумя кадомацу, плотный, коренастый, в пла-

ще поверх чистого клетчатого кимоно, с достоинством поклонился.

— С Новым годом...

— Не совсем подходящая погода для такого праздника, не так ли?

— Совершенно верно. Впрочем, это не может особенно помешать нам.

— Согласен с вами. Прошу вас с почтенной госпожой Кубосава посетить нас.

— Покорно благодарю. Не оставьте без внимания и мое скромное жилище...

Кубосава раскланивался с соседями и знакомыми, принимал приглашения и приглашал сам, улыбаясь, произносил приличествующие случаю любезные слова.

И еще два новогодних японских «дуэта». Страна Киё и юная Ясу:

И Киё старалась в полную меру знаний и способностей. Шумная, суетливая, она успевала работать сама, давать указания жене Кубосава — маленькой Ацу — и старшей внучке и отвечать на бесконечные вопросы семилетней Ясуко.

Кубосава, усевшись на чистой циновке с газетой в руках, с любопытством прислушивался к ее разъяснениям по поводу «кагами-моти».

Оказывается, эти круглые сухие коврики делаются по образу и подобию счастливого зеркала, при помощи которого в незапамятные времена боги выманили из пещеры обиженнюю богиню света Аматэрасу.

— А почему? — спросила Ясуко у бабушки.

— Как же? Разве Ясу-тян не знает, что солнышко приносит нам свет и тепло? Солнышко и есть

сама великая Аматэрасу, наша прародительница. Она дает свет и счастье. Вот бабушка и испекла «кагами-моти», чтобы в новом году в наш дом пришло счастье...

— И «сусу-хараи» вы тоже делаете для этого?

— Конечно! Нельзя пыль и грязь переносить из старого года в новый: не будет удачи.

Снова Киё и босс главного героя господин Нарикава:

Гости выпили по чашке зеленого чая с маринованными сливами, затем Киё, гордая и счастливая, подала тосо — рисовое вино, заправленное пряностями.

Нарикава выпил две чарки, шумно отдулся и вытер глаза.

— Замечательное тосо, — проговорил он. — Моя жена делает значительно хуже. Как тебе это удается, Киё-тян?

— Право, Нарикава-сан, тосо недостойно ваших похвал. Как я делаю? Очень просто. Кладу специи и снадобья в шелковый мешочек и опускаю в вино...

— Ага, в шелковый мешочек! А моя кладет в серебряную сетку... Я пришлю ее поучиться у тебя.

— Ах, что вы говорите, Нарикава-сан! Мне ли учить вашу почтенную супругу...

Подали дзони — бобовый суп с поджаристыми комочками рисового пудинга, ломтиками курятины и овощами.

— Настоящий дзони, — похвалил Нарикава, — я уж думал, что такого нигде не делают. Всюду пошли новые моды...

Блюда следовали за блюдами, палочки для еды оживленно стучали о фарфор. Наконец Нарикава отодвинул чашку, вытер потный лоб и сказал:

— Большое спасибо. Замечательно вкусно. У нас вышел настоящий старый бонэнкай (традиционная «встреча забвения старого года» — прим. авт.).

Кстати, вообще-то американцы празднуют не Новый год, а Рождество, а японцы празднуют его, кажется, в феврале месяце. И вообще временами эти эпизоды кажутся похожими на тонкое издевательство над цензурой.

И, наконец, ужасно-романтическая история сэндо Тотими, который, оказывается, говорит не только о деньгах:

У входа в машинное отделение смутно темнели фигуры рыбаков, сгрудившихся вокруг жаровни. Чей-то монотонный, размеренный голос слышался сквозь рев ветра над палубой и жалобный скрип деревянной обшивки.

— ...и тогда он вскочил на коня и поскакал из Эдо вслед за предателем...

/.../ Радист наконец разглядел говорившего. Разумеется, это был сэндо Тотими. Толстенький, лоснящийся, он сидел на чьем-то услужливо пододвинутом чемодане и рассказывал одну из своих удивительных и страшных историй. Его похожее на мокрую картофелину лицо было освещено снизу розовым пламенем жаровни, черные глазки блестели, а пухлые грязные пальцы непрерывно двигались — то барабанили по коленям, то описывали в воздухе замысловатые кривые, имеющие, вероятно, какое-то отношение к рассказу.

Рыбаки слушали, затаив дыхание, не замечая ни качки, ни духоты. Пятнадцатилетний повар Хомма, забыв о куче мисок в кадушке с водой, зажатой у него между ног, таращил глаза и тихонько вскрикивал:

— Са-а! Вот так-так! Неужели это правда?

/.../ Тотими стоило послушать. Он битком набит всякими былями и небылицами и всегда рассказывает их так, словно сам был свидетелем или даже участником всех этих невероятных приключений. Рыбаки готовы слушать его целыми днями. Они прощают ему за это многое: скучность, склонность к мелким пакостям, рукоприкладство. Впрочем, неизвестно, кому и что доставляет большее удовольствие: рыбакам ли рассказы Тотими или Тотими — восхищение и жадное внимание слушателей.

— ...Да разве можно запугать этим старого морского разбойника? Надаэмон поднял топор — и...

/.../

— ...Так погиб гроза морей Надаэмон, так погибло сокровище, — закончил сэндо. — Дайте-ка сигарету.

Рыбаки помолчали, потом кто-то пробормотал:

— Сто тысяч золотых таэлей... Сколько это будет на наши деньги?

— На нынешние? Считай, золотой таэль не меньше, чем тысяч пять иен...

— Ого!

— И все это до сих пор на морском дне? — страдающим голосом спросил Хомма. — Эх, достать бы!

— Никогда никто не достанет, — авторитетно ответил сэндо. — Остров был заколдован, ты что, не слышал?

— Говорят, — заметил один из рыбаков, — что, на месте затонувших сокровищ всегда селится громадный тако — осьминог — и стережет их. Я сам читал об этом в одном журнале.

— Громадный осьминог? — Хомма выронил миску и схватился за щеки руками.

— Не знаю, как насчет громадных осьминогов, — медленно произнес сэндо, — но с громадными ика — кальмарами — мне приходилось сталкиваться.

Рыбаки разом замолчали, придинулись, и сэндо, самодовольно поглядывая по сторонам, рассказал, как несколько лет назад, когда он плавал на «Коэй-мару» в Южных морях, на них напало огромное головоногое чудовище, щупальца которого достигали 20 сяку (около двенадцати метров — прим авт.).

— Мы едва отбились от него баграми и ножами, а когда ика ушел, вся палуба была черной, как тушь.

Хомма круглыми глазами, не отрываясь, смотрел Тотими в рот:

— Ика? Такой огромный ика?

— А ты что думал, такой, каких ловит твой дед в заливе? И продает потом по десятке за штуку?

Мальчишка недоверчиво покачал головой:

— Неужто бывают такие страшные?

О существовании кальмаров-гигантов многие рыбаки слышали впервые. Посыпались вопросы, высказывались предположения.

Сэндо, посмеиваясь, отвечал и опровергал.

— Встретить такое чудище — большая редкость, — сказал он. — И пусть тот, кто хочет, жалеет об этом. Мне лично нужно побольше рыбы, побольше тунца...

Что же до моего мнения, то мне очень нравятся и импонируют романтические вставки варианта Ю. Но это только вставки. Документальность к тому же ДВ тоже привлекает.

Третье и последнее издание повести в «Детгизе» (далее — Д). Вызывает чувства еще более странные. Текст, по сравнению с вариантом Ю, увеличен более чем вдвое. Многие (хотя и не все — см. выше) лакуны из ДВ восстановлены. Вновь появилась глава «Профессор Масао Удзуки», почти вдвое увеличились главы «Адмирал Брейв» (зато выпал абзац о майоре Пейнтере — как предупреждении об отставке) и «Механик Мотоути» (из-за чего глава эта, извините за выражение, стала напоминать своеобразный пазл). Появилось деление на части, и таким образом последняя часть явно играет роль возрожденного эпилога. И добавилось романтики. Дик по версии Д превратился в заправского драчuna:

— /.../ Эх, Майк, — Дик хлопнул негра по плечу, — где только я не бывал! Кажется, я дрался в портовых кабаках всего мира. С англичанами, датчанами...

— Ну, драться... Чего хорошего?

— А мне без этого скучно!

/.../

Чарли и Дик, как и большинство квалифицированных рабочих, старались держаться в стороне от скандалов и не выходили в такие вечера из бараков. Но Дик, подвыпив, иногда не выдерживал и с налитыми кровью глазами молча кидался в свалку. Дрался он умело и беспощадно, и его побаивались.

— Полириую кровь, — оправдывался он перед Чарли, — а то здесь и закиснуть недолго.

Чарли молчал, молясь про себя богу, чтобы эта полировка не окончилась плохо для товарища. А она могла кончиться плохо.

И в придачу мошенника. Вспомним, что в версии ДВ он разозлился за одно подозрение, что шельмовал в карты. В Д Дик, менее разборчив:

— Почему все-таки вы подрались? — с дружелюбным любопытством спросил он.

— Мексиканец сказал, что я плутую.

— Так ведь ты ж не плутовал, парень, верно?

— Гм... игра есть игра.

Чарли же (видимо, в противовес Дику) окончательно выведен трусом и слабаком. Сравним эпизод первого его появления во всех версиях.

В ДВ Чарли полон страсти и азарта.

— Зря ты не дал ему как следует. Дик, — заметил толстый, потный человек в грязных холщевых штанах. — И ты зря вмешался, негр. Мексиканцев надо учить.

В Ю Чарли говорит более-менее нейтральную фразу:

— Хорошо еще, Дик, что «чако» не пырнул тебя в живот. /.../ Я говорил тебе, что карты до добра не доведут.

По версии Д, угрюмо добавляет:

— Я обещал Джейн следить, чтобы ты не ввязывался в драки.

Вспомним, что текст хоть частично, но романтический.

И еще парочка весьма, кажется, значимых для Чарли фраз.

Пришел Дик с сообщением о возможности заработать.

Чарли забегал по комнате, потирая руки, затем подбежал к Дику и схватил его за пуговицу на куртке:

— Слушай, дружище, мне нужно обязательно попасть туда. У тебя есть знакомства в конторе, Дик, ведь верно? Ты попробуешь, да?

— Гм...

— Дик, ведь это было бы счастьем для... для Джейн и для меня. Ведь тогда домик был бы нашим, Дик! Ты ведь поможешь нам, дружище?

А это уже на атолле:

— Я, наверно, не выдержу дольше такой гонки! — простонал однажды Чарли, повалившись на свой топчан. — У меня руки и ноги, точно ватные.

И жену часто (и громко) вспоминает:

— Понимаю... Джейн?

— Угу. Мы всегда встречали Новый год вместе... Что она думает о нас с тобой? Договаривались писать чуть ли не через день...

— Ну, положим, она знает, что ты жив и здоров.

— Так-то оно так... Господи, хоть бы строчку ей послать!

Дик услышал всхлипывания. Он протянул руку и ласково потрепал товарища по спине...

/.../

Чарли представил себе, как Майк позвонит у дверей его дома, как испугается Джейн, как обрадуется письму и будет без конца тормошить негра, засыпать его вопросами, не успевая даже выслушать ответ.

Всего несколько слов дополнительно произносит Умэ, но как удачно. Напоминаю, почтальон, старый друг семьи, говорит, что она выросла, стала «настоящей барышней».

Умэ грустно улыбнулась:

— Почти полгода в столице...

Интересно новое начало разговора Нарикавы и Киё:

А через несколько минут, когда церемония взаимных поклонов и приветствий окончилась и гости расположились на циновках, Нарикава сказал:

— Не думайте, Кубосава-сан, что я пришел только к вам. Я давно собирался взглянуть на Киё-тян, хе-хе-хе...

— Хе-хе-хе... — залился сэндо.

Старая Киё поклонилась:

— Хозяин еще не забыл, как мы вместе собирали ракушки на отмели...

— Да, давно это было. Постой-ка... Ну да, лет пятьдесят назад. Славное, хорошее было время...

— Тогда как раз вернулся из Маньчжурии мой муж...

— Да, и хотел еще надавать мне по шее за то, что я ухаживал за тобой...

Сэндо опять засмеялся тоненьkim, блеющим смехом. Все заулыбались.

— Разрешите предложить вам скромно закусить, — сказал Кубосава.

— Закусить? Отчего же... Разве мы против, Одабэ?

Капитан смущенно потупился. Он был очень молод, моложе всех в этом доме, за исключением Умэ и Яску. Кроме того, он был в европейском костюме, и это очень стесняло его.

— А ты как думаешь, Тотими?

— Несомненно, Нарикава-сан, несомненно. Раз Кубосава-сан так любезен...

— Помнится, Киё-тян была мастерицей готовить.

— Да, мать готовит очень хорошо, — сказал Кубосава.

Или воспоминания Кубосавы о своей жене:

Кубосава взглянул вдоль улицы. На углу несколько мальчишек и девочек затеяли игру в «ханэ-цуки». Дети подбрасывали пестро раскрашенную палочку и ловили ее скалками. Кубосава заметил среди них старшую дочь Умэко. Тоненькая, раскрасневшаяся от бега, она вдруг поскользнулась на мокрой траве и с размаху упала, мелькнув голыми коленками. Визг и смех. Подруги бросились поднимать ее; мальчишки запрыгали, крича во все горло. Кубосава вспомнил, как давным-давно,

десятка два лет назад, в такой же вот первый день нового года он, беззаботный молодой рыбак, запускал у ворот своего дома огромного воздушного змея, искоса поглядывая в сторону стайки девушек, игравших в «ханэ-цуки». Девушке, которая упнула подброшенную палочку, ставили на лицо пятнышко индийской тушью. Сюкити следил за маленькой хохотушкой с продолговатым, как дынное семечко, лицом и круглыми ласковыми глазами. На щеке ее было — он и теперь отчетливо помнит это — два черных пятнышка. Следы этих пятнышек оставались на лице Ацуко и через две недели, когда Сюкити впервые зашел к ее родным и добрых полчаса сидел молча, опустив голову... Вскоре они поженились. Военная служба, короткие месяцы семейного счастья, война, грохот зениток, зарево над горами, за которыми раскинулся Токио, американская эскадра на горизонте и наконец долгожданный мир... Ацуко оказалась доброй, ласковой, любящей женой. И дочки у него тоже хорошие. Умэко идет пятнадцатый год. Скоро придется отдавать замуж. Женихи найдутся — она красивая, в мать; к тому же Кубосава пользуется среди соседей хорошей репутацией. А будет еще лучше... Да, Кубосава не приходится жаловаться на судьбу.

И маленькая характеристика двух коллег ради-ста:

— Простите... Что вы сказали, Нарикава-сан?

— Я говорю, почему пришел для этого разгово-ра к вам.

— Я счастлив...

— У меня сейчас полно народу — родственники и разные знакомые, там нам не дали бы поговорить. Одабэ-сан — холостяк, у него даже сесть негде... Вы не обижайтесь, Одабэ-сан.

— Хе-хе-хе, — заблеял сэндо.

— А Тотими скуп и угостил бы нас прокисшим пивом.

Сэндо поперхнулся.

— Вот я и решил, что лучше вашего дома места не найти. И не раскаиваюсь... — Нарикава с трудом поднялся, опираясь на плечо сэндо. Кубосава вскочил, низко кланяясь и бормоча слова благодарности.

Губернатор префектуры «восстановлен в правах».

Впервые за свою жизнь он почувствовал растерянность. Стыдно было признаться самому себе, что он разбирается в политической обстановке не лучше своего болвана-секретаря, который сидел сейчас на диване напротив и сосредоточенно полировал ногти какой-то замысловатой штучкой. Губернатор презрительно поморщился и отвернулся к окну.

/.../

Он, глава префектуры, продолжал размышлять губернатор, потерял всякую ориентировку. Происходило нечто странное и страшное, чему не было никаких аналогий ни в истории Японии, ни в истории любого другого государства. Мир встал на дыбы, и даже богам вряд ли известно, чем все это может кончиться.

Все началось, с того, что где-то далеко в океане американцы взорвали таинственную сверхбомбу и «пеплом смерти», образовавшимся при взрыве, засыпало двадцать три японских рыбака. Рыбаки эти лежат теперь в госпитале, испытывают страшные мучения, и некоторые из них, очевидно, умрут. Но если бы дело ограничилось только этим инцидентом, можно было бы поругать американцев, содрать с них компенсацию за убытки и забыть о случившемся. Ведь взрывались уже над Японией атомные бомбы, были убиты и обожжены десятки тысяч людей. Губернатору самому приходилось видеть мужчин и женщин, прячущих под противогриппозными масками пятнистые, изуродованные лица. Да, это было и, по правде говоря, забылось. То есть об этом можно больше не помнить. Точно так же можно было бы забыть и про сверхбомбу, и про зловещий «пепел Бикини», и про отправленных рыбаков. Но...

Секретарь кончил полировать ногти, взял со стола воскресный номер «Асахи-Симбун» и, оттопыривая холеный мизинец, развернул газету на предпоследней полосе, где печатаются комиксы — сенсационные детективные рассказы — и юмор.

Губернатора передернуло. Микроскопический мозг — и никакого чувства ответственности! Такому, несомненно, наплевать и на бомбы, и на рыбаков, и на «пепел смерти»... Он уже забыл, точнее, он просто не дал себе труда узнать...

Итак, отправленные рыбаки и «пепел смерти». Дело в том, что последствия водородного взрыва далеко не исчерпываются несколькими человеческими жертвами. То немногое, что стало известно за последнее время, вызывает самые серьезные

опасения. Воображение рисовало губернатору мрачное, темное пятно где-то в южных морях, которое расползается все шире и шире, словно клякса на промокательной бумаге, захватывает остров за островом и надвигается на Японию. Радиоактивные дожди! /.../ «Радиоактивное излучение», «радиоактивное излучение», «радиоактивное излучение»... Выражение, всего лет десять назад известное лишь узкому кругу специалистов, стало теперь в представлении многих символом национальной катастрофы. Но самое тревожное в истории со взрывом бомбы — непонятная позиция правительства. Пока дело ограничивается десятками жертв и огромными убытками для рыбопромышленников, еще можно мириться... Хотя все эти коммунисты, анархисты и прочие нарушители общественного спокойствия как нельзя лучше используют случившееся в своих целях. Губернатор хорошо знал этих людей с рабочих окраин — с заводов и фабрик, — вечно шумных, вечно недовольных, тощих, измазанных углем и машинным маслом, с чугунными кулаками и ледяными глазами. О, они не захотят умирать! Они выйдут на улицы, будут бороться против кошмара, нависшего над страной. И — он знает это совершенно точно — их поддержит вся Япония. Поистине редкое положение: с одной стороны, таинственный смертоносный пепел, с другой — угроза красной анархии.

И на похоронах губернатор ведет себя гораздо скромнее:

— Он настоящий бунтовщик, — проговорил начальник полиции над ухом губернатора.

Тот пожал плечами:

— Почему? Пусть себе болтает... О демократической и независимой Японии пишут во всех наших газетах, даже в правительственные. А то, что он называет американцев убийцами... Какое нам дело? Или вы, господин начальник полиции, так уж преданы американцам?

— Нет, но...

— Мы с вами — японцы, господин начальник, — внушительно сказал губернатор. — Не будем мешать нашим соотечественникам выражать справедливую скорбь.

Маленькие глазки начальника полиции вращались, словно у китайской куклы.

— Но ведь от этаких выступлений недалеко и до красной пропаганды!

— А это уже другое дело. Тут надо быть начеку. Тогда вы...

/.../

Губернатор медленно смял листовку и швырнул ее под ноги.

— Убирайтесь-ка поживее отсюда, молодой человек, — сказал он, — и не попадайтесь мне больше на глаза.

Студент попятился и исчез в толпе. Начальник полиции покосился ему вслед и сказал с раздражением:

— Я бы его взял в кутузку и продержал бы там на прошлогодней соленой треске с месяц!.. Этих столичных смутьянов нельзя подпускать к провинции и на пушечный выстрел.

— Что делать, — вздохнул губернатор. — В наше время иногда приходится быть либералом. Впрочем, лучше пусть болтают, чем стреляют. Я в этом убежден, господин начальник полиции.

/.../

Губернатор беззвучно смеялся /.../:

— Нет, что ни говорите, а Ямато-тамасий, дух Японии, еще жив в нашем народе.

Лучше, но, наверное, все равно не то, что в ДВ.

К этой теме примыкает и беспокойство мэра Коидзу (бывшего Яидзу):

— /.../ Если, конечно, наши американские друзья не порадуют нас еще одним таким же подарком.

— Да нет, хватит с нас и этого! — вырвалось у мэра. Он испуганно взглянул на губернатора и добавил: — С разрешения его превосходительства.

Добавлена жуткая сцена на атолле:

Майк привел их к противоположному берегу, который обрывался в море серой полутораметровой стеной.

— Здесь, — тихо проговорил он. — Глядите, парни. Солнце огромным багровым шаром спускалось к горизонту и заливало красноватым светом широкую площадку, покрытую маленькими, беспорядочно разбросанными холмиками. На вершине каждого холмика красовались обломки коралла. От них через площадку ползли густые тени. У края площадки, откуда начиналась возвышенность, из песка торчали черные, обуглившиеся столбы.

— Ну и... что? — запинаясь, произнес Чарли.

— Не видишь разве? — Майк схватил его за руку и потащил за собой. — Здесь раньше кто-то жил, понимаешь?

— Кто?

— Откуда я знаю? Я их не видел, нет. Только вот эти холмики — их могилы, а вон те столбы — там были жилища...

— Какие могилы? Какие жилища? — растерянно спросил Чарли. — Что он говорит, Дик?

Дик не отвечал, сумрачно оглядываясь по сторонам.

— Вот я и думаю, парни... — Майк вдруг перешел на полуслепот, беспокойно озираясь и прислушиваясь к каждому шороху. — Может быть, это могилы тех, кто работал здесь до нас, а?

Страшно, но в ДВ все равно было страшнее.

Непонятна мне и новая глава «Кваджелейн», где американские генералы обсуждают результаты ядерных испытаний:

Коркран снял очки, достал из нагрудного кармана кусочек замши и принялся протирать стекла. Без очков и тропического шлема, за который Смайерс втихомолку называл его «английским резидентом», лицо генерала-ученого стало каким-то детским и растерянным.

— Хорошо, Смайерс, попробую объяснить вам популярно. Полмесяца назад мы произвели взрыв нашего устройства — так? Я не буду вдаваться в подробности термоядерного процесса, это долго и скучно. Главное то, что над местом взрыва возникло, по-видимому, плотное облако радиоактивных продуктов взрыва. И ветер понес это облако на северо-восток. К счастью, — на северо-восток, а не на юг, не сюда, на Кваджелейн. Но и на северо-восток было достаточно плохо. На пути облака

оказался атолл Ронгелап с населением в две сотни канаков и с нашей метеостанцией...

— Понятно, понятно, — проворчал Смайерс. — Они все заболели атомной горячкой... Искренне благодарен вам, мистер Коркран. — Он подумал и добавил с глубокомысленным видом: — За границей, должно быть, теперь поднимется бешеный шум. Но ведь никто не мог предположить таких последствий, как вы думаете?

Коркран водрузил очки на нос и надменно взглянул на него:

— Считается, что мы должны были учесть все, — даже невозможное.

/.../

— Эти водородные бомбы — капризные штуки. Чрезвычайно трудно предсказать все последствия взрыва, Понимаете... слишком много факторов, которые трудно или невозможно учесть заранее.

— Например?

— Гм... Форма оболочек, их толщина... материал. Гм... Расположение урановых запалов... Мало ли что... Кстати, почему вы называете их бомбами?

— То есть...

— «Бомбы»! — Коркран презрительно фыркнул. — Даже то чудище, которое мы испытывали сейчас, весило со всеми приспособлениями около сорока тонн. А в пятьдесят втором это был чудовищный, неуклюжий фургон весом в семьдесят тонн, и будь я проклят, если кто-нибудь знал заранее, что из него получится!

Смайерс с любопытством взглянул на генерала, На лице которого изображалась смесь самодовольства и крайней степени брезгливости.

— Значит, можно ожидать, что следующий экземпляр будет уже настоящей бомбой?

— Возможно. Видите ли, господа, первая термоядерная установка была чрезвычайно примитивной по конструкции. Смесь жидкого дейтерия и жидкого трития, устройства для их хранения, необычайно громоздкие и нерентабельные... Сейчас мы испытали более совершенный образец; Основой в нем было твердое вещество — соединение лития с дейтерием и тритием.

Брэйв зевнул.

— К сожалению, — проговорил он, — первенство здесь принадлежит не вам.

— Русским? — спросил Смайерс. — Увы, да.

И снова и т. д. И т. п. Честно говоря, не понимаю необходимости этой главы.

И еще опять-таки, видимо, популяризаторский абзац о кальмара:

Каждый житель приморского городка знает кальмаров с самого раннего детства. Чтобы свести кое-как концы с концами, семьи рыбаков вынуждены заниматься всякого рода отхожими промыслами. Женщины возятся на огородах, а старики и ребятишки днют и ночуют на лодках недалеко от берега, вылавливая юрких, маленьких — величиной с палец — кальмаров. В сущеном и вареном виде эти головоногие очень вкусны, и, если они не составляют единственного блюда на завтрак, обед и ужин (что, к сожалению, бывает нередко), их появление на столе встречается с большой радостью.

Забавны явно цензурные правки. Один из авторов письма больным рыбакам из священника стал «служителем культа». А доктор Митоя ока-

зался почти коммунистическим пропагандистом. В ответ на сетования своего друга о злой японской судьбе он отвечает: /.../ Утешьтесь. Ведь и другие народы не могут похвастать тем, что плоды пота и крови их отцов слаше. Не вижу большой разницы между нами и ними. Если кто и добился чего-нибудь дельного, так это, конечно, русские.

А затем, говоря об известном японском биологе-коммунисте, в Д добавляет:

Возможно, он считает, что только коммунисты предлагают пусть тяжелый, но зато определенный выход из того безобразного положения, в котором очутилась наша страна. Не знаю.

Забавно меняется биография Чарли/Майка. Итак, он поступает на работу, вскоре начинается забастовка. Далее, по Д:

Работы приостановились. Потом я заболел, пролежал месяца три в больнице. Меня уволили.

Это объяснение точно ничего не объясняет. За что, собственно, уволили человека? И причем забастовка? Смотрим Ю:

Напился, наскандалил, ударил мастера... Не веришь? Правда. Тут уж мне досталось как следует. Посадили на два месяца, из них месяц пролежал в тюремной больнице.

Чуть понятнее, но не до конца. Забастовщики, что, все «квасили по-черному»? А мастер был на

стороне хозяев? Только в документальном ДВ все ставится на свои места:

Я... я пошел в штрайкбрехеры. Дик. Да. Поймали, избили. Администрация переправила меня в другое место. Мне уже было всё равно. Напился там, наскандалил, ударил мастера. Посадили на два месяца, отобрали рекомендацию.

Кстати, и в Ю, и в Д, эта самая рекомендация, которую с такой помпой дали рабочим на атолле, ни разу не упоминается. Только в версии ДВ не забыли...

Наконец, предпоследняя глава вновь переименована и вместо «Дороги расходятся» называется «Дороги не расходятся» (ничего не напоминает?) и соответственно меняется ее концовка: Майк решительно оставляет «очередь на работу на пределами США» и идет вслед за Диком. Куда? Видимо, в неведомую даль. Не правда ли, какой счастливый конец?

Как я теперь, перечитав его на несколько раз, отношусь к «Пеплу Бикини»? С одной стороны, гораздо лучше, ибо, как минимум, две трети нынешней современной фантастики гораздо слабее этой старой, пусть даже чуть устаревшей повести. Многие сцены (во всех трех версиях) понравились и читались с большим интересом и удовольствием. Вот только... Это, конечно, мое личное мнение, но и документальный вариант ДВ и романтическая версия Ю мне более импонирует, и большее количество материала Д, увы не перешло в качество.

Дело о пришельцах

Октябрь 11, 2015

Некоторые соображения о повести А. И. Б. Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста»

Предисловие

Работа «Дело о пришельцах». Здесь будет пара слов, почему она появилась.

Дело в том, что я взялся (возможно, опрометчиво) за работу по поиску вариантов текстов Стругацких, и за год раз 5–6 перечитал «Отель «У погибшего альпиниста». Начиная примерно с третьего перечитывания, внезапно обнаружил, что складывается совершенно другая картина, отличная от возникшей после прочтения первого. Честно говоря, понятия не имею, хотели того Авторы или само получилось (хотя в принципе подобная мистификация в духе Стругацких), но свою субъективную версию повести я её буду публиковать. «И делайте со мной что хотите».

П. Т. Все цитаты из повести по т. 6 с/с Стругацких Донецк: Сталкер, СПб: Терра Фантастика, 2001 г. «Отель «У погибшего альпиниста»., Стругацкие.

Эти странные пришельцы

Одна из причин популярности повести братьев Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста» — это необычные, особенно для своего времени, пришельцы.

Пришельцы из космоса (времени, других измерений и т. д.) это всегда сила. Добрая, злая, нейтральная... Господин же Мозес и его соратники наивны и слабы.

(«Примерно полтора месяца назад он попал в лапы к гангстерам. Они его шантажировали и держали на мушке. Ему еле-еле удалось вырваться и бежать сюда»). с. 176)

Так, во всяком случае, на первый взгляд. Приглядевшись, замечаешь разительнейшие черты этой слабости.

1) «/.../ Господин Мозес, у которого были достаточно веские основания скрывать от официальных лиц не только свои истинные занятия, но самый факт своего существования...» (с. 184)

Интересно, как можно, будучи миллионером скрывать «факт своего существования»? В принципе?

2) Господин Мозес пытается уговорить инспектора Глебски отдать ему очень важный чемодан. Инспектор задает нейтральный вопрос: «Что вам нужно?». Ответ:

«— Какие вам еще нужны доказательства? /.../ Вы губите нас. Все это понимают. Все кроме вас. Что вам от нас нужно?» (с. 180)

И далее: «Что вам еще нужно? (с. 180) /.../ Нет! Нет! Все совсем не так. (с. 182) /.../ Ну, неужели вы не понимаете... (там же)»

То есть впадает в истерику. Господин Мозес как

будто только что сообразил, что исследование неизвестного и возможно опасного мира может закончиться его гибелью.

Наивный...

(Кстати, если действительно «все, кроме тупоголового инспектора, всё понимают», то это же великое открытие. Планета готова к контакту! Да за такую весть, по-моему, и жизни не жалко. Радоваться вам надо, господин Мозес, а не огорчаться.)

3) А в чем причина этой истерики? Во-первых, Луарвик болен, ранен, почти умирает. Мозес умоляет: «Отпустите хотя бы Луарвика. (с. 181) /.../ Пусть по крайней мере хоть он спасется... (с. 182) /.../ Я боюсь за Луарвика. (с. 183)» А что, собственно случилось? Луарвик же пострадал при взрыве станции пришельцев.

Глебски этот взрыв слышал:

«В этот самый момент пол дрогнул под моими ногами, жалобно задребезжали стекла, и я услышал отдаленный мощный грохот». (с. 67)

По идее, господин Мозес тоже слышал этот «мощный грохот». Ну и почему сразу не помог несчастному Луарвику, за которого так беспокоился? Ведь неизвестно где больше пострадал Луарвик: при взрыве или во время тяжелейшего перехода от станции до отеля:

«Дверь отворилась, и к нашим ногам медленно сползло облепленное снегом тело. /.../ Облепленный снегом человек застонал и вытянулся. Глаза его были закрыты, длинный нос побелел». (с. 71—72)

Во-вторых, пришельцы «без Олафа /.../ совер-

шенно беспомощны, а Олаф выключен, и вы не даете нам аккумулятор» (с. 182). Я все понимаю, но, господин Мозес, Олаф выключен больше половины суток, а вы только сейчас о нем сказали. Почему же вы за это время не попытались добыть злосчастный аккумулятор (силой, хитростью или просто уговорить)?

4) Пока все это касается практически только одного пришельца. Теперь же рассмотрим технику этих самых пришельцев. Станции взрываются при работе в штатном режиме (ведь строились они, кажется, именно для того, чтобы принимать и отправлять корабли), прекращение подачи энергии автоматически отключает всех роботов, при чем они даже сигнала об отсутствии энергии (как бесперебойник) не подают, у двух роботов «принципиально разные» аккумуляторы, у Луарвика скандр поврежден (неужели запасного не нашлось) и не приспособлен для зимы, да и лексикон убог. Впридачу в момент работы станции ее робот-смотритель (тот же Олаф Андварафорс) оказывается почему-то далеко от нее. (Кстати, он вообще уходил?)

Иными словами пришельцы не просто слабы, но на удивление наивны, инфантильны и не приспособлены к иным, нежели тепличным, условиям и тем более к исследованию неизвестных планет. Однако все о слабости, наивности, инфантильности и т. д. пришельцев в повести Стругацких известно лишь со слов самих пришельцев и за всей чередой фактов неожиданно всплывают факты совершенно другого рода.

Как уже известно, Мозес «полтора месяца назад попал в лапы гангстерам» (с. 176). Далее «Чемпион исчез с горизонта. Впрочем, всего на месяц.» (с. 184).

То есть чистое время общения господина Мозеса с гангстерами длилось две недели. За это время Мозес:1) «Сработал /.../ всего два дела, но зато дела были для простого человека ну никак не подъемные, и сработал он их чисто, красиво...» (с. 167)

И как «сработал». Его робот, «госпожа Мозес», сначала «сейф в две тонны весом выворотила и неслася по карнизу» (с. 168), а затем ухватила «броневик с золотом под днище» и «перевернула эту машину набок» (с. 169). Не скажешь даже, что Чемпион все разработал, а господин Мозес — простой исполнитель. Откуда Чемпиону знать о роботах и их возможностях?

2) Далее господин Мозес «еле-еле вырвался» от гангстеров. Посчитаем. За указанные две недели было подготовлено и произошло два ограбления и какое-то время Мозес жил в отеле «У погибшего альпиниста». То есть наш пришелец еле-еле вырвался максимум за неделю.

3) Еще господина Мозеса, «непрерывно держали на мушке». Например, как указано в повести, Хинкус («опасный гангстер, маньяк и садист» (с. 50), он же «настоящий ганмен в лучших чикагских традициях» (с. 165)). И этот самый гангстер и ганмен менее чем за сутки былнейтрализован без видимых усилий.

4) Но опять речь об одном Мозесе, да еще о его взаимоотношениях с гангстерами, в которых я, разумеется, профан. Переходим к несчастному Луарвику.

Луарвик Л. Луарвик идет от станции до отеля (явно отстоящих друг от друга на весьма большом расстоянии, дабы каждый второй лыжник-альпинист не натыкался на загадочный объект, причем, возможно, станция находится в горах, с которых еще надо спуститься) незнакомой дорогой, ночью, по снегу, в совершенно неподходящем костюме. И сколько времени идет? Вспомним. Взрыв был в «десять часов две минуты» (стр. 67), тело Олафа нашли в «ноль часов двадцать четыре минуты» (стр. 79), минус время от появления Луарвика до обнаружения «тела» Андварафорса (то есть события почти всей седьмой главы повести). Получается около двух часов. Всего-навсего.

При чем данная группа сведений, в отличие от предыдущих, получена не от пришельцев, а от более или менее беспристрастных свидетелей.

Не кажется ли, что пришельцы в повести Стругацких не так уж наивны и слабы, как хотят выглядеть?

И, более того, что в отеле они всех мистифицируют? Проверим.

Вот один из самых ярких эпизодов повести. «Жуткая гонка на лыжах через снежную равнину», которая и двадцать лет спустя видится Глебски, когда «при простуде» у него «поднимается температура» (с. 195). «Впереди мчалась госпожа Мозес с гигантским черным сундуком под мышкой, а на плечах ее грузно восседал сам старый Мозес. Правее и чуть отставая, ровным финским шагом несся Олаф с Луарвиком на спине. Билась по ветру широкая юбка госпожи Мозес, вился пустой рукав Луарвика и старый Мозес, не останавливаясь ни на секунду, страшно и яростно

работал многохвостовой плетью. Они мчались быстро, сверхъестественно быстро...» (стр. 190)

Превосходно, правда? Однако проверим алгеброй гармонию.

С чего все начиналось? Господин Мозес кричит «с нечеловеческой силой» : «Прощайте, люди! До встречи! До настоящей встречи!» (с. 189) И дальше, очевидно, «жуткая гонка». Практически одновременно Глебски встает, подходит к лестнице, поднимается. Инспектор ранен, каждый шаг отдаётся болью («На лестнице, на первых же ступеньках), мне стало дурно, и я вцепился в перила» (там же.), иными словами, еле движется, и путь до своего номера и дальше до крыши займет у него минуты три, не меньше. Пришельцы же мчатся «быстро, сверхъестественно быстро», то есть километра два за это время явно пробегут. Спрашивается, каким же отличным зрением обладает Глебски, который за два километра видит, что Мозес «грузно восседает», Олаф идет «ровным финским шагом», а у Луарвика «вьется пустой рукав» ?

А затем прилетает вертолет, и...

«А потом вертолет повис над неподвижными телами и медленно опустился /.../. Снег закрутился вихрем от его винтов, сверкающая белая туча горбом встала на фоне сизых отвесных скал». (с. 190)

Итак, вертолет снижается, но не садится. С него, очевидно прыгают на землю люди Чемпиона, три-четыре человека («не меньше трех» (с. 172).

Прикинем, сколько времени эти люди по пояс в снегу, с запорошенными глазами и, главное, не спеша (ибо спешить некуда) будут грузить на вертолет (хорошо, пусть даже грузовой) четырех «людей» плюс сундук («Он привез с собой четырех

носильщиков, и бедняги измучились, затаскивая сундук в дом». (с. 126) ? По-моему, на все про все минут двадцать.

И что же за это время происходит в отеле?

«Снова послышался злобный треск пулемета, и Алек сел на корточки, закрыв глаза ладонями, а Симонэ все рыдал, все кричал мне: «Добился! Добился своего, дубина, убийца!..»

Вертолет так же медленно поднялся из снежной тучи...» (с. 190—191)

Все. Вспомним, что описание примерно же тех двадцати минут, прошедших от появления Луарвика до обнаружения «трупа» Олафа, заняло у авторов 7 страниц. И что, Симонэ столько времени монотонно повторял одно и то же? Не верится. Герои застыли иостояли невесть сколько? Про это ни слова. И, кстати, почему гангстеры-победители не полетели сразу же к отелю: Хинкису помочь и свидетелей убрать на всякий случай?..

Короче говоря, эта красивая и действительно запоминающаяся сцена похожа именно на театральное действие со снежным вихрем в роли занавеса.

То пришельцы просто морочат всем голову!

Но почему? С какой целью?

Впрочем, целей своих Мозес в общем-то не скрывает. («Я исследовал возможности контакта. Я его готовил» (с. 186)). То есть, в том числе не мог не исследовать реакцию различных людей на факт контакта. И именно такое «театральное действие», кажется, прекрасно вписывается в данное исследование.

Итак, как же люди, по мнению господина Мозеса, готовы к контакту? И с кем, собственно, контактировал господин Мозес? И тут вспоминается:

Чемпион среди гангстеров

Главарь гангстеров Чемпион — единственный персонаж повести, который не присутствует на ее страницах. Он только упоминается, но тем не менее роль играет очень важную.

«— Слыхали про Чемпиона? Еще бы не слыхали?..» — с гордостью заявляет Хинкус. (с. 167)

По словам Мозеса, власть этого бандита почти беспредельна:

«Он попытался переменить местожительство. Это не помогло».

(с. 184)

«Бежать в другой город, в другую страну не имело смысла: он уже убедился, что рука у Чемпиона не только железная, но и длинная».

(с. 185)

И еще:

«Мудрый Чемпион предъявил злосчастной жертве показания восьми свидетелей /.../ плюс кино-пленку, на которой была запечатлена вся процедура ограбления банка, — не только три или четыре гангстера, готовых пойти на отсидку за приличный гонорар...» (с. 185)

Честно говоря, с трудом представляю себе преступника обладающего такой властью. Почему тогда о нем вообще знает и ищет его полиция?

Это во-первых.

А во-вторых, на что идет эта невероятная власть?

«В конце концов, как это всегда бывает,» к Мозесу «явились и предложили полюбовную сделку. Он окажет посильное содействие в ограблении Второго Национального, ему заплатят за это молчанием. /.../ Через месяц» Чемпион «объявился

вновь. На этот раз шла речь о броневике с золотом». (с. 184—185)

«Послушай, затем тебе столько денег?»

Своими дерзкими ограблениями Чемпион сразу заимел множество врагов. Это, во-первых, полиция, которая подобные дела расследует годами и не церемонится с подозреваемыми. (В порядке вещей, к примеру, похищение и пытки, не говоря уже о чудовищном давлении на свидетелей и осведомителей.) А, во-вторых, преступный мир, которому зверствующая полиция мешает спокойно обделять темные делишки, и который, кстати, понимает, что выдав Чемпиона, искупит прошлые и будущие грехи.

Так что вроде бы Чемпиону после этих ограблений стоит залечь на дно, пока все как-то не уляжется.

Но знаменитый преступник не успокаивается. Он, скорее всего, похищает вертолет и устраивает погоню за несчастным пришельцем в лучших гангстерских традициях. Мозес с соратниками явно нужны ему для новых громких злодейств.

Мотив же у Чемпиона может быть один. Страшнейший риск ради еще большей власти (хотя большую власть мне представить сложно). И пришельцы служат тому средством. Кстати, не пришельцы, а нечистая сила:

«Вельзевул [то есть Мозес] — он ведь не простой человек. Он — колдун, оборотень! У него власть над нечистой силой...» (с. 168)

Впрочем, это, может быть, личное мнение Хинкуса, но затем:

«Свинцовой пулей оборотня не возьмешь. Чемпион с самого начала на всякий случай подготов-

вил серебряные бананчики, подготовил и Вельзевулу показал...» (с. 169)

«Вот тебе и первый контакт. Вот тебе и встреча двух миров». (с. 179)

Наемный работник

Чемпиона, как уже писалось, нет в тексте повести. Зато есть, так сказать, его представитель, Хинкус. Присмотримся к нему повнимательнее.

При первом своем появлении он отчаянно ругается с таксистом из-за пяти крон:

«— Да за двадцать крон я куплю тебя вместе с твоим драндулетом! /.../ Вымогатель! Дай мне свой номер, я запишу! /.../ Что за чертовы порядки в этом городишке?» (с. 34—35)

По сути Хинкус совершенно прав. Но в специфической атмосфере отеля (где, как ни странно, не принято считать денег) он раз и навсегда стал чужим, даже, кажется изгоем.

Другие постояльцы относятся к нему со сдержанной брезгливостью:

«А, это такой маленький, жалкий...» (с. 90)

«Не представляю, о чем бы я мог с ним разговаривать». (с. 96)

«Давешний, закутанный до бровей в шубу человекаишко...» (с. 36)

Но все это только маска. На самом деле он, повторяю:

«/.../ Это настоящий ганмен в лучших чикагских традициях». (с. 165)

На допросе Хинкус делает вид, что о пришельцах (а также оборотнях и нечисти) не знает практически ничего. Только с чужих слов:

«А у него вся чародейская сила пропасть может, если он человеческую жизнь погубит. Чемпион нам так и сказал». (с. 169)

Но однажды проговаривается. Говорит о Вельзевуле (он же господин Мозес):

«— Я его в разных видах видел, и толстым, и тонким. Никто не знает, какой вид у него натуральный...» (с. 167)

И когда вы, милейший Хинкус, все это повидали? (Напомню, знакомство пришельцев и гангстеров длится около двух недель.)

Впрочем, а всех ли гангстеров?

«Примерно два месяца назад господин Мозес /.../ начал ощущать признаки назойливого и пристального внимания к своей особе. Он попытался переменить местожительство. Это не помогло. Он попытался отпугнуть преследователей. Это тоже не помогло. /.../ Свидетельства агентов Чемпиона, пострадавших при столкновении с роботами...» (с. 184)

Очевидно, перед нами один из анонимных «преследователей» и «агентов». Приятно познакомиться, мистер Хинкус.

А в придачу пара косвенных улик. Во-первых, в записке Мозес характеризует Хинкуса, как «опасного гангстера, маньяка и садиста» (такие яркие слова и о незнакомом человеке, пусть даже бандите, не верю), во-вторых, робот-Ольга легко, уверенно (и, скорее всего, не в первый раз) принимает личину Хинкуса и только Хинкуса. Однако, в отличие от Чемпиона, самому Хинкусу явно не нужны никакие контакты с пришельцами (или как их там). Он «наемный человек» (с. 147) и только исполняет приказы.

Кажется, с гангстерами мы разобрались. Но неужели пришельцы больше ни с кем не вступали в контакт? Пожалуй, присмотримся повнимательнее к отелю «У погибшего альпиниста» и его хозяину. Возможно, база пришельцев не случайно стоит рядом с ним. Отель «У погибшего альпиниста» находится в тупике («Здесь тупик. Отсюда никуда нет дороги» (с. 31)) и связан с миром (и Мюром) лишь узким Бутылочным Горлышком и телефонными проводами; (и то, и другое периодически прерывается). Одно это сводит к минимуму число случайных посетителей, кои кормят большинство отелей. Однако этого мало.

Вчитается в названия отеля (который когда-то имел совершенно нейтральное имя «Шалаш»): сначала «У погибшего альпиниста», затем «У космического зомби». Мрачноватенькие, не правда ли? (Кстати, а если кто-то не обратит на это внимание, тут же появляется хозяин, который все весьма подробно объяснит.)

И еще у хозяина отеля Алека Сневара нет слуг, за исключением Кайсы:

«/.../ Эта кубышечка, пышечка эта кая лет двадцати пяти с румянцем во всю щеку, с широко расставленными и широко раскрытыми голубыми глазами...» (с. 9)

«Была она в пестром платье в обтяжку, которое топорщилось на ней спереди и сзади, в крошечном кружевном фартуке, руки у нее были голые, сдобные и голую сдобную шею охватывало ожерелье из крупных деревянных бусин». (с. 13)

При одном взгляде на служанку любая благопристойная дама хватает своего мужа в охапку и тащит вон.

(Впрочем, может, Кайса привлекает одиноких мужчин? Вспомним, как относится к ней Глебски. В начале повести: «Пышечка-кубышечка на фоне постели выглядела необычайно заманчиво. Было в ней что-то неизвестное, что-то еще не познанное» (стр. 12). И ближе к концу: «Я поздоровался с [Кайсой] отнаблюдал серию ужимок, высушивал серию хихиканий» (с. 157)... Кажется всего за два дня Кайса успела несколько поднадоесть инспектору...)

Иными словами, хозяин отеля принимает исключительно завсегдатаев, а случайным посетителям дает от ворот поворот.

Как же у него обстоят дела? Посчитаем. На дворе март месяца, грязи и слякоти в помине нет, самое раздолье для любителей лыж, а в отеле «на двенадцать номеров» (с. 112) (будем пока исходить из того, что гангстеры и пришельцы здесь случайно) налицо всего четыре наличных и возможных завсегдатаев: дю Барнстокр, Симонэ, чадо и Глебски. Отель на две трети пуст. Неужто окупается?

И еще один факт. На словах хозяин весьма печется об экономике.

«— Передатчика у вас нет? / — /.../ Это мне не выгодно, Петер?», (с. 134). Очевидно, этим же объясняется отсутствие слуг, даже когда девять из двенадцати номеров занято и близится приезд еще минимум двух человек), на деле сама обстановка в отеле, а в повести не разу ни упоминается ни об учете расходов, ни о плате денег, говорит об обратном. Да и по своему расположению, в отеле должен быть большой запас продуктов (человек на десять человек на одну неделю), что тоже не очень-то выгодно, и, наконец «одной только

фирменной настойки», заготовленной явно осенью и пролежавшей полгода без движения, «сто двадцать бутылок» (та же с. 134). Нет, экономикой здесь явно и не пахнет.

Выходит, есть некий спонсор, который щедро оплачивает все расходы отеля.

А кто? Исходя из сюжета, только пришельцы, по-моему, больше некому.

Проверим, есть ли «особые связи» между Сневаром и Мозесом.

Сневар и пришельцы

Сразу бросается в глаза, что в ходе расследования убийства Алек Сневар дважды (на с. 98 и 173) виноватится, что сказал Мозесу лишнего: сначала про убийство Олафа Андварафорса, а потом, что пресловутый чемодан забрал инспектор Глебски. Но, может быть, случайность?

Чуть подумав, вспоминаются еще пара фактов уже из начала повести.

При первом же знакомстве (то есть в первой реплике, обращенной к инспектору) Мозес точно называет «специализацию» Глебски.

«— Инспектор, — проворчал Мозес. — Фальшивые квитанции, подложные паспорта...» (с. 27)

И кто в отеле это знал? Только сам Глебски и хозяин, который спросил у инспектора (см. с. 11).

А чуть ниже инспектор болтает и сплетничает со Сневаром. Речь, конечно же, заходит о Мозесе. Глебски предполагает (не всерьез, спьяну и для поддержания разговора), что Мозес — фальшивомонетчик, и Сневар мгновенно отвечает:

«— Отпадает, — с удовольствием сказал хозяин. — Билеты у него настоящие». (с. 30)

Гм, а что у (хотя бы) фальшивомонетчика все деньги (то есть билеты) фальшивые? Наивно как-то...

Разговор о Мозесе и его жене продолжается. И вскоре уже Сневар уверенно заявляет:

«— /.../ А вы знаете, Петер, у меня есть довольно веские основания предполагать, что никакая она не госпожа и вовсе не Мозес. /.../ По-моему, Мозес ее бьет. /.../ У Мозеса есть плетка. Арап-ник». (с. 32)

(Отметим, что первая фраза хозяина очень точно «выстроена». Это явно не экспромт, а «домашняя заготовка».)

Только что защищал, и сразу наушничает? Или пикантной, но безобидной новостью отвлекает внимание от гипотетического фальшивомонетчества (и вообще мошенничества) Мозеса?

Кажется, связь очевидна. Сневар работает на пришельцев. И, быть может, именно он вступил с ними в первый контакт.

Предварительные итоги

Кажется, напрашиваются кое-какие выводы:

1) Никто из землян не воспринимает «чужаков» как пришельцев из космоса. Все предпочитают более «земную» версию нечистой силы.

2) Все общение с пришельцами ведется либо из желания урвать свою большую (Чемпион) или малую (Сневар) долю выгоды, либо по служебной необходимости (Хинкус). Выводы для нас неутешительные. Контакта нет. Вот почему, наверное, пришельцы пошли на последнюю отчаянную авантюру в «Отель «У погибшего альпиниста». Чтобы дать землянам еще один маленький шанс.

Проверка гипотезы

Начинаются собственно события в отеле. И в первую голову, кажется, происходит проверка лиц, которые уже вступили в контакт. Кроме, естественно, Чемпиона, с которым для пришельцев все ясно.

Итак, вражеский наемник Хинкус.

И свой помощник, хоть и наемный, Сневар.

По идеи Хинкус, как лицо незаинтересованное (а его босса рядом нет), при первой же серьезной угрозе (а я, с трудом поверю, что можно бояться больше, чем Хинкус боялся Вельзевула) должен сбежать. Хозяин же отеля должен оказать пришельцам настоящую, реальную помощь.

Что же происходит на самом деле?

Как это ни парадоксально, именно Хинкус проявляет в этом контакте «человеческие черты».

Гангстер прекрасно знает, что имеет дело с ужасной «поганью» (с. 170).

И эту самую погань сторожит и не пускает из долины.

И, не боюсь этого слова, с честью справляется с задачей. Даже героически выдерживает пытки:

«Как я там со страха не подох, как с ума не сошел — не понимаю. Три раза в отключку уходил, ей-богу...» (с. 168)

(Кстати, господин Мозес, это что же получается: убивать людей нельзя, а пытать и доводить до сумасшествия, а то и до смерти — запросто. Какие же вы гуманные, о пришельцы.)

Несмотря на муки, страх смерти и сумасшествия (причем неизвестно, что хуже) Хинкус не покидает свой пост. И даже придумал легенду, почему так ужасно выглядит:

«— Туберкулез у меня, — сообщил он вдруг. — Врачи говорят, мне все время надо на свежем воздухе... и мясо черномясой курицы...» (с. 57)

Понадобилась грубая неженская сила госпожи Мозес, чтобы остановить бандита. (Интересно, а ведь беднягу Хинкуса освободили практически случайно. Реально его должны были найти не раньше следующего утра. Он что, за это время не мог помереть? Или сойти с ума? Не так ли?)

Не знаю, как вы, но я, при всей своей не любви к тому, что делает Хинкус, не могу не уважать его за то, как он честно исполняет свой долг.

А что же Сневар? Хозяина отеля никто не пытает, не сводит с ума, не доводит до полусмерти от страха. (Разве что Глебски грозит некоторыми абстрактными «неприятностями», но так, несмотря на то, что Сневар сломал ему ключицу, их и не доставляет.) Кажется, да помоги же ты пришельцам, чего тебе стоит? Однако поступки хозяина весьма двусмысленны.

С одной стороны, он передает бразды правления в руки Глебски. А с другой, делает инспектору очень странные намеки. И даже не совсем намеки. «Почему-то все время так получалось, что версия хозяина — единственная и безумная — все время находила подтверждение, а все мои версии — многочисленные и реалистические — нет...» (с. 148)

Но что же все-таки хочет сказать хозяина отеля?

«Надо быть разумным. Не одним законом жива совесть человеческая». (с. 188)

«Я чувствую только одно, Петер. Вы заблуждаетесь. /.../ Мне кажется, что в этом деле обычные понятия вашего искусства теряют свой смысл...» (с. 122)

Это важные, но общие мысли. А в частности?

«Такое явление реального мира — мертвый человек, имеющий внешность живого и совершающий, на первый взгляд, вполне осмысленные и самостоятельные действия, — носит название зомби». (с. 125)

Что-то, кажется, начинает проясняться. Хозяин намекает, что Олаф вот-вот «восстанет из мертвых». И далее:

«— Вы все-таки еще не созрели, Петер /.../. А вот, /.../ когда я увижу, что вы готовы, тогда я вам кое-что расскажу». (с. 122)

Когда же Глебски «будет готов»? Очевидно, при виде воскресшего Олафа. И тогда хозяин кое-что ему расскажет и, главное, поможет замять это «уродливо-бессмысленное дело». Вот почему Сневар так покровительствует инспектору. Глебски дотошен, но не слишком умен и, главное, незлобив. И, в конце концов, согласится на любую версию, лишь бы не стать объектом насмешек. Версия же будет простая. «Великий» инспектор «слегка перебрал, и ему почудилось Бог знает что...»

Что же касается самого воскресения Олафа Андварафорса, то Алек Сневар перекладывает ответственность за это дело исключительно на плечи Мозеса. Им, стало быть, выкручиваться, а хозяин, так и быть, «наложит окончательный глянец».

Все бы хорошо, но ситуация обостряется. Мозесу нужен чемодан, добыть который он не может без помощи Сневара.

Об этих событиях повесть Стругацких умалчивает, но, в принципе, суть и так понятна.

Есть одна косвенная улика:

«/.../ И только однажды [хозяин отеля], пряча глаза, признался, что тогда его больше всего ин-

тересовала целостность отеля и жизнь клиентов. Мне кажется, потом он стыдился этих слов и жалел о своем признании». (с. 195)

С чего Алеку Сневару стыдиться. Человек исполнял свои обязанности. Но раз стыдился, значит исполнил не все. Подвел доверившихся ЕМУ пришельцев.

Скорее всего, на их просьбу о помощи, хозяин, как обычно, дал уклончивый ответ. В смысле, я бы рад, но вот этот чертов инспектор полиции запрещает. Нет, он какие-то усилия, конечно, обязательно приложит.

Например, поговорит с Глебски:

— Отдайте вы им чемодан, и пусть они убираются с ним прямо в свой ад, откуда они вышли». (с. 174)

А инспектор, естественно, отмахнется в ответ.

И тогда хозяин отеля, скорее всего, решит зайди с иной стороны.

Но это уже немножко другая история.

Дитя покойного брата

Впрочем, в отеле живут и другие люди. Честно говоря, кажется, не все его обитатели поняли, что вступили в контакт с пришельцами. Глебски говорит о Кайсе:

«Я убежден, что вся трагедия прошла совершенно мимо ее сознания, не оставив никаких следов». (с. 194)

Но только ли мимо сознания Кайсы? Убежден, что далеко не все понял и дю Барнстокр, и, быть может, его «дитя покойного брата». Впрочем, с чадом дело обстоит несколько сложнее, ведь у него есть своя особая загадка.

«Дитя неохотно выбралось из кресла и приблизилось. Волосы у него были богатые, женские, а впрочем, может быть, и не женские, а, так сказать, юношеские. Ноги, затянутые в эластик, были тощие, мальчишеские, а впрочем, может быть, совсем наоборот — стройные девичьи». (с. 19)

На протяжении доброй половины повести (со второй по десятую главу) читатели вместе с героями разгадывают эту загадку: мальчик или девочка, «жених или невеста»? Временами она волнует их гораздо больше, нежели таинственная гибель Олафа Андварафорса.

При том именно чаду достаются самые красочные и запоминающиеся монологи:

«Значит, доедаю я десерт. Тут подсаживается ко мне в дрезину бухой инспектор полиции и начинает мне вкручивать, как я ему нравлюсь и насчет немедленного обручения. При этом он то и дело пихает меня в плечо своей лапицей и приговаривает: «А ты иди, иди, я не с тобой, а с твоей сестрой...» /.../ Тут, на мое счастье, /.../ подплывает Мозесиха и хищно тащит инспектора танцевать. Они пляшут, а я смотрю, и все это похоже на портовый кабак в Гамбурге. Потом он хватает Мозесиху пониже спины и волочет за портьеру, и это уже похоже на совсем другое заведение в Гамбурге.» (с. 108)

И так далее, в принципе, можно цитировать целыми страницами.

Вот только:

Во-первых, почему эта столь заметная, временами чуть ли не единственная сюжетообразующая героиня в повести практически не играет никакой роли? Да, конечно, она последней видела

Олафа «живым», ну и что? Ничего важного она инспектору не сообщает. (И по идее не может этого сделать в принципе.)

Во-вторых, простите, а когда она произносит свой яркий и превосходный монолог? Когда, только узнав о смерти Олафа Андварафорса, отвечает на вопросы инспектора. Тогда она либо невежда, не знающая, как вести себя (вспомним, раздраженный вопросами того инспектора Симонэ тоже пытается острить, но быстро спохватывается — не время, не место), либо тварь бездушная, смеющаяся и остряющая сразу же после смерти человека, который явно ей небезразличен (и из-за которого она «глушит» водку и проливает много слез). Но в том-то и дело, что Брюн, она же чадо, явно ни та и ни другая. И что тогда?

Тогда Брюн, скорее всего, видела больше, чем рассказывает, но не хочет об этом распространяться. Прежде всего перед самой собой. Причем видела, кажется, еще одну попытку контакта, и эта попытка тоже не удалась.

В доказательство есть очень маленький эпизодик. Дело происходит сразу после «воскрешения» Олафа Андварафорса. Рассказывает Глебски:

«Я медленно полз по ступенькам, цепляясь за перила, миновал Брюн, испуганно прижавшуюся к стене /.../» (с. 189)

Испуганно: ключевое слово. Убийство Олафа Андварафорса и последующие события для Брюн ужасны, но она пытается скрыть свой страх за внешней бравадой. И все события, противоречащие ее мировоззрению, просто выкидывает из головы. Вместе с пришельцами. Вот для чего так нужно это чадо.

Одно маленькое резюме

Интересно проследить, что же стало с героями, которые так или иначе, но не желают вступать в контакт с пришельцами, больше, чем «им положено» : Сневаром, Хинкусом и Брюн.

«Хинкус отсиживает свою бессрочную и ежегодно пишет прошение об амнистии. В начале срока на него было сделано два покушения, он был ранен в голову, но как-то вывернулся. Говорят, он пристрастился вырезать по дереву и неплохо прирабатывает. Тюремная администрация им довольна». (с. 193)

«Отель «У Межзвездного Зомби» процветает — в долине теперь уже два здания, второе построено из современных материалов, изобилует электронными удобствами...» (с. 194)

«На чествовании «присутствовала очаровательная /.../ Брюнхилд Канн с супругом, известным космонавтом Перри Канном». (с. 193)

Все произошло в соответствии с принципом булгаковского Воланда: «каждому по вере», точнее по своему неверию. Каждый из героев, при всей разности их судеб, «получил покой» : тихий достаток и относительную безопасность. Вот только «небо» для них закрыто. В мире Сневара, Брюн и Хинкуса пришельцев нет и быть не может.

Великий физик

А Симон Симонэ, в отличие от всех остальных, ярый приверженец контакта. При чем в контакт с пришельцами он вступает почти у нас на глазах.

Во-первых, смерть, а затем воскрешение госпожи Мозес. Естественно никто в это не верит (та самая сакраментальная фраза: «Великий физик

слегка перебрал, и ему почудилось Бог знает что...» (с. 102)), но у Симонэ возникли подозрения.

Далее мелькает странная фразочка. Рассказывает Глебски:

«Я покосился на Симонэ. Симонэ косился на госпожу Мозес. В глазах его было какое-то недоверие». (с. 158)

Чего-то великий физик подозревает. Но чего? Жива госпожа Мозес или это призрак? Думаю, дело сложнее.

Как мы помним, именно в этот момент хозяин отеля Алек Сневар оказался перед дилеммой. Пришельцам надо помочь, но и полноту власти Глебски хозяин отеля сам предоставил. В силу своего характера, Сневар совершает минимально возможное воздействие, то есть вновь перекладывает ответственность и кого-то просит о помощи. А первый (и практически единственный) кандидат на роль помощника (то бишь нового начальника) — это именно Симонэ. Вот, наверное, о чем думает и чему не доверяет за завтраком великий физик. Далее, Симонэ выслушивает допрос Хинкуса, его историю о Вельзевуле и рассказ Глебски о гибели Олафа. И тихо исчезает. («Я виновато оглянулся на Симонэ и обнаружил, что физик исчез...» (с. 171))

Куда? Он сам отвечает через несколько страниц.

«— Пока вы дрыхли, инспектор, я выполнил за вас всю вашу работу».

(с. 176)

То есть Алеку Сневару Симонэ сказал, что согласен, а Мозеса, скорее всего, по-простому «взял на пушку» двумя сакраментальными фразами: «мне

все о вас известно» и «я готов вам помочь». Естественно, Мозес во всем «признался». Так и произошел еще один контакт.

Только к добру ли?

Я прекрасно (в здравом уме и твердой памяти) сознаю, что подавляющему большинству читателей и самим авторам Симон Симонэ очень нравится. И тем не менее...

Кое-что в образе господина Симонэ смущает с самого начала.

Его шуточки. Дважды Глебски случайно слышит голос Симонэ:

«А где же инспектор? Где он, наш храбрец?» (с. 53)

«Правильно! Пусть-ка полиция, наконец, займется своим делом...» (с. 56)

Не бог весть, какие шуточки, но дело даже не в этом. Великий физик бросает их в спину инспектору и впридачу во второй своей шутке, по сути, цитирует господина Мозеса (самого богатого человека в отеле, откровенно не любящего полицию): «Инспектор, вот вам работа. Займитесь на досуге. Все равно вы здесь бездельничаете» (с. 28). Непорядочно как-то. Да еще его отзыв о покойном Олафе Андварафорсе: «экая дубина» (с. 98). (Кстати, Симонэ же великий ученый, человек очень умный, и, видимо, все простые смертные должны казаться ему «дубинами». Или не все?) Впрочем, пока это весьма субъективно и вполне может быть случайным совпадением.

Но в последней главе повести именно Симон Симонэ, контактер и борец за права пришельцев выходит на первый план.

Итак, надо упросить инспектора отдать чемодан с важным для инопланетян прибором. Это

надо пришельцам и, в какой-то степени, самому великому физику, но никак не инспектору Глебски. Спрашивается, как себя вести?

Очевидно, очень вежливо и по-доброму, как вел себя, к примеру, сам Симонэ, когда боялся обвинения в убийстве: «— Думайте, что хотите, Петер, но я вам клянусь: я не убивал ее. /.../ Вы же меня знаете, Петер! Посмотрите на меня: разве я похож на убийцу? /.../ Вы должны поверить мне, Петер. Все, что я расскажу, будет истинная правда, и только правда. /.../ Я клянусь вам, Петер, поверьте честному человеку...» (с. 92–93)

Но это раньше. Что же великий физик говорит теперь?

«— А вы, однако, порядочная дубина, Глебски /.../ А ведь пожалеете об этом, Глебски. Вам будет стыдно, очень стыдно». (с. 179)

Кстати, а почему, собственно, дубина? Какие аргументы приводит великий физик в доказательство своей правоты? То есть, что Мозеса и К надо не арестовывать, а, наоборот, им помогать.

Я лично усмотрел три аргумента.

Первый:

«— Черт возьми, — сказал Симонэ. — Вы что, не понимаете? Его запутали! Его шантажом втянули в банду! У него не было никакого выхода!» (с. 178)

Тогда почему бы, поверив Симонэ, не выпустить из тюрьмы, всех бандитов, кроме преступников-одиночек? У них же, кажется, тоже «не было никакого выхода»? Аргумент ниже всякой критики.

Второй:

«— Все это очень легко проверить. Отдайте им аккумулятор, и они в вашем присутствии снова

включат Олафа. Ведь хотите же вы, чтобы Олаф снова был жив...» (с. 177)

Ага. Отдайте сравнительно небольшие (по меркам бюджета страны) денежки господину Гробовому. И он оживит всех погибших детишек. Хотите же вы, чтобы они снова были живы... Не вижу разницы между этими словами. И значит, снова ниже всякой критики.

И, наконец, третий, сразивший через годы инспектора:

«Симонэ покусал губу.

— Вот тебе и первый контакт, — пробормотал он. — Вот тебе и встреча двух миров». (с. 179)

Пожалуй, единственный стоящий аргумент. По гипотезе Ефремова (которую, очевидно, разделяет и Симонэ), пришельцы могут быть только благими и добрыми существами. Для меня она также достаточно убедительна. Но не для Глебски. Он имеет полное право ничего не знать об Иване Антоновиче и его гипотезе, к тому же сейчас, например, она весьма не в моде, а в моде как раз произведения о «пришельцах великих, страшных и ужасных». Так что, убедительно, но далеко не для всех.

Иными словами, Глебски «дубина» просто потому, что не согласился с Симонэ. Высоко же вы себе мнения, господин физик!

Впрочем, это концовка их спора. Однако начало не намного вежливее:

«— Сейчас не время спать. /.../ И совершенно напрасно: никто на вас не собирается нападать. /.../ Пока вы дрыхли, инспектор, я выполнил за вас всю вашу работу. /.../ Отдайте им аккумулятор, Петер...» (с. 175—177)

И наконец, когда инспектор задумался (а ведь думать, особенно для ученых, «не развлечение, а обязанность»):

«— Ну, что же вы молчите? — сказал Симонэ. — Сказать нечего?» (с. 178)

Да разве так просят?

И еще одна известная и нравящаяся большинству читателей сентенция Симона Симонэ, чтобы понять контекст даю маленький кусочек его диалога с Глебски:

«— Если гангстеры поспеют сюда раньше полицию они их [пришельцев] убьют.

— Нас тоже, — сказал я.

— Возможно, — согласился он. — Но это наше, земное дело. А если мы допустим убийство инопланетников, это будет позор». (с. 176)

Господин Симонэ, вы готовы, действительно готовы пожертвовать не только собой, но и Брюн и Кайсой ради пришельцев?

Впрочем, это все можно было бы как-то понять, если бы не еще один факт.

«Симонэ сделался тогда главным специалистом по этому вопросу. Он создавал какие-то комиссии, писал в газеты и журналы, выступал по телевидению. /.../ Симонэ /.../ с кучкой энтузиастов /.../ совершили несколько восхождений на скалы в районе Бутылочного Горлышка, пытаясь обнаружить остатки разрушенной станции». (с. 193) Так-то вот! При том, что Мозес (за которого так страстно ратовал великий физик) отчаянно предостерегал против преждевременного контакта:

«Неподготовленный контакт может иметь и для вашего, и для нашего мира самые ужасные последствия...» (с. 183)

Теперь я могу сказать, что я думаю о вас, господин Симонэ. Никакой вы не великий физик, а зияющий научный карьерист.

Чего вы хотели? Для начала, самому вручить пришельцам злосчастный чемодан. Они же, полагали вы, в накладе не останутся.

Причем большинство людей, узнав о споре учного с полицейским, безоговорочно признают правоту ученого. Поэтому с Глебски вы ведете себя дерзко, провоцируя его. Чем резче он поведет себя, тем больше у вас аргументов. А потом вы заявили, что инспектор совсем спятил и чемодан ни за что не отдаст. И довели несчастного Мозеса до истерики. («Вы губите нас. Все это понимают. Все, кроме вас. Что вам от нас нужно?») Тем не менее Глебски с Мозесом о чем-то договариваются. Но вам не нужны договоры. Вы с хозяином отеля приходите. Но хозяин молчит, а говорите только вы. И что же говорите.

Вначале свысока интересуетесь:

«— Ну, что вы надумали инспектор?» (с. 187)

И после нейтрального ответа Глебски («Где Луарвик?») пошло-поехало.

«— /.../ Это будет скотский поступок. /.../ Никак не мог ожидать, что вы окажетесь чучелом с золотыми пуговицами. /.../ Бляху лишнюю захотелось на мундир? /.../ Вы мелкая полицейская сошка. /.../ Ведете себя как, распоследний тупоголовый...» (с. 187)

То есть, опять-таки надо полагать вежливо просите помощи.

Наконец, пока хозяин держит инспектора, вы вытаскиваете из кармана ключи и передаете их Мозесу. (Кстати, интересно, что вы при этом ска-

зали. Ведь у Мозеса была договоренность. Наверное, что убедили-таки Глебски отдать чемодан без условий. То есть врете.)

Но, увы, побег пришельцев не удался. И кто виноват? Все тот же инспектор Глебски:

«А Симонэ все рыдал, все кричал мне: «Добился! Добился своего, дубина, убийца!...»» (с. 191)

Полицию легко обвинять во всех грехах. Все ее обычно недолюбливают.

Что было дальше, я уже немного написал выше («Симонэ сделался тогда главным специалистом по этому вопросу. Он создавал какие-то комиссии...»)

Доверчивый Глебски переживает за вас:

«Оказалось, он и в самом деле был крупным физиком, но это нисколько ему не помогло. Ни огромный авторитет не помог, ни прошлые заслуги. Не знаю, что о нем говорили в научных кругах, но никакой поддержки там он, по-моему, не получил». (с 193)

Вот только не нужна Симонэ была эта поддержка. Получи он ее, была бы организована комплексная экспедиция во главе с каким-нибудь замшелым (или наоборот блестящим) академиком. И — прощай слава первооткрывателя. Ему нужна была роль «непризнанного гения» и Симонэ ее получил.

И вот, он с «кучкой энтузиастов — молодых учных и студентов» ищет станцию пришельцев. Иными словами, шантажирует их, или я вступлю-таки в такой для вас опасный преждевременный контакт или...

Знаете, на кого вы, Симонэ, похожи? Есть тут еще один специалист по шантажу пришельцев. Зовут его Чемпионом.

Что ж, да будет вам по вере.

«Во время одного из /.../ восхождений Симонэ погиб. Найти так ничего и не удалось». (с. 193)

А что Чемпион?

«Чемпион, по-видимому, погиб, во всяком случае на уголовной сцене он больше не появлялся». (с. 192) Похоже, не правда ли?

Странный инспектор

Итак, остается инспектор Глебски.

Наверное, самый скучный персонаж в повести.

«— У меня скучная специальность, — ответил я». (с. 11)

«По натуре я человек не злорадный, я только люблю справедливость. Во всем». (с. 38)

«Я оставил их поразмыслить над этими сокровищами полицейской мудрости /.../» (с. 133)

«/.../ Всегда лучше выглядеть добросовестным болваном, чем блестящим, но хватающим вершки талантом». (с. 134)

Инспектор всегда проигрывает. На лыжах — Олафу, на бильярде — Симонэ, в рукопашной схватке — Хинкусу.

И умом тоже не блещет. Чего стоит только сен-тенция, до которой инспектор дошел после долго-го размышления:

«Наверно, они все-таки действительно были пришельцами. /.../ Просто невозможно придумать другую версию, которые объясняла бы все темные места этой истории». (с. 195)

Простите, любезный Петер, кому «невозмож-но придумать другую версию»? Вам, вашей жене, Алеку Сневару и Згуту? (Больше вы, кажется, ни с кем о пришельцах не разговаривали.) И, значит,

если вам четверым это не под силу, то и человече-ство потерпело фиаско. Не смешно...

Эта, значит, логика Глебски. А вот его эру-диция:

«/.../ Как сказал какой-то писатель, потусто-ронний мир — это ведомство церкви, а не поли-ции...» (с. 148)

Полицейский, а классика детектива Конан Дой-ля не знает!

Вот только о серости Глебски мы узнаем от са-мого же инспектора. Не кажется ли, что он про-сто валяет дурака? И эта первая его отличитель-ная черта.

И тем не менее, как и практически у всех персо-нажей этой повести, у инспектора есть тайна. Од-нажды он все-таки проговаривается:

«Сейф из Второго Национального и в самом деле исчез удивительно /.../ — «растворился в воз-духе», разводили руками эксперты, и единствен-ные следы /.../ вели как раз на карниз. А свидете-ли ограбления броневика, словно сговорившись, упорно твердили под присягой, будто все нача-лось с того, что какой-то человек ухватил броне-вик под днище и перевернул эту машину набок...» (с. 169)

Итак, два громких дела, которых практически невозможнo раскрыть. Очевидно, люди, занимаю-щиеся этими преступлениями, не будут о них рас-сказывать. Во-первых, в своей слабости не охота признаваться, во-вторых, есть в этих делах душок мистики, опасный для их карьеры. А вот Глебски знает. И не только факты, но и наглядные мело-чи, что эксперты «разводили руками», а свидете-ли «словно сговорившись, упорно твердили под

присягой». И при том на злостного выдумщика инспектора не похож. Зато очень он любит повторять за другими. И здесь, видимо, повторяет. И за кем же?

«Згуту я рассказал больше, чем другим». (с. 195)

У инспектора Згута «специальность — так называемые медвежатники», то есть те, кто грабит банки. И первое, и с, некоторое натяжкой, второе преступление подпадают под эту квалификацию.

А не Згут ли направил Глебски в этот отель? То есть, конечно же, направил, этого инспектор и не скрывает, вот только ли для отдыха.

Вынужден признать: так как хотелось закончить, не вышло.

Но лучше, наверное, уже не будет.

Смотрим текст еще раз. По особой связи Глебски и Згута почти ничего. Разве что...

«/.../ Молодец, Згут, умница, Згут, спасибо тебе, Згут, хоть ты и лупиши, говорят, своих «медвежатников» по мордам во время допросов...» (с. 17) Одно из двух: либо Глебски не такой уж и друг Згуту (раз собирает о нем слухи и сплети), либо... специально собирает, чтобы помочь своему другу, найти его врагов (в том числе «кротов» в полиции).

Впрочем, это может быть и случайно. Но другое, по-моему, точно не случайно. Глебски явно не доверяет полиции.

«Вот что мне надо было сделать: /.../ добраться до Мюра и вернуться сюда с ребятами из отдела убийств. /.../ Хороший, конечно, это был выход, но уж больно плохой». (с. 80)

Итак, от идеи вызвать полицию сразу после смерти Олафа Андварафорса инспектор отказывается. А почему, не говорит. Вернее, говорит, но больно неубедительно (врать, видимо, не умеет). Первое. «Дать убийце, время и разные возможности». Интересно, а как инспектор намерен (и может) хоть чему-то помешать? Второе. «Да и как я переберусь через завал?» Если не попытаться, то однозначно — никак.

Впрочем, здесь есть хотя бы формальные трудности. Но это не первый отказ инспектора от помощи. Чуть раньше он получает анонимку об «опасном гангстере, маньяке и садисте». И что? Глебски не звонит в полицию, не просит проверить по описанию, по кличке, не вызывает специалистов, не снимает отпечатки пальцев (он же сам полицейский, так что есть серьезная возможность, что его с хода не пошлют). Он крадучись проникает в номер Хинкуса и устраивает совершенно бессмысленный обыск. (Даже если нашелся бы пистолет, разве из этого следовало, что Хинкус — гангстер? Может, частный детектив, или просто носит оружие для самообороны. Или коллекционер оружия) И почему же:

«Но я чувствовал, что это необходимо сделать, иначе я не смогу спокойно спать и вообще жить в ближайшее время». (с. 52)

Это что, объяснение такое? Не похоже. Дело в другом.

Не доверяет Глебски полиции. И не доверяет, кажется, не без основания. Полиции в целом не доверяет, а другу своему Згуту доверяет. И пользуется его доверием.

Кажется, теперь все понятно. Инспектор не просто отдыхает, но и пытается присмотреться к об-

становке, понять, какая тайна скрывается в отеле «У погибшего альпиниста».

Но тайна эта — пришельцы — инспектору (и вряд ли только ему) не по зубам. Он часто ошибается, набивает шишки, получает множество благих, но почти бесполезных советов («Надо быть разумным. Не одним законом жива совесть человеческая») и клеймо на всю жизнь («дубина, убийца»). Но...

Глебски, кажется, единственный из героев повести, думает. Спотыкается, ошибается, но все равно думает. Серьезно размышляет о контакте и его возможности (или невозможности). И при том меняет свою точку зрения, начинает верить в пришельцев.

И мучается. Даже двадцать лет спустя у него болит совесть, а иногда инспектору (то есть старшему инспектору в отставке) «становится совсем уж плохо».

Формально у Глебски, как и у почти всех героев повести, все хорошо. Но инспектор не теряет из виду звезд, не бросает мыслей о них. Мучается, но думает. И — единственный — оставляет слабую надежду, что когда-нибудь (пусть в очень далеком будущем) люди увидят «встречу двух миров».

Избранные места из вариантов повести братьев Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста»

После выхода в свет текст какое-то время продолжает жить своей жизнью. По воле авторов и требованиям редакторов (и, возможно, цензоров), мнениям и ошибкам наборщиков и корректоров он меняется. Читатели, за редким исключением, не замечают этих перемен, и иногда к их неожиданности вдруг всплывает: «А почему в фильме «Отель «У погибшего альпиниста» нет кадра про чадо, которое мело овощной суп?» — «А этой фразы уже и в книге нет». Впрочем, иногда подсознательно, и они что-то замечают. «Вот перечитал текст, и он оказался на удивление лучше (или хуже), чем раньше». Мелкие изменения, которым подвергаются такие тексты, также вносят свою лепту в процесс читательского восприятия.

Итак, здесь пойдет речь об эволюции текста повести братьев Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста». Использовались следующие издания.

«Юность», 1970 г. (первое и на добрые двенадцать лет единственное издание повести) — далее «Ю».

«Детская литература», 1983 г. (прославившаяся своей пуританской редактурой) — далее «Д».

«Текст», 1992 г. (первое собрание сочинений братьев Стругацких) — далее «Т».

«АСТ» (второе собрание сочинений, у меня более поздняя допечатка текста, но первое издание оного тома с/с вышло в 1997 г.) — далее «А».

«Сталкер», 2001 г. (третье, «эталонное», собрание сочинений) — далее «С».

Все тексты (в том числе и эталонный вариант «С») будут критиковаться и иногда достаточно резко. Но не потому, что я считаю «Отель «У погибшего альпиниста» слабой книгой (наоборот, я ее достаточно высоко оцениваю). Вообще ценность повести, по-моему, заключается именно в наличии ее достоинств, а не в отсутствии недостатков, тем не менее, чем меньше недостатков, тем лучше для читательского восприятия книги. А если учесть, что, как мне кажется, братья Стругацкие специально не делали окончательной редакции своих повестей (кроме, возможно, самых последних; дело в том, что они понимали, что при редактировании вся тонкая правка может совершенно не предсказуемо измениться, и потому оставляли ее именно на совести редакторов), то простое восстановление черновых вариантов текстов (которое так кропотливо и блистательно выполняет Светлана Бондаренко и другие людены) не гарантирует однозначно самого лучшего. Тексты Стругацких из-за этого нуждаются в редактировании, и мои оценки являются краткими советами нынешним и будущим редакторам Стругацких. Если они признают мою правоту хотя бы в одном из десяти (ста, тысячи) случаев, значит, мой труд пропал не зря.

А теперь с места в карьер.

1—2) Указанные номера — это номера разнотений. Рассматриваться, конечно же будут далеко не все, поэтому будут пропуски номеров. С самого начала повесть называлась «Отель «У погибшего альпиниста», с различными подзаголовками («приключенческая повесть» — «Ю», «фантастическая повесть» — «Д», просто «повесть» «Т»).

Начиная с «А» повесть получает истинно авторское название «Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста» и подзаголовок «еще одна отходная детективному жанру».

Спрашивается, выиграл ли текст повести от перемены названия и подзаголовка. И, главное, по какие критериям это сравнивать. Критерии будут самые разные, и по мере анализа мы будем их приводить. Здесь же два первых критерия.

А) Текст печатается для читателя. Поэтому не должен его без толку запутывать. Само название «Дело об убийстве» в 60-е годы, когда эта повесть писалась, имела оттенок интригующий (детективы выходили достаточно редко) и слегка ироничный (сравните с написанной примерно в те же годы пьесой Рязанова и Брагинского «Убийство в библиотеке»). В наши дни (последнее десятилетие XX века — первая декада века XXI) оное название этих оттенков напрочь лишилось. Поэтому мне как исследователю творчества Стругацких, конечно, страшно интересно узнать истинное название повести, но для читателей, увы, поезд ушел и лучше сохранить прежнее, гораздо лучше запоминающееся название. (Тем более что словосочетание «Дело об убийстве» уже «заиграно» в одном из сценариев братьев Стругацких.)

Несколько сложнее дело обстоит с «еще одной отходной...».

Насколько я понимаю, идея братьев Стругацких, состоит в еще одном слиянии «комического и серьезного», как это блистательно получалось у них, например, в «Сказке о Тройке» или «Жуке в муравейнике». И явно пародийный подзаголовок служит этому замыслу. Но, как признает и сам Борис Натанович в «Повторении пройденного», этот замысел не удался. Несмотря на отдельные блистательные комедийные сценки, общего комического настроя повесть не содержит. (И вообще, как будет потом показано, эти сценки часто выпирают из нее.) Так что (если учесть, что «приключенческая повесть» — несколько не соответствует истине, а в ярлыке «фантастическая повесть» братья Стругацкие давно не нуждаются) мое мнение оптимальным заголовком и подзаголовком будет вариант «Т»:

«Отель «У погибшего альпиниста» (Повесть)

3 (сокр) Эпиграф о происшествии «в округе Винги, близ города Мюр» в «Т» отсутствует (либо ляп наборщиков, либо «Т» имел дело с рукописью, еще не содержащей данного эпиграфа). В остальных изданиях эпиграф наличествует, только в «А» имеется оригинальный вариант: «Падкая на сенсации буржуазная пресса...» При всем своем великолепном звучании это опять-таки ляп, ибо никакого противостояния коммунистическая — буржуазная в повести нет. Так что, очевидно правильный вариант был опубликован в «Ю» и «Д» и восстановлен в «С»:

«Падкая на сенсации бульварная пресса...»

Глава первая.

Здесь разночтения начинаются буквально с первого слова.

5) В варианте «Ю» повесть начинается несколько выспренно: «Я оставил машину, вылез и снял черные очки». И снова, кажется, красивый ляп. Уже в «Д» он исправлен и далее данная фраза однозначна:

«Я остановил машину, вылез и снял черные очки».

6) Окончательный вариант следующей фразы («А» и «С»): «Здесь все было именно так, как рассказывал Згут.» И вот тут появляется второй критерий оценки.

Б.) Текст должен содержать как можно меньше слов, не несущих информационной нагрузки («чтобы словам было тесно, а мыслям просторно»). Тут дело в психологии. Автор читает свой текст очень медленно и «в конце фразы забывает начало», поэтому ему часто хочется усилить то или иное слово. Однако для читающего сколько-нибудь быстро человека никакого «усиления» и «выделения» не получается, а оказываются только лишние длинноты. Впрочем, подобной перегрузкой служебными словами авторы, возможно, хотели подчеркнуть, что Глебски — зануда (а инспектор зануда первыйший). Однако в данном случае, как мне кажется, овчинка не стоит выделки. Поэтому я за вариант, приведенный в «Ю», «Д» и «Т»:

«Все было так, как рассказывал Згут.»

7) Следующая фраза и в «А» новый ляп: «Отель был двухэтажный, желто-зеленый...». Все хорошо, но расцветка больно уж, по-моему, ядовитая. Поэтому во всех остальных вариантах гораздо лучше:

«Отель был двухэтажный, желтый с зеленым...»

8) (сокр) В «Ю» дальше было несколько расплывчено: «над входом красовалась траурная вывеска», далее во всех вариантах от «Д» до «С» уточнено:

«над крыльцом красовалась траурная вывеска».

Теперь на полторы фразы можно перевести дыхание, но вскоре появляется Алек Сневар в весьма странной рубашке.

10) начиналось в «Ю» все просто «поверх лавсановой рубашки», в «Д» добавился эпитет «поповерх ослепительной лавсановой рубашки» (честно говоря, эпитет несколько сомнителен, ибо на фоне снега зимним, простите, ранним весенним днем трудно чему-либо выглядеть ослепительным); и, наконец, начиная с «Т», поменялся материал рубашки и сформировался окончательный вариант: «поповерх ослепительной нейлоновой рубашки». Вообще-то нейлон, конечно же, ярче лавсана, то не ярче же он снега. Ни на чем не настаиваю, но первый вариант («Ю») мне больше импонирует.

12) В «Ю» не сразу разобрались, что такое «Бутылочное горлышко»: «Алек Сневар, Владелец отеля и долины «Бутылочного горлышка». То есть «Бутылочное горлышко» — суть название долины. Но, во-первых, это неправда и противоречит последующему тексту, а во-вторых, согласитесь, весьма странное и даже парадоксальное название для долины. Во всех вариантах, начиная с «Д», написано правильно:

«Алек Сневар, владелец отеля, долины и «Бутылочного Горлышка», то есть ведущей в долину узкой дороги.

13) А затем впервые вступает в действие пуританская редактура «Д». «В руке была сигара», во всех остальных вариантах — «В руке был штопор» (в дальнейшем Алек Сневар соответственно приложит к лысому лбу не «кулак со штопором», а «кулак с сигарой»). Правда, честно говоря, никакой разницы я здесь не вижу.

Потом хозяин отеля высокопарным слогом излагает нам историю смерти Погибшего Альпиниста. Сразу сообщу, что в «Ю» эта история существенно сокращена и это первое, но не последнее сокращение текста «Отеля...» в «Ю», связанное, очевидно, с недостатком места в журнале.

14) Во всех изданиях, вплоть до «Т» атеисты-Стругацкие пишут такие слова, как «бог», «господь» и подобные с маленькой буквы. Начиная с «А» редакторы (с авторского, естественно, согласия) меняют орфографию этого слова. Впервые слово «Бог» появляется именно в истории Алека Сневара и там оно более чем уместно с большой буквы:

«Может быть, он молился. Его слышал только Бог». (варианты «А» и «С»)

16) В «Ю» одно слово было неточно, и фраза хозяина отеля приобретала непроизвольно комический оттенок: «и земля дрогнула, когда он грохнулся об нее». В остальных изданиях, начиная с «Д», исправлено:

«и земля дрогнула, когда он грянулся о нее».

17) (сокр) И снова вступает в дело редактура «Д»: «корзину с бутылками» она не дает называть сво-

им именем и превращает в «объемистый сверток». Так что сначала Глебски достает из машины, потом вручает Снегуру, который далее ставит его в угол своей конторы (в варианте «Д», кстати, «на сейф») не «корзину с бутылками» (как во всех остальных вариантах), а именно вышеупомянутый и, помоему, чересчур абстрактный «объемистый сверток» (добавим, истины ради, что в «Ю» вся эта сцена тоже сокращена).

20) Разговор заходит о Згуте. И снова во всех вариантах от «Д» до «С» идет фраза с «лишними словами»: «Я вижу, он не забыл вечера, которые провел у моего камина». И только в «Ю» все кратко и ясно:

«Я вижу, он не забыл наши вечера у камина».

22) А вот здесь простейший пример правильно-го изменения текста и сокращения лишнего слова. В «Ю», «Д» и «Т»: «Я был бы не прочь посмотреть...» А в «А» и «С» более кратко:

«Я был не прочь посмотреть...»

23) Пуританство «Д» не дремлет. Во всех остальных вариантах далее эта фраза звучит так: «как этот кобель с женским именем будет разгружать мой багаж», а в «Д» «кобель» переименован в «пса». А вот здесь я уже вижу четкий критерий, отличаю-щий эти варианты.

В) При прочих равных условиях употребление более редко встречающегося слова лучше, чем слова стандартного. Поэтому, на мой взгляд, в варианте «Д» фраза стала хуже.

28 (сокр) И вот перед нами появляется новый персонаж: Кайса. В разных вариантах она обрисована несколько по-разному.

В «Ю» совсем коротко: «В дверях с моим чемоданом в руке стояла этакая кубышечка, пышечка этакая лет двадцати пяти, с румянцем во всю щеку».

В «Д» и «Т» выпала (или была отредактирована?) «пышечка этакая», зато добавлено: «с широко расставленными и широко раскрытыми голубыми глазами».

Наконец в «А» и затем в «С» «пышечка» восстановлена в правах, и фраза окончательно звучит следующим образом:

«В дверях, с моим чемоданом в руке, стояла этакая кубышечка, пышечка этакая лет двадцати пяти, с румянцем во всю щеку, с широко расставленными и широко раскрытыми голубыми глазами».

Разве что добавим от себя, что я с большим трудом могу поверить, что такая девушка, как Кайса (как она обрисована в повести), в двадцать пять лет не вышла замуж.

И еще скажем, что в «Ю» сцена с Кайсой также была немного сокращена.

31) И снова ювелирная правка текста. Убрана всего одна буква, а стало гораздо лучше. В варианте «Ю» сенбернар Лель просто «с грохотом, словно обрушилась вязанка дров, упал около сейфа». А в остальных вариантах:

«с грохотом, словно обрушилась вязанка дров, пал около сейфа».

Далее хозяин ведет Глебски в «номер-музей», о чем сам инспектор до поры до времени не подозревает. И эта сцена в варианте «Ю» сокращена.

35) Маленький ляп в «А»: «На спинке кресла висела чья-то брезентовая куртка». В остальных вариантах точнее:

«На спинке кресла посередине комнаты висела чья-то брезентовая куртка».

36) А вот «Д» отметились не только своим пуританством, но и кропотливым педантизмом. Во всех вариантах «Отеля...» есть «спорные», которые можно было бы не ставить, запятые, но «Д» — это просто нечто.

«— Живет... — произнес, наконец, хозяин».

Во всех остальных вариантах запятых нет.

39 (сокр) И снова лишние слова. Фраза в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет вообще) звучит и так длинно и выспренно (в соответствии с образом Алека Сневара):

«Мне до сих пор не удалось выяснить, что это означало».

А в «А» и «С» еще добавили: «Мне до сих пор так и не удалось выяснить, что это означало».

Мало того, что фраза стала длиннее, но слово-сочетания «до сих пор» и «так и» значат примерно одно и то же, так что получилась тавтология.

41.) Забавное совершенно незначительное различие, выводящее нас на проблемы перевода (или псевдоперевода, как в данном случае).

«Я отчетливо видел, что это позавчерашний «Мурский вестник».

Так в «Ю». А в остальных вариантах газета называется «Мурский Вестник».

Интересно здесь то, что за рубежом значащие слова в заголовке пишутся с большой буквы. (Например, знаменитая повесть Стругацких на английских лад называлась бы «Понедельник Начинается в Субботу»). Но мы-то живем не за рубежом, и в наших газетах названия пишутся с маленькой буквы («Советская культура», «Московские новости»). Так что правильным, по-моему, будет именно вариант «Ю».

43—45 (сокр) А потом в «Ю» следует новая лакуна, которая на сей раз имеет серьезное отношение к сюжету. Приведем ее:

«— Инспектор Згут как-то рассказывал мне, — произнес хозяин после короткого молчания, — что его специальность — так называемые медвежатники. А у вас какая специальность, если это, конечно, не секрет?

/.../

— У меня скучная специальность, — ответил я. — Должностные преступления, растраты, подлоги, подделка государственных бумаг...»

Тем самым в «Ю» не сказано, чем именно занимается инспектор Глебски, и возникает ощущение, что он имел дело с кражами и убийствами. Во всех остальных вариантах у инспектора действительно «скучная специальность». И даже немного удивляет, как такой человек вообще пытался раскрыть убийство и не дать свершиться новым преступлениям.

Есть и другие, более тонкие нюансы, об одном из которых мы поговорим в комментарии ко второй главе.

49. Редкий случай, когда фраза в «Ю» полнее всех остальных вариантов. И так повсюду: «Чемодан мой был раскрыт, вещи аккуратно разложены...», а в «Ю»:

«Чемодан мой был раскрыт, вещи аккуратно разложены и развесаны...»

По-моему, все логично.

51. Довольно забавная фраза, которой нет ни в «Ю», ни в «Д», ни в «Т»:

«Я смотрел на Кайсу и понимал Згута. Пышечка-кубышечка на фоне постели выглядела необычайно заманчиво. Было в ней что-то неизвестное, что-то еще не познанное...»

55. Снова лишнее слово, да еще нарушение мужской логики.

Снегар говорит Глебски (варианты «А» и «С»): «а если вздумаете перекусить прямо сейчас или освежиться...»

Согласно мужской логике, Глебски мог понять фразу слишком буквально и решить, что все сказанное относится только к данному конкретному моменту. Поэтому лучше, как в «Ю», «Д» и «Т»:

«а если вздумаете перекусить сейчас или освежиться...»

56. И снова мы имеем дело с божественными силами.

«Благословенное небо, всеблагий Господи, наконец-то я был один!» — радуется Глебски. (варианты «А» и «С»).

Но вот уверены ли редакторы, что инспектор молится? По-моему, так это просто «поминание

бога всуе», а поэтому должно писаться с маленькой буквы, как это делают «Ю», «Д» и «Т». Кстати, в противном случае неплохо бы и «небо» написать с большой буквы, а то какой-то странный компромисс получается.

59. «но вот сын мой утверждает...» — снова «А» и «С» и снова лишнее слово. Чей же еще сын? Лучше как в остальных вариантах:

«но вот сын утверждает...»

60. (сокр) Далее следует длинное и достаточно занудное размышление Глебски о счастье свободы выбора (правда, в «Ю» этого размышления нет). На мой взгляд, чем короче будет эта мысль, тем лучше (ибо ничего особенного она не выражает, а для выражения характера инспектора хватит самого сокращенного варианта). Итак, фраза про сигарету, которую он может не закурить короче в «Д» и «Т»:

«И [сигарета], которую я не закурю, если мне не хочется, а не потому, что мадам Зельц не выносит табачного дыма.»

Не понимаю я, зачем тут еще что-то добавлять.

А про рюмку бренди (которую в варианте «Д», как обычно, заменила чашка кофе), как мне кажется, лучше всего сказано в вариантах «А» и «С»:

«Рюмка бренди у горящего камина — это хорошо».

А в «Т», например, совершенно скучнейшая фраза:

«Рюмка бренди у горящего камина — именно в тот момент, не раньше и не позже, когда мне

придет в голову, что выпить рюмку бренди у горящего камина — это хорошо».

63. И наконец, заканчивается это рассуждение тем, что вот если пробежаться на лыжах, то «станет совсем уже прекрасно» («Ю», «Д», «Т»). А в «А» и «С» сказано немного получше:

«станет совсем уж превосходно»

64—65. Затем снова следует описание Кайса. В «Ю» оно было чуть сокращено, а в «Д» (где снова бдила пуританская редактура) и за ними в «Т» и «А» от него буквально остались «рожки да ножки»:

«Была она в пестром платье в обтяжку, в крошечном кружевном фартуке, шею охватывало ожерелье из крупных деревянных бусин».

И только в «С» сокращения восстановлены и Кайса предстает перед нами во всей красе.

«Была она в пестром платье в обтяжку, которое топорщилось на ней спереди и сзади, в крошечном кружевном фартуке, руки у нее были голые, сдобные, и голую сдобную шею охватывало ожерелье из крупных деревянных бусин».

66. И снова общий вывод о Кайсе. В «Д» и «Т» (в «Ю» он опущен) сказано просто: «и это было хорошо». В «А» и «С» добавлено одно слово:

«и это тоже было хорошо».

На сей раз слово добавлено по делу и логически цепляет рассуждения инспектора о Кайсе к его размышлениям о счастье свободы воли, где часто встречается слово «хорошо».

68. В разговоре о Симонэ в варианте «Ю» Кайса опускает слово «Ученые». И это не случайное искажение текста, а именно редакторская политика «Ю». По мнению этого варианта, Глебски не подозревал об ученых заслугах Симонэ. (И далее все подобные упоминания будут убираться из текста.)

69. Маленький ляп (или снова редактура?) «Д», автоматически, видимо, повторенный в «Т» и «А». По мнению этих текстов Кайса «снова закраснелась и принялась водить плечами».

А вот в «Ю» и «С» точнее и интереснее:

«Она снова закраснелась и принялась водить плечами».

И дальше перерыв почти на целую предпоследнюю страницу. Никаких серьезных разнотечений (если не считать того, что в «Ю» эта страница сокращена процентов на 80). Разве что «Д» дает хоть какую-то пищу для ума.

81) Безобидная фраза:

«пепельница на столе снова сияла девственной чистотой».

В «Д» слово «девственной» отсутствует. Господа пуритане! Чем пепельница-то перед вами проницилась?

82). В «Д»: «пахло трубочным табаком, как в номере-музее».

В остальных вариантах чуть иначе:

«пахло трубочным табаком, совсем как в номере-музее».

Честно говоря, ввиду многозначности понятия «как», слово «совсем», напоминающее о конкретном недавнем случае, все-таки нужно.

83). А вот здесь в «Д» точнее:
«Я взглянул на пепельницу».

А добавленное в более поздних вариантах слово «немедленно» только, как ни странно, уменьшает скорость процесса. (Слово «немедленно» и так подразумевалось, а с ним фраза читается явно дольше.)

На сем глава заканчивается.

И начинается вторая глава. Чтобы не писать слишком больших чисел, я веду нумерацию разночтений по главам и потому опять начинаю с первого номера.

Начинается вторая глава с лыжной пробежки Петера Глебски. Снова заметим, что в «Ю» она изрядно сокращена, и за клавиатуру, друзья:

4) Словечко-монстр, неплохо, кстати, характеризующее Глебски, с которым редакторы не сразу справились. Среди того, что инспектор хочет хоть на время забыть, имеются в «Ю»: «унылые заслякоченные улицы», а в остальных вариантах, видимо, более грамотно:

«унылые заслякощенные улицы».

Мне, кстати, на пользу. Узнал, как пишется это слово.

7) Речь заходит о Згуте. И тут снова разные варианты. Окончательный вариант «А» и «С» длин-

новат: «хоть ты и лупиши, говорят, своих «медвежатников» по мордам во время допросов...»

Во-первых, весьма странно звучит слово «говорят». Згут представлен в повести, как один из близких друзей Глебски. А судить о друге с чужих слов... как-то нехорошо, да и на Петера Глебски непохоже.

Во-вторых, добавка «во время допросов», наверное, лишняя. Когда еще Згут может лупить «своих медвежатников»?

Поэтому здесь оптимальны варианты «Ю» и «Т»:

«хоть ты и лупиши своих «медвежатников» по мордам...»

А в «Д» вариант по длине такой же, только морды снова заменены «физиями».

8 (сокр) «ведь я уже три года не бегал на лыжах» — вспоминает инспектор в «А» и «С», а в остальных вариантах, как мне кажется, несколько точнее:

«ведь я уже три года не ходил на лыжах».

Ведь на лыжах, по-моему, именно ходят, а не бегают (особенно это герой — не профессиональный спортсмен).

17) А здесь в «Ю» несколько стандартно: «Я снял перчатку, вытер лицо...»

В остальных вариантах точнее:

«Я снял перчатку, сунул мизинец в ухо, повертел...»

Тем более что в предыдущей фразе у Глебски «уши ветром заложило».

18) И снова во всех текстах, от «Д» и «С» лишние слова: «словно по соседству шел на посадку спортивный биплан». И только в «Ю» коротко и ясно:

«словно шел на посадку спортивный биплан».

21) А здесь, наоборот. В «Ю» длиннее: «очки снова залепило, и я едва успел заметить тощую согнутую фигуру», а в остальных вариантах короче:

«очки снова залепило, но я все-таки заметил тощую согнутую фигуру».

26 (сокр) В пародии Глебски про гибель «Погибшего Мотоциклиста» увеличилось число кирпичей. В «Ю» было всего-навсего «увлекая за собой сорок два кирпича», то есть только те, что закрывали дыру в стене, которую (достаточно аккуратно) пробил мифический «Мотоциклист». В остальных текстах разрушения стены гораздо глобальнее (что, по-моему, лучше):

«увлекая за собой четыреста тридцать два кирпича».

Главное — кто-то же их сосчитал!

27 (сокр) И снова маленькая длиннота в «А», «С»: «настойка из мухоморов, три кроны за литр».

В «Д», «Т» (в «Ю» этой фразы нет) чуточку точнее:

«настойка из мухоморов, три кроны за литр».

30) А теперь маленький ляп в «А», пропущено слово. В «А»: «существу /.../, развалившемуся в глубоком кресле».

В остальных вариантах:

«существу /.../, изящно развалившемуся в глубоком кресле».

32) Перед нами новый герой — дю Барнстокр. От варианта к варианту его портрет обретает все новые черты. В «Ю», «Д» и «Т» было коротко и простовато: «лицо, украшенное аристократическим носом».

В «А» интереснее: «лицо, украшенное аристократическими брыльями и не менее аристократическим носом».

И наконец, в «С» портрет дю Барнстокра полностью готов:

«лицо, украшенное аристократическими брыльями и не менее аристократическим носом феноменальной формы».

35) Снова пуритане бдят.

В «Д» опущено, что дю Барнстокр «сложил губы куриной гузкой» (опять-таки в первый, но не в последний раз).

39) Забавный ляп в «А»: «Это /.../ хилая работа. Хотя и недостойная такого знатока, как господин Глебски».

В остальных текстах (кроме «Ю», где нет последней фразы) все становится понятнее:

«Это /.../ хилая работа. Хилая и недостойная такого знатока, как господин Глебски».

41) А это уже чисто мое занудство. Я за использование сколько-нибудь нестандартных слов в самых стандартных ситуациях. А теперь угадайте,

какое значимое слово самое распространенное?
Правильно, слово «сказал».

«— Вы мастерски владеете лыжами, господин Глебски, — сказал дю Барнстокр.» (все варианты от «Д» до «С»).

И только в «Ю», бальзам на мою душу:

«— Вы мастерски владеете лыжами, господин Глебски, — продолжал дю Барнстокр.»

45—47 (сокр.) А вот здесь, кажется, авторы сами запутались и нас запутали. Говорит дю Барнстокр:

«это Брюн, единственное дитя моего дорогого покойного брата...»

Чуть ниже соответственно:

«Дитя равнодушно улыбнулось мне...»

Но посередине в размышлениях Глебски впервые проскаивает одно из самых запоминающихся словечек в «Отеле...»:

«я бы предпочел, чтобы дю Барнстокр представил чадо своего дорогого покойника...»

С чего бы этого инспектору употреблять архаизмы? Ни до, ни после этого эпизода за ним такого не замечено. Он всегда говорит нормальным современным книжным языком.

И только в «Ю» с логикой сюжета все нормально:

«это Брюн, единственное чадо моего дорогого покойного брата... /.../ Чадо равнодушно улыбнулось мне».

(Третья фраза в «Ю» сокращена.)

На мой взгляд, старому и манерному дю Барнстокру куда более пристало говорить архаизмами.

50—51) Снова лакуна в «Ю». Там дю Барнсто-кру затыкают рот и не дают закончить фразу: «Бу-цефал — это мотоцикл, безобразная и опасная ма-шина, которая...»

В остальных вариантах старый фокусник берет свое:

«которая медленно убивает меня на протяже-
нии двух последних лет и в конце концов, как я
чувствую, вгонит меня в гроб».

От себя скажу, не вгонит, во всяком случае, за
следующие двадцать лет.

53) Забавный неологизм из-за типографского
ляпа в «Д»:

«Чадо затянулось и капризно-буркнуло:»

В остальных текстах лишнего тире, конечно же, нет.

54) (сокр) И снова лишние слова в «Д» и «Т»
(в «Ю» этой фразы опять-таки нет) все нормаль-
но:

«Все-таки знаменитый фокусник на арене —
это одно, а знаменитый фокусник в частной жиз-
ни — это совсем другое».

Зачем в «А» и «С» здесь добавили слово «ока-
зывается», не понимаю.

56) Опять мое занудство. Не люблю уменьши-
тельных суффиксов без причины. Слово «сигарет-
ка» весьма удачно звучит у чада, но Глебски-то
оно зачем: «и, взяв сигаретку, завалился на ди-
ван». («А» и «С»)? В остальных вариантах все, по-
моему, хорошо:

«и, взяв сигарету, завалился на диван».

57–59) (сокр) Далее идет тема «ужасных звуков». Сначала, в основном все в порядке почти во всех вариантах:

«Разбудил меня чей-то взвизг...»

Только в «А» «взвизг» переименован в «визг».

Но, увы, далее во всех вариантах от «Д» до «С» визг вступает в свои права: «а потом снова короткий визг и призрачный хохот».

А затем там же: «Мне даже послышалось бряканье ржавых цепей». Это уже натужно смешно, а не страшно весело. И только в «Ю» «готическая тема» сохраняется во всей полноте:

«а потом снова короткий визг и призрачный хохот. Мне даже послышалось бряканье ржавых цепей».

60) А вот здесь от сокращения текста несколько потерял. Среди выражений лица, которые Глебски опробует перед зеркалом, в текстах «Д», «Т» и «А» значится: «простодушная готовность к любым знакомствам...». И только в «Ю» и «С» уточняется:

«простодушная готовность к решительно любым знакомствам...»

61) Пуританство «Д» опять выходит из берегов. Чадо курит во всех вариантах, тем не менее, инспектор Глебски по «Д» просто: «сунул в карман сигареты...»

И только из остальных мы узнаем, к чему бы все это:

«сунул в карман сигареты для чада...»

62) И снова лишние слова. Перед нами Симонэ: «Поза его при всей неестественности казалась вполне непринужденной». (Варианты «Ю», «Д» и «Т»)

Все ведь кажется понятно. Тогда зачем в «А» и «С» добавлено «однако же»?

63.) Первая из двух фраз во второй главе «Отеля», касающаяся темы «старая армия». Если в «Ю» было незатейливо: «встал передо мною по стойке «Смирно».

В остальных же текстах интереснее:

«встал передо мною во фронт».

Вторая фраза гораздо красивее, вот только какое отношение к сюжету «Отеля» имеет эта ретротема? Кажется, никакого, но и явственно она тоже не выпирает.

64) А теперь настал черед и мне порадоваться. Если в вариантах «Ю», «Д», «Т» было: «— Собственно, я физик, — сказал он».

А вот в «А» и «С» обошлись без стандартнейшего «сказал» :

«— Собственно, я физик, — сообщил он».

67) Маленькая, но забавная вариация. В «Ю» написано: «Вот я и лажу по дверям...», а в остальных текстах:

«Вот я и лазаю по дверям...»

И это совершенно правильно, ибо никакой «лажи» в книгах Стругацких быть не должно.

71) Сцена в столовой. В «Т» фраза простенькая: «сидели дю Барнстокр и чадо».

Во всех остальных вариантах явственно виден зануда-Глебски.

«сидели дю Барнстокр и чадо его покойного брата».

72) Та самая фраза, про которую я писал в предисловии. Во всех текстах от «Д» до «С» она простовата: «чадо /.../ уплетало овощной суп».

И только в «Ю» звучит до сих пор оставшееся в памяти читателей:

«чадо /.../ стремительно мело овощной суп».

74) А здесь с занудством уже, кажется, перебор. Восхищаясь красотой госпожи Мозес, инспектор размышляет в «Ю»:

«Таких женщин я видел раньше только на фото в великосветских журналах и в супербоевиках».

И этого, по-моему, более чем достаточно. И не нужно никаких «да еще, пожалуй», вместо «и», как в остальных текстах.

76) А теперь «Ю» занимается популяризацией. Если в остальных вариантах все просто «и положил пикуль», то «Ю» далее разъясняет «— маленький маринованный огурчик». Не знаю, кому как, но мне это объяснение понадобилось, поэтому полагаю, что оно к месту.

78—80) А вот дальше это объяснение становится уже слишком занудным. Ибо «Ю» снова и снова употребляет слово «огурчик». Глебски сначала «откусил половину огурчика», затем «засунул в рот вторую половину огурчика» и наконец, огорчился, «что они [то есть огурчики] не бывают величиной с дыню». Теперь слово «пикуль», как в текстах от «Д» до «С», кажется, гораздо более интересно.

«откусил половину пикуля. /.../ засунул в рот вторую половину пикуля, горько сожалея, что не бывает пикулей величиной с дыню.»

83 (сокр) Опять маленький, но интересный нюанс. В вариантах «Ю», «Д» и «Т» говорится так: «она улыбнулась, и мне [инспектору] сразу стало легче».

А в «А» и «С» чуть иначе:

«госпожа Мозес улыбнулась, и мне сразу стало легче».

Госпожа Мозес явно нравится Глебски, и ему, стало быть, хочется лишний раз мысленно повторить ее имя.

89) Снова небольшое и удачное изменение. Алек Сневар заверяет своих постояльцев в текстах «Ю», «Д» и «Т», «что ночами кто-то бродит по дому.» А в «А» и «С»:

«что ночами кто-то несомненно бродит по дому.»

И это «несомненно» явно добавляет убедительности его словам.

95) А здесь, наоборот текст замедляется. Чадо ругает неизвестных шутников. И как замечает Глебски по «А» и «С»: «При этом оно свирепо целилось в меня своими окулярами, и я порадовался, что приехал только сегодня».

А в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) от маленькой недоговоренности фраза становится гораздо динамичнее:

«При этом оно так целилось в меня своими окулярами, что я порадовался, что приехал только сегодня.»

За эту динамику, как мне кажется, можно простить два «что» подряд.

96—97) Недосказанный анекдот Симонэ. Вначале в «Ю» все как обычно: «Приезжает как-то

один майор...», а в остальных вариантах «в стиле ретро»:

«Приезжает как-то один штабс-капитан...»

А далее наоборот в текстах от «Д» до «С» этот самый офицер «велит позвать хозяина...» А в «Ю» присутствует некая недоговоренность:

«велить позвать...»

Если вспомнить что анекдот незаконченный, то он, по-моему, и должен быть прерван на полуслове и несколько двусмысленно.

98). Маленький перебор. Конечно, чадо желает выглядеть взрослее и циничнее, чем оно есть. Но все высказано уже в более ранней фразе «А, дурацкий анекдот». Поэтому дальше лучше просто нейтральный вопрос, как в «Ю», «Д» и «Т»:

«Этот?»

А вопрос вариантов «А» и «С» «Этот, что ли?», по-моему, уже перебор.

101). Лакуна в «Ю», которая уцелела во всех остальных вариантах, даже в пуританском «Д»:

«Но стоило смягчиться душою, и девушка пропадала, а вместо нее самым непристойным образом появлялся расхлябанный нагловатый подросток — из тех, что разводят блох на пляжах и накачивают себя наркотиками в общественных уборных.»

Про девственно чистую чернильницу нельзя, а про подростков-наркоманов, выходит можно?

102) Опять точная поправка. В «Ю», «Д» и «Т» Глебски недоумевает про чадо: «мальчик это, черт возьми, или девочка...»

А в «А» и «С» ругательство более конкретно: «мальчик это, черт его возьми, или девочка...»

Братья Стругацкие явно ругаются гораздо лучше, нежели их редакторы.

104) И снова пример многословия, которое воспринимается не как черта того или иного героя, а именно как занудство авторов.

В «Ю» дю Барнстокр говорит:

«Будь я математиком, господа, я бы попытался...»

В остальных текстах старый фокусник куда более зануден: «Если бы я был математиком, господа, я бы на основании этих данных попытался...»

106 (сокр) А вот размышления Глебски об отношениях дю Барнстокра к чаду грешат занудством во всех четырех вариантах (в «Ю» этой фразы нет).

Вначале инспектор полагает, что фокусник о поле чада (по версиям «Д» и «Т»)

«по-моему, и сам не знает».

А в «А» и «С» добавили «толком» (кстати, а что можно знать об этом без толку?) и субъективное «по-моему» заменили более объективным «пожалуй».

Зато «А» и «С» вовремя останавливают размышления Петера Глебски:

«Откуда ему знать? Дитя и дитя...»

А остальные тексты добавляют, как мне кажется, лишнюю фразу: «И дело с концом».

107.) А здесь я за то, чтобы называть вещи своими именами. И вместо обтекаемого «Кайса глу-

па», как в вариантах от «Д» до «С», лучше прямо и честно, как в «Ю»:

«Кайса — дура».

108 (сокр) А сейчас дополнительные слова опять неплохо подчеркивают занудство Глебски. Если в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы снова нет) фраза очень проста: «Кайса, конечно, глупа, но в кулинарии толк знает...». То в «А» и «С» гораздо интереснее:

«Кайса, без сомнения, глупа, но в кулинарии, без всякого сомнения, толк знает...»

111) (сокр) Снова говорит дю Барнстокр и опять слишком длинно.

Даже в «Д» и «Т» (в «Ю» этого отрывка нет) длинновато:

«эта мысль уже сама по себе занимает воображение».

А в «А» и «С» «эта мысль» уже не просто «занимает», но «способна занимать».

112) Теперь говорит Симонэ, за которым, хоть он был и ученым, прежде не наблюдалось педантизма. Если в «Ю» все коротко и ясно:

«Если они [то есть пришельцы] умеют отличать населенные системы от ненаселенных...»

То в остальных текстах добавлено (как будто это и так не ясно): «...и наблюдают только населенные...»

113) В «Д» убрали забавную характеристику, да так надежно, что ее восстановили только в «С».

Итак, в «Д», «Т» и «А» сказано примитивно: «Симонэ заржал.»

И только в «Ю» и «С» подлинная авторская мысль:

«Симонэ заржал, словно дворняга загавкала.»

119) Перед нами появляется господин Мозес, а я за чуть более нестандартный вариант. Во всех остальных текстах: «На пороге появилась удивительная фигура».

И только в «Ю»:

«На пороге возникла удивительная фигура».

Как мне кажется, удивительные фигуры не появляются. Они именно возникают.

125) И еще крохотная удача «Ю». В вариантах «Д», «Т», «А» и «С». господин Мозес «уселся, «едва не промахнувшись мимо сидения». А в «Ю» он садится:

«уселся, без малого не промахнувшись мимо сидения».

127) Фраза о господине Мозесе, пропущенная в «Ю» (быть может, случайно) и в «Д» (очевидно намеренно):

«Он был совершенно пьян.»

И вообще «Д» горой встает на защиту Мозеса и, кажется, ни разу не дает авторам называть его пьяницей.

131) Мозеса знакомят с Глебски. И сразу возникает забавное расхождение. Если в «Ю» Глебски, кажется, ниже по чину своего нового знакомого: «Господин Мозес — инспектор Глебски.»

То в остальных вариантах от «Д» до «С» Алек Сневар (знакомящий героев) ведет себя как на дипломатическом рауте:

«Господин Мозес — господин инспектор Глебски.»

И здесь же, при знакомстве Мозеса и Глебски, возникает тот забавный нюансик, о котором я говорил при анализе первой главы.

«— Инспектор... — проворчал Мозес. — Фальшивые квитанции, подложные паспорта...»

В «Ю» (где, напомню, мы ничего не знаем о специализации Глебски) это выглядит тупым наездом. Зато в остальных вариантах господин Мозес оказывается на удивление точен. А так как узнать это он мог только от хозяина отеля, то невольно возникает подозрение, что Сневара и Мозеса связывают какие-то особые отношения.

134). Редкий случай, когда лишнее слово оказывается к месту. Симонэ рассказывает новый (и опять-таки незаконченный) анекдот. По всем вариантам от «Д» до «С» там звучат слова: «чревоугодник в ожидании любимого блюда», а вот в «Ю» добавлено:

«чревоугодник в ожидании своего любимого блюда».

«Своего» словечко, конечно же лишнее, вот только мне кажется, что так Симонэ специально тянет время, дабы подогреть интерес к анекдоту.

135) А теперь замена оказалась весьма удачна. В текстах «Ю», «Д» и «Т» было незамысловато: «Опасения, — удовлетворенно повторил господин Мозес.»

А в «А» и «С» поинтереснее:

«Опасения, — удовлетворенно констатировал господин Мозес».

И снова в конце главе на протяжении страницы, если не считать сокращений в «Ю», нет существенных вариантов текстов. И только в самом конце для меня появляется работа.

147) Пример точной расстановки слов. Мозес говорит хозяину о шутнике в «Ю» то посоветуйте ему — настоятельно посоветуйте — прекратить».

Сказано неплохо, но в остальных текстах от «Д» до «С» эта фраза звучит просто чеканно:

«то посоветуйте — настоятельно посоветуйте — ему прекратить».

148—149 (сокр). Мысли Глебски о Мозесе. Вначале в «Ю», «Д» и «С» точная цитата слов Мозеса, однако фраза получилась чуть легкомысленна: «чем все это кончится, если Мозес тоже начнет шутить.» Зато в «А», «С» занудное «тоже» убрали, зато добавили почтительности:

«чем все это кончится, если господин Мозес начнет шутить.»

Впрочем, «А» и «С» отыгрались уже на следующей фразе инспектора. Если в текстах от «Д» до «Т» (в «Ю» этой фразы нет) было: «у меня картина получилась очень уж безотрадная», то в окончательных вариантах:

«у меня лично картина получилась на редкость безотрадная».

Какой же Глебски зануда!

149—150 (сокр) И наконец пара слов о пуританской редактуре «Д». Сначала «Д», «А» и «С» (в «Ю» этой фразы все нет) говорится, что Мозес прикладывался к своей кружке «раз сто», а «Д» сокращает это количество ровно вдвое «раз пятьдесят». А затем по всем остальным текстам:

«Госпожа Мозес /.../ приложила к прекрасным губам салфетку...»

Но в «Д» слово «прекрасным» отсутствует. Ужели и красота под запретом?

На сем вторая глава заканчивается.

Третья глава в некотором смысле представляет собой кульминацию. Во всяком случае, это кульминация сокращений «Ю» (они уже составляют страницы) и пуританства «Д».

С него, кстати, и начнем.

1) В «Д» сказано лишь: «произнес хозяин», а из остальных вариантов мы узнаем:

«произнес хозяин, разглядывая стакан на свет».

Впрочем, все еще только начинается.

3) В «А», «С» экономно снижают накал пламени камина: «Жарко пылал уголь...», а вот в «Ю», «Д», «Т» уголь

«Жарко полыхал...»

Это, очевидно, преувеличение, но слово интересное, да и настроение героев, по-моему, хорошо передает.

4) В «Д» «Кофе был горячий, с лимоном, ароматный». В остальных текстах «горячий с лимоном и ароматный» был, конечно же, портвейн.

Так будет повторяться по всей главе добрый десяток раз, все упоминания о портвейне вообще, и стаканах в частности (см., например, п. 1) в «Д» исчезают, как не бывало. Добавим, что еще один раз исчезнет бренди, которое предложит хозяин и откажется выпить чадо, и покончим с этим пунктом.

5) И снова пополняется мое образование. Если в «Ю» инспектор слышит «трески удачных клапшоссов» (видимо, по аналогии с лермонтовским «Штоссом»), то в остальных текстах исправлено:

«трески удачных клапшоссов».

6) А вот здесь, пожалуй, «Ю» удачнее. В вариантах от «Д» до «С» Мозес поджег стокроновый билет зажигалкой и «раскурил от него сигарету...», а в «Ю» точнее:

«раскурил от него сигару».

Мозес — миллионер и курить сигары ему как-то больше пристало.

8 (сокр.) А дальше в «Ю» пропущено, а в остальных текстах диалог меня удивляет. Продолжается разговор о Мозесе.

«— У меня был знакомый фальшивомонетчик, который вел себя примерно так же, когда у него спрашивали документы, — сказал я. [то бишь Глебски]»

И в ответ следует странная фраза:

«— Отпадает, — с удовольствием сказал хозяин. — Билеты [иначе говоря, деньги] у него настоящие.

Честно говоря, я ничего не понял. Глебски говорит про документы, Сневар отвечает про деньги, да еще таким тоном, будто он — налоговый инспектор и только что провел ревизию у господина Мозеса. Конечно, оба они несколько навеселе, но дальше их разговор все же вполне осмыслен...

11) Забавная ошибка в «А». Инспектор удивляется: «А что делает в этом тупике господин дю Барнстокр?»

И только из остальных текстов становится ясна причина такого удивления:

«А что делает в этом тупике знаменитый господин дю Барнстокр?»

13) «Д» не ведает покоя. Снова редакция горой встает за Мозеса. По словам Алека Сневара (в остальных вариантах):

«А господин Мозес /.../ постоянно навеселе, а между тем за все время не взял у меня ни бутылки».

В «Д» же Мозес — пример для молодежи: «А господин Мозес /.../ за все время не взял у меня ни бутылки.»

16) Снова мы сталкиваемся с упоминанием Бога. Хозяин в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) утверждает, что может поверить во все: «В волшебников, в господа бога, в дьявола, в привидения...»

А в «А» и «С» точнее:

«В волшебников, в Господа Бога, в дьявола, в привидения...»

Резкий контраст, не правда ли?

18 (сокр) И снова удачная замена. В «Д» и «Т» (в «Ю» и этой фразы тоже нет), по словам Сневара, сенбернар Лель «мог бы многое рассказать нам, если бы умел.»

А в «А» и «С» Сневар не столь прагматичен: «Он мог бы многое рассказать, если бы умел.»

21) Речь заходит о шалости дю Барнстокра в отношении Кайсы. И снова источники расходятся между собой. И, как всегда, наиболее скуч в описании «Д»: «дю Барнстокр /.../ ущипнул ее вчера». Остальные тексты более подробны. В «Т», «А» и «С» говорится грубо: «ущипнул ее вчера за зад». Все-таки дю Барнстокр, по-моему, слишком утончен для подобной шутки. В «Ю», мне кажется, сказано точнее всего:

«дю Барнстокр /.../ ущипнул ее вчера за подбородочек».

22) (сокр.) А здесь «Ю», наоборот грубее и снова, наверное, лучше. Речь заходит о Симонэ. В текстах Глебски говорит слишком расплывчально: «наш физик имеет в виду прежде всего госпожу Мозес». А в «Ю»:

«наш физик положил глаз на госпожу Мозес».

Прямо и четко, как у нормального человека навеселе.

23) Сейчас уже речь заходит о госпоже Мозес. И слова Алека Сневара от варианта к варианту становились все глаже.

«Ю»: «она не госпожа и не Мозес».

«Д» и «Т»: «никакая она не госпожа и не Мозес».

«А» и «С» (совсем гладко): «никакая она не госпожа и вовсе не Мозес».

Чтобы понять, какая из фраз точнее, нужно разобраться, был ли это экспромт хозяина отеля (и тогда вернее «Ю») или его «домашняя заготовка» (в таком случае лучше «А» и «С»). Так вот, с учетом тех особых отношений, которые связывают Алека Сневара с Мозесами, я не верю, что эта фраза была придумана заранее и ждала удачного случая для применения, и, значит, я снова за вариант «Ю».

27(сокр) В «Ю» начинаются большие лакуны и пропускаются, увы, эпизоды значимые. Вновь пропущен разговор о «великом физике Симонэ», и он опять остается для «Ю» инкогнито:

«— /.../ Я говорил о нашем великом физике.

— Ладно, — согласился я. — Поговорим о великом физике.

— Он гостит у меня не то третий, не то четвертый раз, — сказал хозяин, — и с каждым разом приезжает все более великим.

— Подождите, — сказал я. — Кого вы, собственно, имеете в виду?

— Господина Симонэ, разумеется. Неужели вы никогда раньше не слыхали этого имени?

— Никогда, — сказал я. — А что, он попадался на подлогах багажных квитанций?

Хозяин посмотрел на меня укоризненно.

— Героев национальной науки надо знать, — строго сказал он.

— Вы серьезно? — осведомился я.

— Абсолютно.

— Этот унылый шалун — герой национальной науки?

Хозяин покивал.

— Да, — сказал он. — Я понимаю вас... Конечно: прежде всего манеры, а потом уже все остальное... Впрочем, вы правы. Господин Симонэ служит для меня неиссякаемым источником размышлений о разительном несоответствии между поведением человека, когда он отдыхает, и его значением для человечества, когда он работает.

— Гм... — произнес я. Это было почище арапника».

29 (сокр) Также в «Ю» пропущен весь разговор с чадом. А разговорчик-то интересный. Цитирую отрывок по эталонному варианту:

«Ну конечно же, это была девушка. Очень милая девушка. И очень одинокая. Это ужасно — в таком возрасте быть одиноким. Я поднес ей пачку с сигаретами, я щелкнул зажигалкой, я искал, что сказать, и не нашел. Конечно, это была девушка. Она и курила как девушка — короткими нервными затяжками.

— Как-то мне страшно, — сказала она. — Кто-то трогал ручку моей двери.

— Ну-ну, — сказал я. — Наверное, это был ваш дядя.

— Нет, — возразила она. — Дядя спит. Уронил книжку на пол и лежит с открытым ртом. И мне почему-то вдруг показалось, что он умер...»

Таким образом, мы узнаем, что Брюн — девушка, и что она любит своего дядю. Загадка чада разгадана. О последствиях этого будет сказано гораздо ниже.

А пока вернемся к «лишним словам» в вариантах «А» и «С»:

«Дитя было какое-то очень уж одинокое...» и

«И мне почему-то вдруг показалось, что он умер...»

Зачем столько незначащих слов? Уж лучше, помоему, как в «Д» и «Т»:

«Дитя было какое-то очень одинокое...»

«И мне почему-то показалось, что он умер...»

34) А это для меня осталось грамматической загадкой в «Ю» таксист заявляет: «Двадцать крон и ни грошем меньше!»

Во всех остальных текстах слово «грош» склоняется по-другому и, как я прочитал в словаре, правильно:

«Двадцать крон и ни грошом меньше!»

Редакторы Стругацких снова заставили меня сделать полезную вещь, открыть словарь.

35) Таксист продолжает говорить, а авторы постепенно расцвечивают его речь. В «Ю» он просто объясняет: «Вы что, не видели, какая дорога?» Во всех же остальных вариантах (даже, к моему удивлению, в пуританском «Д») он более экспрессивен:

«Черт бы вас подрал, вы что, не видели, какая дорога?»

36, 38(сокр.) Мое маленькое замечание по еще одной фразе шофера: «Из-за пятерки удавиться готов!...»

На самом деле Хинкус «готов удавиться» не из-за пятерки, а из-за двух с половиной крон, ибо эту пятерку они, очевидно, выплатят с Олафом вме-

сте. Кстати, в самом (по факту) этом споре я полностью на стороне Хинкуса (а по поведению они с таксистом друг друга стоят).

41) И снова лишние слова в «А» и «С»: «В холле я задержался — входная дверь распахнулась, и на пороге...». И так, кажется, понятно, какая дверь открылась. Поэтому лучше как «Ю», «Д» и «Т»:

«В холле я задержался — дверь распахнулась, и на пороге...»

42) А дальше уже гораздо лучше в «А» и «С». Если в остальных текстах читаем: «...оказался светловолосым викингом. Румяное лицо его было мокрое, на ресницах белым пухом лежали снежинки». А в эталонных вариантах точнее и стилистически, и фактически:

«... оказался светловолосым румяным викингом. Лицо у него было мокрое, на бровях белым пухом лежали снежинки».

46) Напоследок встрепенулось «Д»: «продолжая кричать про разбитые в кровь физии и про полицию...» В остальных текстах вместо «физий», конечно же, «морды».

47) Маленькая неточность в «А» и «С». Олаф говорит про Хинкуса: «Мы взяли одно такси. Другого не оказалось». Крайне сомневаюсь, чтобы Олаф не хотел ехать вместе с попутчиком и специально искал ради этого другое такси. Поэтому лучше нейтральная фраза вариантов «Ю», «Д» и «Т»:

«Мы взяли одно такси. Другого не было».

48) И, наконец, снова блестящий пример правильной расстановки слов в «А» и «С». Они не сразу выдают все факты на гора, как остальные тексты: «Только чуть колыхалась портьера...», а блистательно держат паузу:

«Только портьера, закрывающая вход в коридор, который вел в каминную и к номерам Мозеса, слегка колыхалась».

В конце концов, это детектив или что?

Начинается четвертая глава. Причем она с того же, чем закончилась глава третья.

2) Глебски растирается снегом, чтобы, согласно «Д», «встряхнуться ото сна». И только из остальных вариантов мы узнаем истину:

«чтобы нейтрализовать остаточное действие трех стаканов портвейна».

«Д» не откажешь в пунктуальности. Нет пьянки — нет похмелья.

3) А здесь снова занудство Глебски переходит (с моей читательской точки зрения) в занудство авторов. В «Ю» все просто:

«Солнце едва высунулось из-за хребта...»

Остальные же тексты иронически добавляют «на востоке». Право, не воспринимается это как черта характера Глебски (тем более что на тех же страницах инспектор раскрывается в полный рост.)

4) А здесь, наоборот, в «Ю» слишком длинно: «кто даже ночью не желал терять возможность вдыхать целебный горный воздух».

В вариантах от «Д» до «С» точнее и короче: «кто даже ночью пожелал...»

5) И снова маленькая, но точная добавка. В текстах «Ю», «Д» и «Т» инспектор просто «сбежал в буфетную». А в «А» и «С» он:

«сбежал в буфетную, прыгая через ступеньку».

6) Начало одновременно двух тенденций. В «Ю» и «Т» в этой самой буфетной Кайса поднесла Глебски

«кружку какао и сандвич».

Так вот, в «Д» слово «сандвич» упорно именуют на иностранный манер «сэндвич» (практически по всему тексту). А в «А» и «С» кружки интеллигентно заменены чашками (и также далее по всему тексту). Смысл замен остался мне непонятен.

7) В «А» и «С» маленькое уточнение добавило фразе в динамике. В остальных текстах было: «Только бы никого не встретить, думал я». Не бог весть какое размыщление, чтобы его еще запоминать... А в «А» и «С» и понятнее и быстрее:

«Только бы никого не встретить, подумал я».

9) Глебски вспоминает Хинкуса (согласно «Ю», «Д» и «Т»): «закутанный до бровей в шубу человечишко...» Последнее слово, на мой взгляд, слишком сурово. (Особенно в контексте вышедшего в 60-е годы массовым тиражом «Репортажа с петлей на шее» Юлиуса Фучика, который, кажется, делил надзирателей на «людей» и «человечишек».) Поэтому в «А» и «С», на мой взгляд, правильно уточнено:

«закутанный до бровей в шубу человечишко...»

Далее в «Ю» следует лакуна на полторы страницы, а нам предстоит морока с цифрой «10».

10 а) В «Д» и «Т» говорится: «Все население вывалило погреться на солнышке». В «А» и «С» все же несколько помягче:

«Все население вывалилось погреться на солнышке».

10 б-в) А здесь в «Д» и «Т» фраза несколько лучше:

«блестательная госпожа Мозес /.../, господин Мозес /.../ и хозяин, что-то им втолковывающий».

В «А» и «С» госпожа Мозес перестала быть «блестательной», зато хозяин втолковывал уже что-то «им обоим». На мой взгляд, слово «блестательный» гораздо лучше стандартного «обоим».

Впрочем, далее «эталонные тексты» почти безупречны.

10 г-д) А вот и до занудства инспектора дело дошло.

В «Д» и «Т» простовато: «Великий физик должен был быть где-то здесь /.../ И он здесь был...»

В «А», «С» интереснее:

«Великий физик должен был где-то здесь наличествовать... И он здесь наличествовал...»

10е) Снова в «А» и «С» исправление по делу. Согласно «Д» и «Т», после неудачной гонки за мотоциклом инспектор «через три минуты /.../ снова оказался перед крыльцом». Какая точность! В эталонных же вариантах:

«минуты через три я снова оказался перед крыльцом».

10 ж-з) В «Д» и «Т» снова просто и общо: «госпожа Мозес спросила, не надо ли меня растереть, господин Мозес ворчливо посоветовал растереть этого горе-спортсмена в порошок...» В «А» и «С» опять интереснее:

«госпожа Мозес испуганно спросила, не следует ли меня растереть, господин Мозес ворчливо посоветовал растереть этого горе-лыжника в порошок...»

10 и-к) Но вот трос подхватывает Олаф Андварафорс и, по «Д» и «Т» «тогда меня бросили, /.../ изменчивая толпа восторженно приветствовала нового кумира». А в «А» и «С» не без некоторого самоедства:

«меня тут же бросили, /.../ изменчивая толпа уже восторженно приветствовала нового кумира».

10 л) Но вмешивается Лель, и инспектор отомщен. Согласно «Д» и «Т» : «я человек не злорадный, я только люблю во всем справедливость». «А» и «С» снова точно ловят характер Глебски:

«я человек не злорадный, я только люблю справедливость. Во всем».

Заметим кстати, что в «Ю» вообще ничего не говорится об особом отношении Леля к роботам.

Теперь маленькая передышка, и за дело:

13) Редактура «Д» бдит. Опущена простая фраза: «Мы закурили».

Кстати, и дальше в этой главе «Д» не раз помешает закурить инспектору Глебски.

14) Очередной незаконченный неприличный анекдот Симонэ с каждой версией все сокращается:

«Ю»: «С первой дочкой он разделался быстро, а об остальных мы, к счастью, так ничего и не узнали, потому что в холле объявилась госпожа Мозес...»

«Д»: «Но тут, к счастью, в холле объявилась госпожа Мозес...»

«Т»: «Но тут, к счастью, в холле появилась госпожа Мозес...»

«А» и «С»: «Но тут, к счастью, появилась госпожа Мозес...»

По-моему, неплохая иллюстрация на тему «Краткость — сестра таланта».

16(сокр) В «Ю», «Д» и «Т» несколько простовато: «Господин дю Барнстокр галантно ответил...» «А» и «С» удачно добавили:

«Господин дю Барнстокр галантно и пространно ответил...»

Хороший пример «точечной селекции».

17) «Д» всегда на посту. Во всех вариантах:

«Симонэ, облизнувшись, впился в госпожу Мозес томным взором...»

«Д» недрогнувшей рукой вычеркивает «облизнувшись».

19) Еще одно маленькое исправление грамматики в «Ю»: «в особняке на Рю де Шанель...» В остальных текстах:

«в особняке на Рю де Шанель...»

Эдак начитаешься Стругацких, и будешь все знать.

20) А здесь поправка не по делу. В «Ю», «Д» и «Т» госпожа Мозес рассказывает, что у них есть две ванны:

«одна золотая, другая платиновая...»

«А» и «С» добавляет «кажется». По-моему, госпожа Мозес слишком глупа для «интеллигентного стеба» и слишком умна, чтобы не знать обстановку в собственном особняке.

22) Теперь лишнее слово в варианте «Ю»: «Симонэ, гоготнув, тут вызвался сопровождать» госпожу Мозес.

В остальных вариантах нет слова «гоготнув», ибо, как мне кажется, Симонэ сдерживал свои грубые шутки в присутствии «дамы сердца».

24) В «Ю» опущен рассказ дю Барнстокра о неприличном поведении Леля с госпожой Мозес. А в «эталонных вариантах» в этом рассказе есть, по-моему, два лишних слова. В «Д» и «Т» все просто и ясно:

«позавчера сенбернар точно так же обошелся в гараже с госпожой Мозес. Я снова всплеснул руками и зацокал языком, на этот раз вполне искренне...»

А «А» и «С» зачем-то добавили в эту фразу слова «самой» и «уже».

25) В очередь встает Хинкус. Причем в текстах от «Д» до «С» об этом говорится так: «к нам присоединился Хинкус...»

А в «Ю» излагается более пространно (и более типично для Глебски):

«к нам присоединился господин Хинкус, ходатай...»

26) Хинкус ругается, что в этом отеле, согласно «А» и «С», «деньги вот дерут как с двоих...». Как мне кажется, это слишком правильно сказано для малограмотного бандита. В «Ю», «Д» и «Т» Хинкус выражается «попростонароднее»:

«деньги вот дерут за двоих...»

27—28) Дю Барнстокр показывает Хинкусу небольшой фокус. Но если вначале лучше варианты «А» и «С»:

«Господин дю Барнстокр ловко успокоил его...»

(в остальных текстах нет слова «ловко»), то далее, пожалуй, лучше вариант «Ю»:

«извлек у него из полотенца два леденцовых петушка на палочке».

(начиная с «Д» дю Барнстокр извлекает «двух петушков», а в «А» и «С» фокусник извлекает петушков «из его полотенца», и «его» встречается дважды за четыре слова).

30) Опять лишние слова. В «Ю», «Д» и «Т» Хинкус взял этих петушков и:

«сунул их в рот...»

А в «эталонных вариантах» Хинкус «засунул их себе в рот...»

31) Теперь о господине дю Барнстокре. Вначале лучше текст «Ю». Если в остальных говорится «Тогда господин дю Барнстокр...», а в нем:

«Господин же дю Барнстокр...»

А затем неплохая находка в «А» и «С», где фокусник был не просто «очень довольный...» (как в «Ю», «Д» и «Т»), а

«чрезвычайно довольный...»

33) Появляется Олаф и от варианта к варианту о нем говорится все подробнее.

«Ю»: «белокурый викинг Олаф».

«Д» и «Т»: «опозоренный собакой кумир дня Олаф».

«А» и «С»: «опозоренный невоспитанной собакой кумир дня Олаф».

Последний вариант, как мне кажется, лучше.

34) По «А» и «С» Олаф встает в очередь «не говоря лишнего слова». Впрочем, так как ненужные слова он тоже не говорит, то точнее все-таки говорится в «Ю», «Д» и «Т»:

«не говоря ни слова...»

37) Опять ненужное занудство героя. В «Ю» Глебски задает простой вопрос:

— Кто-нибудь приехал нынче утром?

По-моему, нормальный разговорный язык, который затем все больше формализируется.

«Д» и «Т»: «Кто-нибудь приехал сегодня утром?»

«А» и «С»: «Кто-нибудь еще приехал сегодня утром?»

Несчастному инспектору уже поговорить нормально не дают.

38 (сокр) Наконец, Глебски не выдерживает и врывается в душевую. Снова в «Ю» все просто:

«В душевой никого не было».

А в остальных вариантах «все страньше и страньше». В итоге в эталонных «А» и «С» эта фраза звучит: «И конечно же, дверь открылась. И конечно же, в душевой никого не оказалось».

40) Пуритане не дремлют. Во всех вариантах написано:

«Перегнулось через перила чадо с окурком, прилипшим к нижней губе».

Легким движением пера «Д» превращает этот «окурок» в «сигарету».

41) Дю Барнстокр возмущен шуткой с душем и изрекает свое знаменитое «Кэ дьябль!» Но далее он почему-то продолжает возмущаться лишь в «Ю»:

«Мы стоим здесь и ждем никак не менее четверти часа!»

В остальных текстах тон фокусника делается вдруг заискивающим: «Мы стоим здесь и ждем никак не менее четверти часа, не правда ли, инспектор?»

Даже если авторы таким образом намекают, что (как выяснится позже) автором ютты был сам дю Барнстокр, старый иллюзионист достаточно опытен, чтобы отыграть гнев.

43) А вот действия хозяина лучше всего отражены в эталонных вариантах. Если в «Ю», «Д» и «Т»: «Он заглянул в душевую...», то «А» и «С» гораздо экспрессивнее:

«Он нырнул в душевую...»

45 (сокр) Теперь лишние слова в речи Олафа (опять-таки, если это намек, что Олаф — робот, то он совершенно не воспринимается):

«Я хотел спросить, чья очередь?»

Такой вопрос Олаф задает по «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет). «А» и «С» добавляют еще «собственно», что тем более неуместно, так как это слово уже прозвучало в предыдущей реплике Олафа: «А, собственно, чья...»

46 (сокр) А теперь Глебски в самый неподходящий момент интеллигентничает. Инспектор подозревает, что ютту с душем устроил Симонэ, и в отместку занимает без очереди этот самый душ, говоря про себя по «Ю», «Д» и «Т»:

«Он же и устроил, подумал я со злостью».

В «А» и «С» Глебски добавляет «наверное». И как это слово сочетается со злостью?

Добавим еще в тексте «Ю» в размышлениях Глебски о Симонэ отсутствуют эпитеты «великий физик» и «герой национальной науки».

49) Снова полуфантастическая картинка, которая чудится Глебски. По «Ю» инспектору кажется, что Симонэ

«прыгает /.../ с трубы на трубу и регочет».

В «Д», «Т» Симонэ уже «гогочет», а в «А» и «С» гогочет на всю долину. А мне почему-то жалко, что редкое словечко пропало.

Дальше снова речь пойдет о «лишних словах». Но сначала отрадный пример.

52) В «Ю» инспектор думает: «неплохо было бы выпить чашечку кофе...» В остальных текстах интереснее:

«неплохо бы выпить чашечку кофе...»

54) А теперь только в «А» удачная фраза:

«Было уже около трех».

Зачем в остальных вариантах добавлено «что-то»?

55) Глебски встречает Хинкуса и замечает, что (по «Ю», «Д» и «Т»):

«лицо у него было белое до зелени...»

«А» и «С» зачем-то добавляют «при этом».

Дальше на целую страницу нет интересных вариантов.

63) Опять моя вкусовщина. В «Д», «Т» и «С» (в «А» этого эпизода нет) Хинкус «опрокинул третью рюмку», а мне больше по душе фраза из «Ю»: «Он хлопнул третью рюмку...»

67) А дальше примеры удачной правки. В «Ю», «Д» и «Т» Хинкус смотрит инспектору «прямо в лицо маленькими больными глазами». А в «А» и «С» уточнение:

«маленькими больными глазками».

Если «маленькими», то лучше, конечно, именно «глазками».

69) «Ю», «Д» и «Т» слишком разжевывают: «Хинкус тупо разглядывал свою рюмку с бренди». В «А» и «С» короче и яснее:

«Хинкус тупо разглядывал свое бренди».

71) «Д» совсем чудит. Во всех вариантах простая фраза:

«Он криво ухмыльнулся и ничего не ответил».

И только у пуритан Хинкус «криво усмехнулся». (Это, кстати, как?)

77) Глебски уговаривает себя поиграть на бильярде в одиночку. В «Ю», «Д» и «Т» инспектору кажется, что так: «Даже еще лучше». А в «А» и «С» точнее:

«Даже еще приятнее».

81(сокр) А теперь Глебски уговаривает госпожу Мозес не называть себя инспектором. По «Ю», «Д» и «Т» он говорит: «Мне до такой степени надоело слышать это на работе...» В «А» и «С» уточняется:

«Мне до такой степени надоело слышать это на службе...»

85) Здесь же опять лишнее слово. В ответ госпожа Мозес недоумевает по «Ю», «Д» и «Т»:

«Простите, но как же вас называть?»

Все понятно, и, по-моему, не нужно добавлять, как в «А» и «С», никакого «теперь».

88) Забавный ляп. «Д» и «Т» в фамилии великого физика потеряли последнюю букву и превратили ее в имя: «В ответ Симон заклекотал...» Это первое и последнее обращение инспектора с Симонэ запанибрат. Правильно, конечно, как в «Ю», «А» и «С»:

«В ответ Симонэ заклекотал...»

Дальше сцена игры на бильярде в «Ю» изрядно сокращена.

96) В «Д» и «Т» (в «Ю» нет этого эпизода) Симонэ предупреждает: «вы имеете дело с чемпионом...» Два Чемпиона — это уж слишком. Поэтому в «А» и «С» исправлено:

«вы имеете дело с гроссмейстером...»

101) А вот эта фраза впервые появилась только в «С». Речь идет об Олафе:

«Если бы вы видели, как он прижал Кайсу — прямо на кухне, среди кипящих кастрюль и скворчащих омлетов...»

104) На вопрос инспектора, какой удар он собирается наносить, Симонэ в текстах «А» и «С» отвечает: «От двух бортов в середину». И передо мной встает призрак Антона Павловича Чехова и его героя Гаева. Поэтому, кажется, лучше как в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет):

«От трех бортов в угол».

108, 110) Наконец-то «Д» обратило свое всевидящее око на Хинкуса. И решило, что много пить вредно:

«— Что там такое?

— Хинкус, — сказал я. /.../

Хинкус опустил бутылку, а затем принял прежнюю позу».

В остальных же вариантах все несколько яснее:

«— Хинкус надирается, — сказал я. /.../

Хинкус основательно присосался...»

113) Снова маленькая лакировка под старину. В «Ю» просто и неинтересно: «Вы читали мемуа-

ры Кориолиса о бильярдной игре?» В остальных же текстах чуть-чуть иначе:

«Вы читали мемуар Кориолиса о бильярдной игре?»

120) И снова проблемы с богом. Глебски спрашивает чадо, надеясь установить его пол (не понимаю, правда, зачем, в прошлой главе инспектор уже узнал все, что нужно) и в конце говорит ему (чаду) по «А» и «С»: «Да нет, Бог с вами». У инспектора, кажется, мания величия, он возомнил себя священником? Здесь слово «бог» лучше писать, как в остальных вариантах, с маленькой буквы:

«Да нет, бог с вами».

125) Забавное противостояние. В текстах от «Д» до «С» сцена входа Глебски в номер-музей описана неплохо и даже экспрессивно.

«Не теряя ни секунды, я рванул дверь, влетел в номер и едва не сшиб с ног самого господина Мозеса».

А простенькая фразочка в «Ю» имеет только одно преимущество: она короткая и, значит, за-ведомо лучше передает быстро меняющуюся ситуацию, ибо читается гораздо быстрее:

«Я заглянул в номер и обнаружил там господина Мозеса».

130 (сокр) Опять лишние слова. Выслушав жалобу Мозеса о пропаже часов, Глебски, по «Ю», «Д» и «Т» понимает:

«Шутки кончились. Золотые часы — это не вольчочные туфли и не занятый душ».

А в «А» и «С» последняя фраза несколько удлинилась:

«Золотые часы — это вам не войлочные туфли и не занятый привидением душ». (Про привидение можно, по-моему, не объяснять, ведь история с занятым душем произошла в той же четвертой главе.)

132) Здесь же дополнительное слово нужно. На вопрос, где он хранит часы, Мозес, по «Ю», отвечает: «Они лежали на столе». В остальных же вариантах добавлено два слова:

«Они лежали у меня на столе».

Точно подмечено, если вспомнить характер Мозеса.

135) Еще одно удачное слово. В «Ю», «Д» и «Т» Мозес в ответ на просьбу написать формальное заявление идет на компромисс: «утром я напишу это заявление».

А в «А» и «С» точнее:

«Утром я напишу вам это заявление».

139, 143) Похоже, что «Д» всерьез взялось за борьбу с курением, причем она начинает приносить плоды. Полностью фраза есть только в «Ю» и «Т».

«Потом я закурил сигарету и оглядел номер».

В «Д» она выглядит так:

«Потом я внимательно оглядел номер».

Обратите внимание, слова о курении не просто опускается, но под них подводится теоретическая база, не нужно курить, чтобы не отвлекаться. «А» и «С», частично осознав свою вину, убирают из сакральной фразы слово «сигарету».

Далее чуть ниже во всех вариантах:

«Я /.../ изо всех сил затянулся и подошел к окну».

И только в «Д»:

«Я /.../ чертыхнулся и подошел к окну».

Правильно, лучше ругайся, только ни в коем случае не кури.

140) Здесь же «Ю» слишком четко высказывается. «Один из тех дурацких лозунгов, которые французские студенты писали на стенах Сорбонны». В остальных вариантах более расплывчато (ведь Глебски явно не специалист по студенческим волнениям):

«/.../ которые французы писали на своей Сорбонне».

142 (сокр) А теперь менее точен и, значит, более «разговорен» вариант «Ю». В остальных текстах инспектор размышляет, что дабы загадить его стол нужно быть «полным кретином или дикарем».

А в «Ю» фраза шершавее, там нужно быть «кретином или полным дикарем».

144) И, наконец, триумф пуританства. В «Ю» было написано:

«На крыше, запрокинув голову и присосавшись к бутылке, по-прежнему торчал /.../ Хинкус.»

«Д» упрощает эту фразу до «На крыше по-прежнему торчал...» А остальные варианты лакуны не заметили и оставили текст по «Д». Господа людины! Верните фразе истинный смысл! Не дайте пуританам торжествовать победу!

Глава пятая.

Начнем с похвалы.

2) В «Ю» фраза донельзя проста: «Дю Барнстокр и Олаф сидели в номере Олафа». В остальных же вариантах она более информативна: «Дю Барнстокр продолжал чистить [то есть обыгрывать в карты] Олафа в номере Олафа».

3) Также по делу небольшое изменение во фразе о Хинкусе, который (согласно «Ю», «Д» и «Т») «намерен, наверное, дышать чистым воздухом по крайней мере до обеда». Так как Глебски, обыскивая номер Хинкуса, рискует собственной репутацией, то слово «наверное» здесь действительно слишком слабое и лучше, как в «А» и «С»:

«намерен, судя по всему, дышать свежим воздухом...»

4а) Далее идет юридический ликбез. Если в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) Глебски объясняет, что не имеет права производить в чужом номере «обыск без ордера», то в «А» и «С» инспектор более велеречив:

«Конечно, я не имел ни малейшего права /.../ производить там обыск или даже просто осмотр без ордера».

4б) А вот когда Глебски объясняет мотивы своего беззаконного поступка, это объяснение оказывается слишком смутно. Уже в «Д» и «Т» она излишне выспренно и двусмысленно:

«иначе я не смогу спокойно спать и вообще жить».

Возникает ощущение, что Глебски едва не покончил с собой. Однако добавка в «А» и «С» делает фразу гротескной и почти юмористической:

«иначе я не смогу спокойно спать и вообще жить в ближайшее время».

То бишь инспектор умрет, но воскреснет. А если серьезно, то, выходит, в отдаленное время он вполне сможет и спокойно спать, и спокойно жить. Тогда, быть может, проще сделать так, чтобы это отдаленное время настало как можно быстрее?

Кстати, а что, собственно, ищет инспектор в номере Хинкуса? Надпись «я есть гангстер и маньяк»? В лучшем случае, он нашел бы пистолет. И что это доказывало бы? (Быть может, Хинкус патологический трус, и потому купил самый дорогой пистолет и повсюду таскает его с собой.) По-моему, Глебски, если уж его так мучает совесть, стоило позвонить (телефон пока работает) в полицию (а там его знают и наверняка к его звонку отнесутся с пониманием), описать Хинкуса и спросить, нет ли в розыске кого-нибудь похожего, а так же снять отпечатки пальцев «подозреваемого» и при первой возможности отослать в полицию.

8) По «Ю» содержимое первого баула Хинкуса Глебски «сразу насторожило». Однако инспектор и так насторожен. Поэтому лучше, как в остальных текстах:

«Содержимое первого, более тяжелого баула насторожило меня еще сильнее».

11) Следует описание содержимого одного из баулов. Например, в нем лежит пачка денег и, как

замечает Глебски по «А» и «С»: «солидная пачка, побольше моей...» Не слишком ли легкомысленное для напряженной обстановки замечание? Мне кажется, здесь лучше простая констатация факта, как в вариантах от «Ю» до «Т»:
«солидная пачка, больше моей...»

13) Наконец, одна из основных находок — часы. В «Ю» это просто «массивные золотые часы», а в остальных текстах описание интереснее:

«массивные золотые часы со сложным циферблатом...»

16 (сокр) Также при обыске найден пистолет. В «Ю» его описание достаточно скучно:

«Никилированная безделушка с перламутровой рукояткой, строго говоря, вообще не оружие».

В вариантах же от «Д» до «С» описание это гораздо более красочно:

«Безделушка с перламутровой рукояткой, никелированный ствол, калибр 0,25, оружие для рукопашного боя и, строго говоря, вообще не оружие».

Авторы явно разбираются в оружии.

17) В вариантах «Ю», «Д» и «Т» маленькая тавтология:

«гангстеры не воруют часов, даже таких тяжелых и массивных»...

В «А» и «С» удачно исправлено:

«даже таких старинных и массивных...»

19) Снова напряженный момент, и снова лишние слова замедляют действие и выглядят почти

грохескно. По «Ю», «Д» и «Т» Глебски размышляет над находками:

«Давай-ка быстренько сформулируем».

А в эталонных вариантах в противовес «быстренько» зачем-то еще и уточняется «сформулируем самую суть».

20) Глебски делает вывод, что, скорее всего, Хинкус не гангстер и что, по «Ю», «Д» и «Т»: «кому-то хочется выдать его за гангстера». В «А» маленькая, но точная поправка:

«кому-то хочется выдать его за такового».

А вот в «С», по-моему, зря добавлено слово «очень».

22 (сокр) А далее перед инспектором встает вопрос: куда девать найденные «вещдоки». И на этот вопрос у Глебски в принципе нет ответа. В итоге в «Ю» он мягко констатирует: «Я торопливо разрядил обойму...» В остальных же вариантах от «Д» до «С» сказано четко:

«Так ничего и не придумав, я торопливо разрядил обойму...»

По-моему, точная оценка всей авантюры инспектора.

26 (сокр) Эпизода, где дю Барнсток рассказывает о своей карточной победе, в «Ю» нет. В остальных же текстах два забавных разночтения. Во-первых, «Д» снова на высоте. Согласно этому тексту, Олаф добродушно бурчит: «Пройдусь перед обедом...» В «Т», «А» и «С» желание Олафа ужасно низменно:

«Выпить перед обедом...»

А чуть выше: собственно рассказ дю Барнстокра. В «Д» и «Т» он говорил просто: «это тот самый туз червей, которым я окончательно сразил беднягу Олафа».

«А» и «С» удачно добавляют еще одно слово: «...нашего беднягу Олафа».

Этакий тоненький намек, на толстое происшествие, кое случилось с Олафом в прошлой главе.

29 (сокр) А этот раздел можно назвать «слишком много точек». Редакторы, к моему удивлению, далеко не сразу разобрались, где именно надо ставить точку в конце анонимной записки, которую получил дю Барнстокр. Итак:

«Ю» «Стрелять буду без предупреждения. Ф.».

«Д» «Стрелять буду без предупреждения. Ф.».

«Т» «Стрелять буду без предупреждения. «Ф».

И только «А» и «С» справились, наконец, со столы «трудной» задачей:

«Стрелять буду без предупреждения. Ф.»

30) Новый грамматический ликбез. Теперь его дает «Д»: «сказал дю Барнстокр, охарашиваясь перед зеркалом».

В остальных текстах написано правильно:

«охарашиваясь перед зеркалом».

32) И почти тотчас то же «Д» по-пуритански скрывает от нас, зачем «Олаф отправился в буфет». Приходится заглянуть в «Ю», «Т», «А» или «С» и узнать, что:

«Олаф отправился в буфет за спиртным...»

35) Глебски вновь проявляет характер. Если в «Ю» они со старым фокусником просто идут

«в столовую, захватив по дороге чадо», то в остальных текстах добавлено:

«и так и не сумев уговорить его помыть руки». Зануда!

37) И почти тут же новый пример. Согласно «Ю», «Д» и «Т» «Симонэ зловещим шепотом рассказывал Олафу...» А в «А» и «С» интереснее:

«Симонэ зловещим шепотом читал Олафу лекцию....»

Честно говоря, не представляю, как можно читать лекцию «зловещим шепотом», впрочем, у Глебски весьма богатое воображение.

39) А теперь в который раз речь пойдет о лишних словах. В «Ю», «Д» и «Т» хозяин говорит Кайсе о Хинкусе:

«Так пойди и скажи, что все собрались».

В эталонных же вариантах добавлено «ему» и «уже». По-моему, зря.

40) Здесь же «А» и «С» меняют слово на менее «стертое». У них хозяин не «ответил» на вопрос господина Мозеса, как в «Ю», «Д» и «Т», а «откликнулся».

42, 44) Снова, как и во второй главе, «Ю» игнорирует пикули. В «Ю» чадо просто сначала «указало вилкой на Олафа», а потом: «Вилка протянулась» в сторону инспектора. В остальных текстах говорится:

«вилкой с нанизанным пикулем» и «вилка с пикулем».

Так как это слово мы уже знаем, то грех им лишний раз не воспользоваться.

43 (сокр) Еще один урок «школы джентльменов». Если в «Ю» Олаф говорит чаду просто: «Олаф Андварафорс, детка», то в других текстах он вежлив как никогда:

«Олаф Андварафорс, к вашим услугам, детка».

45, 47 (сокр) Речь хозяина отполирована до блеска. Во-первых, споры гостей не просто, как в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет): «Все это пустяки». В эталонных «А» и «С»:

«Все это сущие пустяки».

Фраза гладковатая, но это уже явно не экспромт, а проверенная заготовка хозяина отеля.

Во-вторых, если, по «Ю», «Д» и «Т», хозяину «весьма желательно, чтобы все были в сборе». Такая Алек Сневар большая шишка! «А» и «С» несколько смягчают его командный тон:

«весьма желательно, чтобы все мы были в сборе».

Правда, и здесь не обходится без «ложки дегтя». В «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы также нет) читаем: «и Кайса сейчас приведет его».

А вот «А» и «С» добавляют: «сюда». О благословенное небо, куда еще же?

46) Маленький диспут по поводу экспрессии слов Мозеса.

В «Ю» он весьма возбужден:

«— Какого дьявола, Сневар?! — сказал Мозес».

В «Д» и «Т» почти меланхоличен:

«— Какого дьявола, Сневар, — сказал Мозес».

«А» и «С» ищут разумный компромисс:

«— Какого дьявола, Сневар! — сказал Мозес».

С учетом мозесовского темперамента мне кажется удачнее вариант «Ю».

48) В «Д» и «Т» (в «Ю» первой реплики нет) Кайса два раза подряд произносит: «Да не идут они...» «А» и «С» во втором случае исправляются:

«Да не хотят [идти] они...»

49 (сокр) Шутка Симонэ в «Ю», «Д» и «Т» была просто констатацией факта:

«Пусть-ка полиция займется своим делом».

В «А» и «С» она несколько обиднее:

«Пусть-ка полиция займется наконец своим делом».

В придачу Симонэ явно лебезит перед Мозесом, почти цитируя его. («Займитесь-ка на досуге. Все равно вы здесь бездельничаете».) Если Симонэ — положительный герой, то этот эпизод, особенно в текстах «А» и «С», его явно не красит.

50) И здесь «А» и «С» не на высоте:

«Фанерная дверь, ведущая наружу, была приоткрыта».

Слово наружу слишком расплывчато, да и означает оно скорее «во двор». В «Ю», «Д» и «Т» все и понятно, и конкретно:

«Фанерная дверь, ведущая на крышу, была приоткрыта».

52) В «Ю», «Д» и «Т» снова все «просто и пристодушно»: лицо Хинкуса «было закрыто воротником шубы и козырьком меховой шапки».

В «А» и «С» слово «закрыто» меняют на «скрыто», что вообще-то к лучшему, но еще лучше, помоему, было бы:

«скрыто за воротником шубы...»

56 (сокр) «Д», не находя повода для беспокойства, начинает чудить: «Я приблизился и сунул руки в карманы».

Что-то же здесь пуритане скрывают от нас. Как ни странно, ничего. В остальных текстах читаем:

«Я выдохнул клуб пара, приблизился и сунул руки в карманы».

Бедняги!

59) И здесь Глебски не к месту нудит. Ведь в «Ю» все коротко и ясно:

«Хозяин хочет сделать нам какой-то сюрприз».

И зачем в остальных вариантах так утяжелять фразу: «Хозяин хочет сделать нам какой-то сюрприз, и ему нужно, чтобы мы все собрались»?

62) Забавный ляп в «Д» и «Т». Согласно этим вариантам Хинкус говорит: «Пообедаю и спать сюда вернусь».

Представляю, как бы обеспокоился Глебски! Нет, на самом деле Хинкус, согласно «Ю», «А» и «С», просто сообщает:

«Пообедаю и опять сюда вернусь».

63 (сокр) В «Ю» этой фразы нет, а во всех остальных текстах она звучит весьма странно:

«— Послушайте, зачем вы так глушите водку? Ведь вам это, должно быть, вредно...

— Э-э! — произнес он [Хинкус] с тихим отчаянием. — Разве мне можно без водки? /.../ Без водки мне нельзя, — сказал он решительно. — Страшно. Я без водки с ума сойти могу».

Откуда, собственно, взялась эта водка, если до сих пор неоднократно говорилось, что Хинкус пил бренди, то есть коньяк. Да и что делает этот исконно русский напиток в Европе? Первая, но не последняя странность в этой повести в эпизодах с выпивкой.

Еще добавлю, что в «Д», а за ним и в «Т» одна из фраз Хинкуса приобретает почти вселенское звучание.

«Разве можно без водки?»

У кого что болит, тот про то и говорит.

Дальше до конца главы все далеко не так интересно. Постараюсь побыстрее.

64) Удачная замена слова в «А» и «С». Если в остальных вариантах было: «громогласно спросил Симонэ», то у них интереснее:

«громогласно спросил Симонэ».

67) А теперь, наоборот, в «Ю», «Д» и «Т» проявление эмоций несколько не к месту: «Я налил себе хорошую порцию супу, и тут появился Хинкус». В эталонных «А» и «С» проще и лучше:

«Я наливал себе суп, когда в столовой появился Хинкус».

71, 73) Морока с предлогами. Согласно «А», «дитя стучало вилкой об стол», а чуть ниже в варианте «Д» Хинкус зашептал Глебски «на ухо». Остальные же тексты с этим не согласны:

«дитя стучало вилкой о стол», «Хинкус /.../ зашептал в ухо».

Редкий случай, когда я согласен с большинством.

74) Фраза Хинкуса в «Ю», «Д» и «Т» звучит стандартно: «инспектор, вы, говорят, полицейский...» В «А» и «С» она и лучше звучит, и хорошо характеризует туповатого Хинкуса: «инспектор, вы, я слышал, полицейский...»

78) А здесь «А» и «С» дают шанс проявить себя Глебски. Он отвечает Хинкусу не просто, как в «Ю», «Д» и «Т»: «Тут все шутят», а чуть подробнее:

«Тут, знаете ли, все шутят».

И через фразу пятая глава заканчивается.

Шестая глава начинается с большой лакуны в «Ю», в которой «Д» и «Т», с одной стороны, и «А» и «С» — с другой, принципиально не могут договориться между собой. Причем чаще всего не правы именно «А» и «С».

1 (сокр) Глебски переживает за Хинкуса, боится, что его несправедливо обвинят в краже. «У меня даже возникла идея /.../ извлечь все-таки из багула эти проклятые часы». (»А» и »С«) Зачем же так сухо? В «Д» и «Т» больше похоже на человеческую речь:

«У меня мелькнула мысль, что хорошо бы сейчас /.../»

Далее из-за этих часов, как полагает инспектор, «у него [Хинкуса] могут случиться серьезные неприятности». (»А» и »С«) Как мне кажется, случиться может скорее «с ним», чем «у него», поэтому лучше, как «Д» и «Т»:

«у него могут быть серьезные неприятности».

А дальше снова «А» и «С» искусственно удлиняют фразу. В «Д» и «Т» же все ясно:

«Хватит с меня этих неприятностей, этих шуток и моей собственной глупости».

Зачем добавлять второе «хватит с меня»?

1 (продолжение) А теперь речь пойдет о пуританской редакции «Д», благо в главе шестой ей есть где развернуться.

Размышления Глебски по «Д»:

«Не выпить ли мне немного бренди? В кои-веки, а? Я пошарил глазами по столу и пододвинул к себе большую рюмку».

В «Т», «А» и «С» инспектор куда менее щепетилен:

«Напьюсь, решил я, и мне сразу стало легче. Я пошарил глазами по столу и переменил рюмку на стакан».

Итак, Глебски поступил, наконец, по моему совету, дабы время отдаленное настало быстрее. Это понятно (во всех вариантах). Что же касается различий. Излишняя вежливость в разговоре с самим собой, пожалуй, ни к чему (здесь «Д» не прав). А вот разницы между «большой рюмкой» и «стаканом» я не вижу. Причем, более того, для европейца (а действие повести происходит в Европе) пить коньяк из стакана (хотя бы и из большой рюмки) это все равно, что материться при дамах. Своим широким жестом Глебски объявляет себя «персоной нон гранта». Мне непонятно, как он

сохраняет хорошее отношение почти со всеми героями повести. Фраза шикарная, но, как мне кажется, совсем из другой повести Стругацких. Более гротескной и ироничной.

2) А здесь замена в «А» и «С» интереснее. Глебски вдруг приходит в голову, что, согласно «Ю», «Д» и «Т»: «у Хинкуса слишком уж бедный лексикон». «А» и «С» чуть поправляют: «слишком уж убогий лексикон».

3, 5) И снова «Д» ужасно щепетильны. Глебски «залпом проглотил бренди и налил еще». А сколько именно? Приходится читать во всех остальных вариантах:

«Я залпом проглотил полстакана бренди...»

Впрочем, честно говоря, так ли это здесь важно?

Чуть ниже, по «Д» Глебски «двинулся к этой разбойнице... к этому разбойнику».

«Ю», «Т» и «С» поправляют: «понес к этой разбойнице... к этому разбойнику бутылку и стакан».

Но лично мне больше нравится вариант «А»:

«понес к этой разбойнице... к этому бандиту...»

Глебски часто повторяет одни и те же слова и словосочетания, но, по-моему, не стоит, чтобы он это делал на каждой странице.

6) А затем еще одна странная лакуна в «Ю». Глебски решается разгадать загадку чада.

«Сейчас или никогда, думал я. Такое расследование во всяком случае интереснее, чем кража часов и иного барахла».

Но, с чего бы? Ведь загадка чада была разгадана им еще в третьей главе. Или инспектор спьяну все позабыл?

7) Забавны метаморфозы приглашения на танец, когда голос Глебски становится все более пьяным.

«Ю»: «— Танец, мадмуазель?»

«Д» и «Т»: «— Танец, мадмзель?»

«А» и «С»: «— Танец, мадм'зель?»

Последний вариант мне нравится больше всех.

8, 9) В очередной раз вмешивается «Д». В словах чада редактор аккуратно вырезает «Бросьте трепаться» (что, кажется, пошло тексту на пользу, так как чадо говорит «лениво» и, значит, явно немногословно), а чуть ниже скрывает, что инспектор «хватил еще бренди» (видимо, решили, что с него уже достаточно).

14) Но от ответов чада у инспектора, по «А» и «С», голова «пошла кругом». Весьма самокритично, но, с учетом выпитого бренди, чуть-чуть поздновато. Поэтому лучше написано в «Ю», «Д» и «Т»:

«Голова у меня шла кругом...»

15—17) (сокр) В итоге перед Глебски временами возникает одна ипостась чада. По «Ю» и «Д», а также, если не считать маленькой опечатки, «Т», это: «испорченный, вставший на неправильный путь подросток...»

В «А», «С» маленькая, но удачная поправка: «вставший на дурной путь подросток...»

Далее в «Д» целомудренно опущено:
 «который все время хлобыстал мое бренди...»
 И, наконец, в «Ю» фраза заканчивается слишком банально: «и за которого я нес ответственность как работник полиции и старший по чину». В «Д» и «Т» мысль пьяного инспектора начинает «растекаться по древу»:
 «как работник полиции, опытный торговый агент и старший по чину».

Наконец, в «А» и «С» добавлено: «нес определенную ответственность», что, на мой взгляд, только утяжелило и так сильно разлапистую фразу.

19) Другая ипостась чада: «очаровательная пикантная девушка», которая, в вариантах «А» и «С» «слава Богу, не походила...» На устах «в дрезину бухого» инспектора, да еще говорящего грубоватые комплименты девушке, молитва... Побойтесь Бога, господа редакторы. В «Ю», «Д» и «Т» слово бог совершенно справедливо написано с маленькой буквы.

А вот на кого не походила эта девушка — см. чуть ниже.

19, 20) «Д» вновь на тропе войны. На сей раз пуритан раздражает слово «старуха» в значении «жена Петера Глебски». Так во всех вариантах чадо не походило:

«на мою старуху».

А «велосипеды-мотоциклы» чадо должно бросить, потому что:

«моя старуха их не переносит».

И только в «Д» чадо не похоже «на других», а мотоциклы и, заодно, велосипеды не переносит «дядя».

Для меня это уму непостижимо.

Дальнейшая сцена пьянства инспектора с чадом в «Ю» серьезно сокращена, а в «Д» сокращена, так сказать, «точечно».

21, 22, 28 (сокр) Здесь пуритане, к их чести, признают, что Глебски и чадо «выпили», зато начисто вырезают все, что связано с их «обручением». Вначале из «Д» убрана фраза, что инспектор пил с «девушкой, моей невестой».

Чуть ниже чадо напоминает инспектору: «Мы же с вами условились», а не как в остальных вариантах:

«Мы же с вами обручились».

И, наконец, когда Глебски требует, чтобы чадо сняло очки, он просто уверяет: «Я не желаю их видеть». В остальных текстах инспектор более логичен и красноречив:

«Я не желаю покупать кота в мешке».

И смех, и грех!

23 (сокр) При виде пьющего чада Глебски испытывает муки совести и изо всех сил пытается их заглушить. И если свои далеко не бесспорные аргументы в «Ю», «Д» и «Т» инспектор повторяет «несколько раз», то в «А» и «С» все очень четко:

«Трижды повторив не без вызова эту мысль...»

Глебски вряд ли, конечно, точно все посчитал, просто пьяному и море по колено, и все его цифры — железны.

27) А здесь у «Д» рецидив третьей главы. Инспектор обливает брюки, когда ловит не «бутылку», как в остальных вариантах, а «чашку кофе». Кстати, даже «Д» признает, что Глебски выпил

изрядно. И тогда что это меняет? К тому же, как верно подметил Вадим Казаков, пятна от кофе чистить гораздо труднее, чем от бренди.

29(сокр) «Д» продолжает бороться с невестами. Танцуя с госпожой Мозес, инспектор, согласно этому тексту, понимает, что «отныне я буду танцевать с госпожой Мозес, и только с нею». Из остальных же вариантов мы опять узнаем, как все было на самом деле:

«судьбу свою мне надлежит связать с госпожой Мозес, и только с нею».

Долой беспорядочные матrimониальные обещания!

32) Снова «Ю» отказывает Симонэ в праве называться великим физиком. Но в текстах от «Д» до «С» черным по белому писано:

«Симонэ, унылый шалун и великий физик».

33) Забавная опечатка в «Т». Там с присутствием Симонэ можно было «смириться». Видимо, как с ураганом и землетрясением. (Впрочем, с присутствием чада Глебски тоже никак не боролся и, видимо, также смирился.) В остальных вариантах правильно:

«но с этим вполне можно было мириться...»

34, 35) Между тем «Д» продолжает «развиваться на воле». Теперь под его строгий взор попадают «опытные» Глебски и Симонэ. Эта редакция утверждает, что Глебски говорит о себе и Симонэ так: «Мы с ним пожилые воспитанные люди...» Во всех же остальных текстах (кроме «Ю», где этой фразы нет) чуть иначе:

«Мы с ним пожилые опытные люди...»

А следующий отрывок фразы в «Д» попросту опущен:

«мы предавались чувственным удовольствиям по совету врача...»

То есть никакой опыт не заменит воспитания. И вообще, береги платье снову, а честь смолоду. И долой чувственные удовольствия!

37, 39 (сокр) «Д» не сходит с авансцены редактирования. И само себя загоняет в тупик. Во всех остальных текстах, от «Ю» до «С», Глебски чисто-сердечно сознается:

«Потом я как-то внезапно прозрел и обнаружил, что нахожусь с госпожой Мозес за портьерой у окна».

В «Д» же эта фраза звучит так:

«Потом я как-то внезапно осознал...»

То есть, согласно «Д», Глебски остался пьян (ибо даже эта редакция не отрицает, что инспектор пил) и ведет себя по-джентльменски наедине с Ольгой Мозес он именно в пьяном виде. Это что, реклама алкогольных напитков и пьянства как образа жизни?

Чуть ниже Глебски отчаянно пытается убрать руку с талии госпожи Мозес (вот оно, джентльменское поведение), по «Д»: «пока нас тут не обнаружили». В остальных же вариантах несколько интереснее:

«пока нас тут не застукали».

42, 43 (сокр) Далее речь у инспектора и Ольги заходит о Хинкусе. Глебски говорит в редакции «Д», а также в «Ю», о нем: «Просто несчаст-

ный одинокий человек». В «Т», «А» и «С» удачно исправлено:

«Просто несчастный одинокий человечек».

Дальше в «Ю» Хинкус «то и дело зеленеет и покрывается потом...» В остальных же текстах снова чуть интереснее:

«поминутно зеленеет...»

44 (сокр) Ответ госпожи Мозес, пропущенный в «Ю», тоже весьма занимателен:

«— Граф Грейсток тоже, бывало, поминутно зеленел. До того забавный!»

Вообще-то граф Грейсток — это Тарзан. Интересные знакомые у госпожи Мозес. А вот Глебски этого явно не понял.

45—47) Между тем «Д» своим вмешательством выходит за все рамки приличия. В «Т», «А» и «С» дальше действие развивается так:

«Потом портьера с треском раздвинулась, и перед нами возникло чадо. /.../

госпожа Мозес /.../ подарила мне очередную ослепительную улыбку и, обхваченная чадом, заскользила по паркету.

Я отдулся и вытер рот платком».

В «Ю» различия незначительны. Разве что инспектор не «отдулся», а «вздохнул». И что здесь неприличного? «Д» находит сразу три вещи:

Убрано, что портьера раздвинулась «с треском», что инспектор «отдулся» (или «вздохнул») и госпожа Мозес оказалась не «обхвачена», а «подхвачена» чадом.

Для «Д», видимо, новость, что в танцах партнеры крепко прижимаются друг к другу. Что же ка-

сается остальных пунктов «обвинения», то у меня просто нет слов.

49, 50) Еще две удачных замены в «эталонных редакциях». Оставшись без обеих дам, Глебски ушел играть с Симонэ на бильярде. В ходе игры Симонэ, согласно «Ю», «Д» и «Т» рассказывал анекдоты о «профессорах с иностранными именами», а инспектор «исполнялся торжества». В «А» и «С» удачно исправлено:

«профессорах с экзотическими именами...» и «исполнялся неумеренного торжества».

54, 55) А теперь Глебски наблюдает за картежниками. Мельком заметив, что «Д» мановением редакторского карандаша превращает «поднос с напитками» (который несет хозяин к карточному столику) в «поднос с прохладительным», подробнее остановимся на другом.

В «Ю»:

«игроки азартно вскрикивали, то объявляя пики, то убивая черви...»

В остальных же вариантах игроки убивали «черви»...

Так вот, я снова залез в словарь и обнаружил, что можно писать и так, и так. И смысл этой замены мне непонятен.

59—61 (сокр) А теперь ради чести Глебски «Д» решила опорочить великого физика. Сначала, что об этом писали другие тексты (с незначительными вариациями):

«Потом, помнится, у Симонэ вышел, как он выразился, запас горючего, и я сходил в столовую

за новой бутылкой бренди, решивши, что и мне пора пополнить кладовые веселья и беззаботности. /.../ Я просто взял с буфета бутылку и на цыпочках вернулся в бильярдную. /.../ Когда в бутылке осталось чуть больше половины...»

А теперь та же история по версии «Д»:

«Потом, помнится, Симонэ захотелось пива, и я пошел в столовую. /.../ Я просто взял с буфета бутылку с пивом и на цыпочках вернулся в бильярдную. /.../ Когда Симонэ уже приканчивал пиво...»

То есть Глебски и так выпивши (вспомним, что, согласно «Д», инспектор не прозрел), а Симонэ, скорее всего, смешивает пиво с более крепким алкоголем. В свете этих фактов неудивительно последующее поведение Симонэ... Кстати, запомните эту початую бутылку бренди. Она нам еще не раз пригодится.

64 (сокр) «Д» не успокаивается и даже «Т» вовлекает в свои проделки. Глебски выходит на улицу и видит Леля. Снова призовем сперва эталонные варианты этой сцены «А» и «С» (в «Ю» этого эпизода нет).

«но он наотрез отказался огласить долину воем или в крайнем случае лаем вместе со мной. В ответ на мои уговоры он /.../ отошел недовольный и лег у крыльца».

«Д» и «Т» же порезали не только компрометирующую инспектора добавку «вместе со мной», но и слово «недовольный». Видимо, собака по определению должна быть всем довольна.

65) А теперь маленький пример о тяжелом редакторском хлебе. В «Ю» все начиналось просто и простодушно. Глебски:

«прошелся взад-вперед по расчищенной дорожке перед фасадом отеля».

В «Д» и «Т» фразу украсили и добавили:

«поглязел на залитый голубой луной фасад».

Все хорошо, но только в одном предложении оказалось сразу два «фасада». И лишь «А» и «С» покончили, наконец, с этим вопиющим злоупотреблением:

«Я прошелся взад-вперед по расчищенной дорожке перед отелем, поглязел на залитый голубой луной фасад».

68 и далее) Далее Глебски и Сневар вновь встречаются в каминной за стаканом горячего портвейна, а «Д» уверенно гнет свою линию. Из окончания шестой главы аккуратно вырезаны все упоминания портвейна вообще и стаканов в частности (в принципе можно даже дать как опечатку по всему тексту главы вместо «кофе» — читай «портвейн», а вместо «чашки» — «стакан»). Заодно достается на орехи спиртным напиткам и сигаретам. И аминь.

72) В «Ю» опущен и рецидив Леля в отношении «нашего бедняги Олафа»:

«Нет-нет, Лель, не приставай, — говорил он [хозяин] строго. — Ты опять совершил это безобразие. На этот раз прямо в доме. Господин Олаф жаловался мне, и это позор. Где это видано, чтобы добропорядочная собака...»

Итак, викинга опозорили вторично, подумал я с некоторым злорадством. Я вспомнил, как лихо Олаф отплясывал в столовой с чадом, и мое злорадство усилилось. Поэтому, когда Лель с виновато опущенной головой подошел ко мне, цокая

когтями, и сунул холодный нос мне в кулак, я потрепал его шею и шепнул: «Молодец, собака, так ему и надо!»

Тонкие намеки братьев Стругацких пропадают втуне.

77) И снова речь зайдет о боге. До отеля докатилась волна далекого взрыва, и Кайса громко говорит, согласно «А»:

«О, Господи!»

В остальных же текстах «господь» пишется с маленькой буквы. И хотя о вероисповедании Кайсы ничего не известно, мне кажется, она могла в такой ситуации помолиться, и упоминание имени Господа имеет смысл.

Далее следуют вышеупомянутые изыски «Д», поэтому в исследовании текста налицо небольшой пропуск.

88, 89 (сокр) Ознакомимся же с примерами красноречия Алека Сневара. Он уже понял, что случилось, но не торопится рассказывать все Глебски. По «А» и «С» их диалог звучит так:

«— До которого числа у вас отпуск, Петер? /.../
— Скажем, до двадцатого. А в чем дело?
— /.../ Больше двух недель... Да, у вас, пожалуй, есть шанс вовремя вернуться на службу».

В «Д» и «Т» же (в «Ю» этого эпизода нет) хозяин говорит: «Почти двадцать дней...» Но так как времени именно достаточно, то слово «больше» здесь предпочтительнее, нежели слово «почти». (И соответственно далее в разговоре также упоминаются «две недели», а не «двадцать дней»).

Чуть ниже на вопрос, не вернулся ли Погибший Альпинист, Алек Сневар, согласно «Д» и «Т», отвечает: «До этого, к счастью, не дошло. /.../ ОН был на редкость сварливый тип, и если бы ОН вернулся...»

«А» и «С» делают две удачные поправки:

«До этого, к счастью, пока не дошло. /.../ ОН был на редкость сварливый и капризный тип...»

А еще ниже забавный ляп в тех же «Д» и «Т», которые сделали речь хозяина еще высокопарнее: «Сейчас я попробовал связаться с миром».

Из «Ю», «А» и «С» выясняется, что Сневар звонил всего лишь в «Мюр». Ларчик-то просто открывался.

91) А Глебски в ответ продолжает нудить. «Воды у нас хватит, — задумчиво сказал я». (»Ю», «Д», «Т») И еще зануднее в «А» и «С»:

«— Воды у нас хватит с избытком, — задумчиво сказал я».

92) Теперь уже «А» не разобралась в ситуации. На вопрос инспектора о возможном каннибализме в отеле в этом тексте: «Нет, — ответил хозяин самодовольно». Правильно же в остальных вариантах:

«— Нет, — сказал хозяин с видимым сожалением».

95 (сокр) «Д» в своей борьбе с алкоголем сбила с толку другие тексты. Разговор о выпивке там, естественно, пропущен, а «Т» и «А» теперь расхлебывай: «Одной только фирменной наливки у меня сто двадцать бутылок».

И лишь «С» вернулась к правильному варианту «Ю»:

«Одной только фирменной настойки...»

Заметим заодно, что хозяину под силу содер-
жать столь большой винный погреб.

97(сокр) А Глебски все гнет свою линию. В «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) он просто «обдумы-
вал возникшие перспективы», а в «А» и «С» го-
раздо интереснее:

«Я обдумывал возникшие только что перспек-
тивы».

Нет на инспектора утомону!

Дальше все малоинтересно, только последний пропуск в «Ю» любопытен.

107) В этом тексте фраза заканчивается слова-
ми «у Хинкуса есть друзья», а в других вариантах важная добавка:

«что у Хинкуса есть друзья, которые согласны разделить с ним его одиночество».

Ничего не напоминает?

Седьмая глава начинается с того же, чем закан-
чивалась глава шестая.

1) В «Д» опущена фраза, что Глебски и хозяин «прикончили кувшин горячего портвейна...»

5 (сокр) А теперь пропуск в «Ю». Опущено, что Брюн, по словам Сневара — «это зомби, то есть оживленный магией мертвец...»

Первое упоминание хозяина о зомби.

Дальше большая лакуна в «Ю», в коей проис-
ходит масса интересных событий.

66) В «Т», «А» и «С» Глебски утверждает, что «Кайса слишком любит мужчин, чтобы сделаться хорошей женой». У «Д» другое мнение:

«Кайса слишком инфантильна...»

Редкий случай, когда пуританская редакция со-
вершенно права. Ведь Кайса менее всего похожа на роковую женщину, охотницу за «мужскими скаль-
пами». Она именно «инфантльна», то есть просто не может никому отказать.

6в) В вариантах «А» и «С» хозяин недоумева-
ет, «на ком же ему тогда жениться, если мы те-
перь навеки замурованы в этой долине». А в «Д» и «Т» маленькая добавка:

«если все мы теперь...»

Слово «все» здесь нелишнее, так как неплохо показывает сбивчивую речь пьяного человека.

6д) Инспектор учит Сневара, как подделывать лотерейные билеты, но явно недоволен результа-
тами урока. В эталонных вариантах «А» и «С» он говорит:

«Протрезвеете и забудете».

«Д» как всегда скромен:

«Заснете и все забудете».

А «Т» ищет компромисса:

«Протрезвеете и все забудете».

И если слово «все» в «А» и «Т» убрано по делу (это словечко неоднократно встречается в начале седьмой главы), то насчет «протрезвеете», как мне кажется, право опять именно «Д». Во-первых, име-
ется в виду именно «протрезвеете после сна», то есть «заснете». Во-вторых, нетрезвый человек ред-
ко осознает себя (и своего собутыльника) таковым.

7) Редкий случай, когда вариант «Ю» полнее. В остальных текстах просто: «Кажется, именно в эту минуту сенбернар Лель вдруг вскочил и глухо гавкнул». А «Ю» добавляет:

«сенбернар Лель, дремавший у наших ног, вдруг вскочил...»

Если вспомнить, что последний раз «кобель» упоминается четыре страницы назад, то добавка, как мне кажется, уместна.

10) В «Ю» и «Д» написано: «За дверью скреблись и прискуливали». Но «прискуливание» — это действие не самостоятельное, оно только сопровождает другое действие. Поэтому точнее в «Т», «А» и «С»: «За дверью скреблись и поскучивали».

15, 16) «Д» снова работает ножницами. В нем нет ни слова о том, что Кайса прибежала «в одной рубашке» (кстати, и далее, пока она будет оставаться в этой «рубашке», «Д» об этом деликатно умолчит), а также, что инспектор «допил свой портвейн».

19) Опять о лишних словах. В «Ю» все и так понятно:

«Тут я понял: он ехал сюда на автомобиле...»

В остальных же редакциях, кажется, напрасно добавлено: «совершенно ясно».

20) И еще одно изменение не идет на пользу повести. Глебски приходит к выводу, что изможденный незнакомец — друг Хинкуса, он ехал в отель на машине и попал в аварию. Далее, согласно «Д» и «Т», ход его мысли несколько сбивчив, но понятен:

«Может быть, в машине остались еще люди, искалеченные так, что они не могут двигаться. Может быть, были жертвы... Хинкус должен знать...»

В «А» и «С» (в «Ю» этой фразы нет) жертвы не «были», а «уже есть». То есть «Хинкус должен знать», есть ли жертвы или их нет. Откуда, собственно? К тому же изменение времени действия превращает слово «жертва» из значения «раненый» в «убитый», а погибшие в автомобильной катастрофе (в отличие от раненых) вряд ли серьезно заботят инспектора.

24) В «Ю» опущены размышления Глебски, видящего, что Хинкус все еще сидит на крыше:

«Неужели дрыхнет там? А вдруг он замерз?»

Наглядно подтверждается моя версия, что разговор Хинкуса о «спании на крыше» — чистой воды опечатка.

28) Вскоре выясняется, что Хинкуса на крыше нет. И реакция инспектора разнится от варианта к варианту. В «Ю» и «Т»:

«Вот в этот момент я и пропрэзвел окончательно».

«А» и «С» соглашаются с этой версией с небольшой «занудной» поправкой:

«Вот в этот момент я пропрэзвел уже окончательно».

А пуританское «Д» выдает совсем оригинальный и, на мой взгляд, самый лучший вариант:

«Вот в этом момент я всем нутром ощутил, что дело дрянь».

30(сокр) Первый из двух примеров редакторской правки. В «Ю», «Д» и «Т» было несколько

сумбурно: «На крыше было много следов, и все это были следы одинаковые...»

«А» и «С» приглаживают эту фразу:

«На крыше было множество следов, и все они были совершенно одинаковые...»

Пожалуй, так будет получше.

31) А чуть ниже обратный пример. Фраза в «Д» и «Т» совершенно гладкая:

«Снежная долина, насколько хватало глаз, была пуста и чиста...»

А в «Ю», «А» и «С» она же носит сюрреалистический оттенок: «Снежная долина, насколько хватал глаз...»

И кого же этот глаз «хватал», если долина была «пуста»?

34) В «Ю» этой фразы нет, в «Д» и «Т» все просто и понятно. Еще одно свидетельство серьезности дела: «Хинкус счел возможным выбросить коту под хвост бренди на сумму не менее трех крон...»

«А» и «С» же придали фразе забавную концовку:

«на сумму не менее пяти крон...»

«Из-за пятерки удавиться готов!»

40) Но что же случилось? Инспектор размышляет в варианте «Ю»: «Мысль об убийстве я торопливо погнал от себя?» И как успешно? Ответ на это дают остальные редакции:

«Мысль об убийстве я торопливо прогнал от себя».

Далее в течение целой страницы нет интересных вариантов, пока перед нами вновь не появляется

Кайса (кстати, все в той же ночной рубашке, наличие которой все так же целомудренно скрывает «Д»).

50) Почти во всех текстах указано, что Кайса «держала в охапке мокрую мятую одежду незнакомца». А с чего она вдруг стала мятой? Ответ дает только «Ю»:

«держала в охапке мокрую и смятую одежду незнакомца».

Элементарно, Ватсон! Кайса сама же, когда взяла одежду в охапку, ее и смяла.

51) Еще одни страсти по запятым. «Ю», очевидно, решило выполнить план по валу:

«Кайса, очнувшись, наконец, двинулась было на хозяйствскую половину».

На мой взгляд, одна запятая лишняя. Но какая? «Т» предлагает:

«Кайса, очнувшись, наконец двинулась было...»

Моей фантазии не хватает, дабы сие представить. И только «Д», «А», «С» пишут правильно:

«Кайса, очнувшись наконец, двинулась...»

55) «А» и «С» сами борются с «лишними словами». В «Ю», «Д» и «Т» говорится, что у незнакомца «один глаз был болезненно сощурен». А эталонные варианты убирают одно слово:

«Один глаз болезненно сощурен...»

60) После короткого разговора с потерпевшим Глебски доволен. Согласно «Ю», «Д» и «Т»: «мрачная при всем ее изяществе схема [готовящегося преступления] [...] развалилась сама собой».

По «А» и «С», инспектор (и это верно) не любитель всего ужасного, а всего лишь циник:

«мрачная при всей ее убедительности схема...»

И снова нет интересных вариантов почти до самого конца главы.

71) В «А» и «С» Глебски указывает: «Я расчистил путь для ключа...»

В «Ю», «Д» и «Т» уточняется:

«Я расчистил путь для своего ключа...»

Так как в эпизоде наличествуют два ключа от номера, эта поправка, кажется, имеет смысл.

72) Далее во всех вариантах несколько статично: «Волна морозного воздуха окатила меня, но я почти не почувствовал этого».

Только в «Ю» чуть лучше:

«но я почти не чувствовал этого».

73) И, наконец, предпоследняя фраза главы, одна из самых важных. В «Ю» она очень простая:

«На полу лежал Олаф Андварафорс».

А в «Д», «Т», «А» и «С» фраза гораздо красивее:

«Это был Олаф Андварафорс, истый потомок конунгов и возмужалый бог».

Вот только как гармонирует эта красота с безобразным фактом смерти человека? Не знаю, не уверен.

Начинается глава восьмая, самая длинная глава в повести и в ней, соответственно, больше всего вариантов.

1) О несчастье с Олафом узнает дю Барнстокр. В «А» и «С» его реакция описана так: «Аристо-

кратические брылья его обвисли и жалко подрагивали».

Вынужден признать, что понятия не имею, что такое «брылья» (в «Словаре Ожегова» этого слова нет). Поэтому я за более демократичный вариант «Ю», «Д» и «Т»:

«Аристократический нос его обвис и жалко подрагивал».

6) К моей вящей радости, из фразы Глебски от варианта к варианту постепенно убираются все «лишние слова»:

«Ю»: «Алек, оба ключа от номера я забираю себе».

«Д» и «Т»: «Оба ключа от номера я забираю себе».

«А» и «С»: «Оба ключа я забираю себе». Спасибо!

10) А здесь наименее велеречивы «Д» и «Т»:

«Ю»: «Хозяин кивнул и, не сказав ни слова, пошел вниз».

«А» и «С»: «Хозяин молча кивнул и отправился вниз».

«Д» и «Т»: «Хозяин молча кивнул и пошел вниз».

11) Не остается без работы «Д». В остальных вариантах Глебски у себя в номере ставит «чемодан Олафа на загаженный стол». «Д» целомудренно скрывает, что стол «загажен».

12) И опять лишнее слово в эталонных вариантах. Итак, инспектор изучает содержимое чемода-

на Олафа Андварафорса. По «Ю», «Д» и «Т» все очевидно:

«Здесь тоже оказалось не как у людей. Еще хуже, чем фальшбагаж Хинкуса».

Как мне кажется, «А» и «С» не стоило во вторую фразу добавлять слово «даже».

15(сокр.) Большая лакуна в «Ю» с тремя интересными разнотечениями. Вначале еще одно лишнее слово. По «Д» и «Т» Глебски начинает рассуждать:

«Что мы имеем, инспектор Глебски?»

Добавочное «же» в «А» и «С» опять-таки, по моему, не нужно.

А чуть ниже уже удачная редакция «А» и «С». Инспектор жалеет, что не может, согласно «Д» и «Т», «лежать между свежими простынями и крепко спать». В эталонных же вариантах маленькое уточнение:

«...и сладко спать».

Наконец еще ниже, как утверждают «Т», «А» и «С», Глебски также не может:

«вечером уютно устроиться у камина со стаканом горячего портвейна».

«Д» уверенной рукой этот скромный «стаканчик портвейна» вырезает.

17—18) Забавная смена логики. Среди вещей в номере покойного инспектору бросаются в глаза, по «Ю», «Д» и «Т»: чемодан, «каковой /.../ был единственным багажом, принадлежащим убитому», и «ожерелье из деревянных бус, принадлежавшее /.../ доброй гражданке Кайсе». То есть чемодан, пока нет наследников, по-прежнему принадлежит

убитому, а ожерелье, очевидно, Кайсе больше не принадлежит, и соответственно расставлены времена в причастиях.

В эталонных же «А» и «С» все «сермяжнее»: Олаф Андварафорс умер, а Кайса жива, поэтому «принадлежавшее убитому» и «принадлежащее /.../ Кайсе».

Такое вот столкновение «права собственности» и «банальной правды».

22) Описание продолжается. Естественно, Глебски утверждает, что всевозможные специальные исследования и экспертизы провести, согласно «Ю», «Д» и «Т», «не представилось возможным».

В «А» и «С» поправка, более соответствующая деловому стилю мысленного отчета инспектора: «не представляется возможным».

24) Забавная опечатка в «А». Сама по себе фраза и в остальных вариантах весьма двусмысленная:

«Впрочем, два минуса, как известно, иногда дают плюс».

Инспектору явно не до математики, он аргументирует, как может. В «А» же эта фраза становится еще более гротескной:

«Впрочем, два минуса, как известно, дают плюс».

И так как обе фразы неправильные, то я предпочитаю более запоминающуюся.

25 (сокр.) Лишние слова. В «Ю», «Д» и «Т» речь идет о способе убийства Олафа (его шея вывернута почти на 180 градусов):

«и прикончили злодейским способом, который, между прочим, тоже [как и убить без борьбы физически сильного Олафа] требует немалой силы».

Эталонные же «А» и «С» совершенно зря добавляют «сам по себе» (мало им «между прочим» и «тоже»).

26 (сокр.) Продолжение темы. Подозревается Хинкус. В «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) все коротко и ясно:

«хотя Хинкус на вид жидкават... А может быть, [убийца] тот, кто подбросил мне записку о Хинкусе?..»

А теперь сравните, насколько длиннее стало в «А» и «С»:

«хотя Хинкус на вид, пожалуй, жидкават для таких упражнений... А может быть, не Хинкус, а тот, кто подбросил мне записку о Хинкусе?..»

Фраза искусственно увеличилась почти в полтора раза.

27) Опять-таки в «Ю» этой фразы нет, впрочем, там Глебски гораздо опытнее в раскрывании убийств, чем в остальных вариантах, так что выходит баш на баш. Инспектор размышляет о том, не поехать ли ему за помощью. В «А» и «С» два редакторских уточнения удачные. Точнее не так, как в «Д» и «Т»: «вот что мне надо делать: садиться в автомобиль...» и «Хороший, конечно, это был бы выход...», а:

«вот что мне надо сделать: сесть в автомобиль...»

«Хороший, конечно, это был выход...»

В третьем же случае правы «Д» и «Т»: «и вернуться с ребятами из отдела убийств».

А слово «сюда», как в «А» и «С», здесь, по-моему, тоже лишнее. Куда же еще инспектору возвращаться?

По сути же дела, это прекрасная мысль. И отвергнута она, совершенно зря: «дать убийце разные возможности... оставить дю Барнстокра, которому грозили...» Но Глебски никак не пытается защитить несчастного старика. А второй довод («как я переберусь через завал») еще нелепее. Ножками, господин инспектор...

28) Хозяин несет на подносе «стакан с горячим кофе и сандвичи» (»Ю» и «Т»). Чуть, как всегда, здесь и далее по всему тексту оригинальничает: «Д» «сэндвичи». А в «А» и «С» с этого момента и до эпилога повести все стаканы и кружки автоматически меняются на чашки и только чашки. Отметим же это событие.

29) Забавный пример из серии «парадоксов редактирования». Сневар докладывает о поисках Хинкуса. В «Ю» самый разговорный вариант:

«На крыше валяется его шуба и шапка...»

В «Д» зачем-то потеряли слово «его», а дальнейшие редакции тщетно пытались восстановить прежнюю фразу:

«Т»: «На крыше валяются шуба и шапка...» (грамматически правильно)

«А» и «С» (вспомнив, как было раньше): «На крыше валяются его шуба и шапка...»

Одна буква изменилась, а текст из разговорного превратился в деловой.

30) Маленькая промашка в «Ю». Хозяин впервые видит «загаженный стол» в номере Глебски: «и потрогал пальцами натеки клея на столе». В остальных вариантах исправлено:

«и потрогал пальцем...»

Кто же трогает подозрительные натеки сразу всеми пальцами?

32) Снова непонятная добавка. Дабы жильцы отеля ничего не узнали, хозяин в «Ю» предлагает: «А Кайсу я запру...»

В остальных же текстах добавлено «она у меня дура». Кайса, разумеется, не светоч разума, но при чем здесь это? Может случайно проболтаться об убийстве? Так была б умная, наверное, проболтала бы намеренно...

38 (сокр.) Глебски слышит удары в стену в номере-музее. Реакция инспектора, по «Ю», «Д» и «Т»: «Я сбросил пиджак, засучил рукава и осторожно /.../ вышел в коридор».

«А» и «С» чуть уточняют:

«Я сбросил пиджак, поддернул рукава...»

В принципе, верно, не было у инспектора времени тщательно засучить рукава.

46 (сокр.) Еще небольшое, но удачное изменение в эталонных вариантах. В «Ю», «Д» и «Т» Хинкус повторяет вопрос инспектора: «Что случилось... — пробормотал он». В «А» и «С» чуть короче:

«— Что случилось... — бормотал он».

47(сокр) — 49) Дебаты Хинкуса и Глебски относительно выпивки. Дважды «А» и «С» редак-

тируют по делу. Итак, инспектор не дает Хинкусу выпить. По «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) он утверждает: «А я говорю, что это успеется!» На что Хинкус отвечает, уже согласно «Ю», «Д» и «Т»: «Кто вы такой, чтобы распоряжаться?»

«А» и «С» совершенно правильно в одном случае убирают лишнее слово, а в другом — добавляют нужное:

«— А я вам говорю, что успеется! — сказал я, снова пресекая эту попытку.

— Кто вы такой, чтобы здесь распоряжаться?»

Наконец, после последней реплики «Ю» дает реплику: «в полный голос взвизгнул Хинкус». Остальные тексты уточняют:

«уже в полный голос взвизгнул Хинкус».

Так как голос Хинкуса действительно повышался постепенно, а не разом, то это именно уточнение.

54 (сокр) Продолжается ода «А» и «С». На вопрос Хинкуса, «кто убит», Глебски отвечает вопросом. По «Д» и «С» (в «Ю» этой фразы нет): «А вы как думаете — кто?». Эталонные варианты снова убирают лишнее слово:

«— А вы думаете — кто?»

59) А здесь «А» и «С», сокращая текст, допускают небольшую двусмысленность. Хинкус передает инспектору свои часы. Согласно этим текстам, «часовая стрелка отломилась». Можно подумать, что она отломилась только что, в момент передачи часов. Поэтому точнее все-таки в «Ю», «Д» и «Т»:

«Часовая стрелка была отломана...»

61–62) По «Т», «А» и «С» Хинкус заверяет Глебски: «Кого бы здесь ни стукнули, я к этому отношения не имею, а на остальное мне наплевать...»

В «Д» небольшой орфографический ляп: «кого бы здесь не стукнули». А вот в «Ю» удачное уточнение:

«а на остальных мне наплевать...»

Действительно, так больше похоже на человеческую речь, тем более что Хинкус по-книжному говорить, кажется, не умеет.

64–66 (сокр) Наконец-то нашлось, где разгуляться «Д». Итак «Пойдемте, — говорит инспектор. «Куда?» — недоумевает Хинкус. И далее по «Д» Глебски, скромно потупив взор, отвечает: «Тут рядом». В остальных вариантах инспектор более прямолинеен:

«— За выпивкой, — сказал я».

Далее, согласно «Д», действие разворачивается так: «Я привел его в столовую, налил стакан бренди и подал ему. Он жадно схватил стакан и залпом выпил». В остальных же варианты, все происходит несколько иначе:

«Я привел его в бильярдную, нашел на подоконнике полбутылки бренди, оставшиеся с вечера [заметим, что согласно экономному «Д» в бильярдной осталась лишь пустая бутылка от пива, а еще — что ни Глебски, ни Симонэ и в голову не пришло эти полбутылки «заначить»], и подал ему. Он жадно схватил бутылку и надолго присосался к горлышку».

Жмоты они, эти «Д». Выпить в волю не дают.

69) И снова я о лишних словах. Глебски делает вывод о Хинкусе. По «Ю», инспектор полага-

ет: «То есть с ним, конечно, явно не все было в порядке...»

«Д» и «Т» удачно сокращают текст:

«То есть с ним явно не все в порядке...»

«А» и «С» вновь удлиняют фразу:

«То есть с ним явно было не все в порядке...»

Я, как обычно, за самый короткий вариант.

70) Фраза продолжается. По «Ю» она снова длинновата: «никаким туберкулезником он не был, не был он, видимо, и ходатаем по делам несовершеннолетних...» В остальных вариантах удачно сокращено:

«никакой он не туберкулезник, и никакой он, видимо не ходатай по делам несовершеннолетних...»

77, 79) Кампания «Д» по борьбе с алкоголизмом продолжается.

Во всех вариантах Хинкус

«дико взглянул на меня [Глебски] и снова присосался к бутылке».

А в «Д» он всего лишь «потянулся к бутылке».

И чуть ниже инспектор в «Д» не говорит, как в остальных текстах:

«Бутылку можете взять с собой».

85) Еще одна маленькая история редактирования. В «Ю» Глебски урезонивает Хинкуса: «Что вы расклеились, как старая баба!»

«Д» эта «старая баба» явно не понравилась (вспомним, как в шестой главе эта редакция возражала против «старух»), реплика инспектора сократилась до: «Что вы раскисли?»

В «Т», «А» и «С» «бабу» восстановили, но оставили и удачную находку «Д»:
 «Что вы раскисли, как старая баба?»

87, 88) Новый раунд борьбы со спиртным. «Д» донельзя скрупульзно описывает реакцию Хинкуса на обращение инспектора: «Хинкус ничего не ответил». В «Ю», например было еще: «и только крепче прижал бутылку к груди обеими руками». А в «Т», «А» и «С» еще лучше:

«и только нежно прижал бутылку к груди обеими руками».

Чуть ниже Глебски прислушивается к тому, что делает Хинкус, оставшись один в номере. Все варианты единодушны:

«Слышно было, как булькает жидкость...»

То есть Хинкус снова пьет. И только «Д» — против:

«Слышно было, как потекла вода в умывальнике...»

Нет, жидкость, конечно же, булькает, но не та, на какую вы подумали!

89) Чуть-чуть корявая фраза в «А» и «С»: «Я оставил его наедине с его совестью...» Два раза подряд «его» да еще, с чьей, собственно, совестью Хинкус может находиться наедине. Так что лучше, как в «Ю», «Д» и «Т»:

«Я оставил его наедине с совестью...»

95 (сокр.) Дю Барнстокр признается Глебски, что он многих в этом отеле мистифицировал. Реакция инспектора, по «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет): «Я не ожидал, что этим занимался имен-

но дю Барнстокр». (то есть что именно старый фокусник совершил ряд конкретных, иногда жестоких проделок)

В «С» и (с небольшими изменениями) «А» уточнено:

«что этим занимается именно дю Барнстокр».

Иначе говоря, что старик вообще способен на такие шутки.

96, 98) Покаяние дю Барнстокра явно отредактировано заранее, к тому же он вообще неплохо говорит. Поэтому более корявые фразы в «Д» и «А»: «Все это маленькие розыгрыши по поводу тени Погибшего Альпиниста» — и в «Д», «Т» и «А»: «Шутки с душем...» (вообще-то в повести рассказывается только об одной такой шутке) в «Ю» и «С» (а в первом случае — и в «Т») заменяются на более гладкие и точные:

«Все эти маленькие розыгрыши...»

«Шутка с душем...»

106) Речь заходит о записке с угрозами. Глебски, согласно «Ю», интересуется: «а почему вы, собственно, решили, что эта записка адресована именно вам?» В остальных текстах красивее:

«что это угрожающее послание адресовано именно вам?»

112) А теперь «Ю» удачно убирает из реплики дю Барнстокра лишние слова. В «Д», «Т», «А» и «С» старый фокусник так говорит о реакции Олафа на записку: «В общем, он прочел, пожал плечами и мы продолжили игру». Редакция «Ю» короче и яснее:

«Прочел, пожал плечами...»

118, 119) Глебски по-прежнему расспрашивает дю Барнстокра. Он задает один вопрос, старик начинает отвечать, инспектору тут же приходит на ум другое, и он перебивает. От редакции к редакции слова инспектора делаются все литературнее:

«Ю»: «Скажите сначала мне вот что».

«Д» и «Т»: «Тогда скажите сначала мне вот что».

«А» и «С»: «Тогда расскажите сначала мне вот что».

Но разговорная, особенно спонтанная, речь отличается от литературной. Поэтому я на стороне короткой и более корявой версии «Ю».

И следующая фраза Глебски в «Ю» звучит реальнее:

«Кто находился в столовой между половиной девятого и половиной десятого?»

В остальных же текстах напрасно, по-моему, добавлено вежливое: «не можете ли вы припомнить».

126) Про свои карточные фокусы дю Барнстокр, по «Ю», «Д» и «Т» рассказывает так. «Иногда в задумчивости я даю волю своим пальцам...» «А» и «С» делают удачную добавку:

«я, знаете ли, даю волю своим пальцам...»

Для фокусника объяснять, как он показывает фокусы, — это как для сороконожки рассказывать, как она ходит на таком большом количестве ног. Отсюда и заминка в речи.

136) «Д» в очередной раз не дает дю Барнстокру «задумчиво сложить губы куриной гузкой».

141) Напоследок Глебски дает старому фокуснику совет. И опять в «А» и «С» очень много лишних

слов: «Я очень советую вам принять таблетку снотворного и лечь спать». Короче и лучше в «Ю», «Д» и «Т»:

«Сейчас советую вам принять снотворное...»

144) Снова «Ю» отказывает Симонэ в чести быть «великим физиком». А зря! Такая забавная фраза получается в остальных вариантах:

«я увидел, как великий физик, прыгая на одной ноге, сдирает с себя брюки».

Замените «великого физика» на «унылого шалуна», как «Ю», и половина эффекта пропадет.

145) И снова философская триада в ругательстве инспектора.

Утверждение, «Ю»: «Какие здесь в заднице адвокаты!»

Отрицание, «Д» и «Т»: «Какие вам тут адвокаты?»

Отрицание отрицания, «А» и «С»: «Какие вам тут, в заднице, адвокаты?»

И в итоге последний вариант вышел самым лучшим.

147) И опять лишние слова. Симонэ отчаянно оправдывается. В «Ю», «Д» и «Т» он говорит:

«Ведь должны быть мотивы... Никто не убивает просто так...»

Эталонные же «А» и «С» в обе фразы «щедрой рукой» добавляют по «же». Зачем?

151) «Д» находит еще один повод поэхать (помните «сандвич» — «сэндвич»). В «Т», «А» и «С» (в «Ю» этой фразы нет) Симонэ продолжает оправдываться:

«Правда, Андре Жид писал...»
«Д» уверенно выводит «Андрэ Жид».

153 (сокр) То же «Д» на тропе войны с «крепкими словечками». Из отповеди, которой Глебски останавливает, наконец, речеизлияние великого физика, исчезла главная (и присутствующая в остальных вариантах) ее часть:

«Заткнитесь на минуту».

156) Новая борьба с алкоголем. В остальных текстах Симонэ так объясняет свое решение — отправиться на «романтическое свидание» с госпожой Мозес:

«А в этот раз вы накачали меня бренди, и я решился».

То есть всю вину сваливает на бренди и инспектора. В «Д» эта фраза гораздо забавнее:

«А в этот раз пропустил стаканчик бренди и решился».

Симонэ скромно забывает добавить, что это был не просто «стаканчик бренди», но еще и «бутылка пива» (вспомните седьмую главу), и героически берет всю вину на себя.

165) Симонэ приходит в номер госпожи Мозес и — о ужас! — видит ее мертвой. Шок. Симонэ рассказывает, по «Ю», «Д» и «Т»: «Я не помню, как я оттуда вылетел». «А» и «С» аккуратно убирают лишнюю «я»:

«Я не помню, как оттуда вылетел».

И правильно делают. Я — это последняя буква в алфавите, а Симонэ — положительный герой.

168) Глебски и Симонэ идут к номеру госпожи Мозес, и видят в холле хозяина. Дальше в «А» и «С» дело происходит так: «Я знаком предложил ему оставаться на месте». Каким, интересно, образом? В «Ю», «Д» и «Т» все понятнее:

«Я знаком приказал ему оставаться на месте».

Далее на целую страницу нет ничего интересного, пока речь вновь не заходит о пьянстве.

182) Великий физик не понимает, как он мог принять госпожу Мозес за мертвую. Зато инспектору все ясно. Но ясно по-разному. В «Ю» Глебски пытается успокоить Симонэ:

«Вы были пьяны, ошиблись дверью...»

В «Д» и «Т» тон инспектора становится обвинительным:

«Вы были омерзительно пьяны».

А в «А» и «С» — это уже прокурорский вердикт.

«Просто вы были омерзительно пьяны».

Какой лучше, я, право, не знаю.

183) В ответ великий физик частично признает правоту Глебски. Но если в «Т», «А», «С» и, с неизменительной вариацией, в «Ю» он заявляет:

«Я был пьян, это верно...»

То «Д» смягчает степень его опьянения:

«Я был навеселе, это верно...»

И я опять не знаю, кто прав, ибо на тему «пьян человек или навеселе» можно писать диссертации (или читать Гашека).

185) Но Симонэ не верит, что во всем виновато бренди. И здесь маленькая ошибочка в «А» и «С».

Согласно «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) «унылый шалун» говорит:

«Может я на самом деле немножко того /.../?»

Эталонные же варианты добавляют лишнюю букву «и» («и на самом деле»).

190) Петер Глебски во всех вариантах задает вопрос:

«Что вы делали после того, как я ушел из бильярдной?»

С точки зрения формальной логики вопрос звучит весьма забавно. Поэтому редактор (или корректор) в «А» не поверил и поменял на: «Что вы делали после того, как ушли из бильярдной?»

Впрочем, если вспомнить, что в бильярдной инспектор и физик были вместе, а также посмотреть начало ответа Симонэ: «Сыграл сам с собой на бильярде...» — то неправоту «А» нетрудно установить.

197) Физик никак не может сосредоточиться, и Глебски резким, на грани оскорблений, заявлением приводит Симонэ в чувство. В результате, по «Ю», «Д» и «Т»: «все его эмоции тут же исчезли». А в «А» и «С» чуть интереснее:

«все его эмоции тут же испарились».

205 (сокр) В «Ю» на вопрос о своих действиях Симонэ отвечает предельно кратко: «Дальше я пошел в туалетную комнату, побрился, вымылся до пояса...»

В остальных вариантах (с небольшими изменениями) великий физик весьма саркастичен. Приводим его ответ по варианту «С»:

» Дальше я пошел в туалетную комнату. Я тщательно вымылся до пояса. Я тщательно вытерся

махровым полотенцем... Я тщательно побрился электрической бритвой... Я тщательно оделся...»

210 (сокр) Вопрос Глебски в версиях «Ю», «Д» и «Т» звучит так: «Когда вы в последний раз разговаривали с Хинкусом?»

«А» и «С» чуть исправляют его и убирают букву «в»:

«Когда вы последний раз разговаривали с Хинкусом?»

214) Новый вопрос инспектора. В разных вариантах изменения невелики, но тенденция едина — от частного к общему:

«Ю»: «Кто, по-вашему, разыгрывал все эти штучки с душем, с пропавшими туфлями...»

«Д» и «Т»: «/.../ разыгрывал все эти штучки — с душем, с пропавшими туфлями...»

«А» и «С»: «/.../ все эти штучки? С душем, с пропавшими туфлями...»

Лично мне больше нравится самая «частная» редакция «Ю», ибо в разговорной речи люди обычно говорят именно о частностях.

222, 223) На подозрения в краже часов господина Мозеса Симонэ возмущен, по «А» и «С»: «Что я вам — фортович какой-нибудь?» — «Нет-нет, не фортович, — отвечал Глебски. Слово красивое, но не слишком ли оно русское? Тем более что в Европе форточек, кажется, почти не бывает. Поэтому лучше, мне кажется редакции «Ю», «Д» и «Т»

«— Кто я вам, воришка?

— Нет-нет, не воришка /.../»

231) Симонэ рассматривает прибор в чемодане Олафа и что-то тихо бормочет себе под нос. Впрочем, в «А» и «С» это бормотание иногда начинает походить на лекцию: «Ну, это-то, вероятно, гнезда подключения...» Поэтому, как мне кажется, точнее более короткий вариант «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет):

«Ну это, вероятно, подключения?»

235 (сокр) Симонэ недоумевает, почему Глебски занимается этим делом сам и один. Согласно «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет), он спрашивает: «Вы — энтузиаст своего дела?» «А» и «С» удачно уточняют: «Вы что — энтузиаст своего дела?»

240) По «Ю», «Д» и «Т»:

«Хозяин расположился за столиком с бумагами и арифмометром».

«А» и «С» уточняют:

«допотопным арифмометром».

Вот он — технический прогресс. Устаревшую технику — на слом!

246) Дурной пример заразителен, и теперь с пьянством борется «Ю». В этой редакции Мозес просто: «выкатил на меня свои глазищи, помолчал с полминуты...»

Во всех остальных же господин Мозес в придачу еще «отхлебнул из кружки». Или это случайное сокращение?

На сем глава, собственно, заканчивается.

Девятую главу можно было бы назвать так: «Слишком много подробностей».

4) Глава начинается с допроса Кайсы. В «Ю» эта сцена серьезно сокращена. Для примера приведем главное сокращение:

«Во-вторых, она, казалось, совершенно неспособна была говорить об Олафе. Каждый раз, когда я произносил это имя, она заливалась краской, принималась хихикать, совершать сложные движения плечом и закрываться ладонью».

Кайса есть Кайса. Но, в отличие от первой главы, в ней больше нет «неизвестного, еще не познанного».

Далее Глебски разговаривает с хозяином, и Алек Сневар от варианта к варианту говорит все более гладко и велеречиво. Несколько примеров.

10) По «Ю», «Д» и «Т»: «но ведь к частному мнению владельца пресса не может не прислушаться...» В «А» и «С» маленькая добавка:

«но ведь и к частному мнению...»

11 (сокр) Согласно «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет): «у меня есть некое ощущение, которого у вас, по-моему, пока нет». В «А» и «С» снова точная поправка:

«у вас, по-моему, пока еще нет».

14) В «Ю» опущена фраза, венчающая рассуждения хозяина о различных образах мысли:

«Так-то вот, Петер...»

Далее «Д» уверенно гнет свою линию. Хозяин рассказывает о событиях той роковой ночи:

19) По «Д»: «Возникла идея посидеть у каминов». В остальных текстах добавлено: «с горячим портвейном».

23, 24) Слово «Д»: «Я вернулся в буфетную, и в эту минуту произошел обвал». В других вариантах есть еще:

«разлил портвейн по стаканам...»

И чуть ниже в «Д»: «я занес вам кофе...»

В прочих же редактурах Алек Сневар принес инспектору, конечно же, портвейн.

Рассуждения Глебски от варианта к варианту все более занудны:

26) По «Ю», «Д» и «Т»: «хозяин отеля, как никто другой, располагал возможностями отравить любого из нас». В «А» и «С» добавка:

«располагал реальной возможностью...»

28 (сокр) Согласно «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет): «Но тогда преступление /.../ запланировали давно и с совершенно непонятной целью...» «А» и «С» чуть редактируют:

«давно, тщательно и с совершенно непонятной целью...»

29) Настоящая война редактур. На вопрос хозяина о причинах ночного визита в номер госпожи Мозес Глебски почти всегда отвечает по-разному:

«Ю»: «Физик перепил, и ему почудилось бог знает что...» (Симонэ вновь отказано в величии.)

«Д»: «Великому физику почудилось бог знает что...» (Гм, что Симонэ «был навеселе», текст «Д» вроде бы не скрывал.)

«А» и «С»: «Великий физик слегка перебрал, и ему почудилось Бог знает что...» (Инспектор слишком интеллигентничает, да и молитвенное упоминание бога здесь, кажется, не к месту.)

Так что мне больше всех нравится вариант «Т»:

«Великий физик перепил, и ему почудилось бог знает что...»

35) Здесь, согласно «А» и «С», хозяин не просто велеречив, но зануден: «Я бы на вашем месте подумал об этом самым серьезным образом».

Лучше (хоть я и не люблю уменьшительных суффиксов) написано в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет):

«подумал об этом хорошенько».

37) Дурной пример заразителен, особенно для Глебски. И его язык во всех изданиях превращается в сплошную канцелярщину: «Я просто склонен думать, что Хинкус того [псих]...» И только «Ю» не поддалась всеобщему «ослеплению»:

«Просто Хинкус того...»

Инспектор, конечно, зануда, но не до такой же степени!

45) А здесь Глебски в «А» и «С», наоборот, несколько фамильярен: «Пойду, пожалуй». В «Ю», «Д» и «Т» он выражается официальне и деловитее: «Я пойду».

Можно, конечно, сказать, что инспектор специально отвлекает внимание хозяина, дабы задать новую порцию вопросов, но я в это не верю.

49) На вопрос, когда вчера он видел Хинкуса, хозяин в версии «Д» отвечает так: «я видел его днем в буфетной». Отгадайте, что добавилось в остальных вариантах. Правильно:
 «в буфетной, он забавлялся с бутылкой».
 «Д» даже Хинкусу выпить не дает.

52) А это уже моя придирка и одновременно маленький ляп в «А» и «С»: «Я охватил голову руками и стал думать». Мне почему-то слово «охватил» крайне редко встречалось в своем буквальном смысле. Поэтому я предпочитаю более знакомое слово из текстов «Ю», «Д» и «С»:
 «Я обхватил голову руками...»

60) Забавная лакуна в «Ю». Подумав, Глебски решает допросить чадо. И далее, во всех вариантах, кроме «Ю»:

«Заодно, может быть, удастся определить, какого оно пола, мельком подумал я, поднимаясь».

Весь смак здесь в том, что во всех вариантах, кроме именно «Ю», эта загадка была успешно разрешена еще в третьей главе: «Ну, конечно же, это была девушка». Впрочем, это далеко не последнее недоумение, связанное с чадом.

62) Нельзя постоянно бороться с алкоголем, решили в «Д». И перешли на борьбу с курением, вычистив фразу:

«Я достал сигарету и сказал, закуривая...»

63) В «Ю», «Д» и «Т» чадо выражается обыкновенно: «Что вам от меня надо». Эталонные же

«А» и «С» наконец-то перешли на живую разговорную речь:

«Чего вам от меня надо?»

66, 67) И снова бенефис «Д». В остальных текстах чадо говорит инспектору: «А мне на вас плевать!» В «Д» же фраза звучит чуть-чуть иначе:

«А мне на вас наплевать!»

Фраза неправильная, но люди, особенно в за- пальчивости, часто говорят неправильно.

А чуть ниже «Д» в полном тупике. В «Т», «А» и «С» (в «Ю» этой фразы) в ответ на назойливые вопросы Глебски об Олафе, Брюн саркастически недоумевает:

«Невесту приревновал?»

Но в «Д» не было никакой невесты, поэтому вопрос звучит как: «Приревновал?» А кого приревновал, неизвестно. Пускай читатели разбираются. Сами, мол, с усами.

68–70) В «Ю» инспектор почти не ругается: «Хватит болтать! /.../ Олаф убит. Я знаю, что после вас никто не видел его живым!» А теперь сравните с остальными вариантами и почувствуйте разницу:

«Хватит болтать, скверная девчонка! /.../ Олаф убит! Я знаю, что ты — последняя, кто видел его живым!»

74) И еще одна лакуна в «Ю». Глебски от слов переходит к угрозам:

«Если вы будете лгать и изворачиваться, /.../ я надену на вас наручники и отправлю в Мюр».

В «Ю» фраза заканчивается, и в воздухе повисает новая угроза. Примерно такая: «И там остаток своих дней вы проведете в тюрьме».

В остальных же вариантах угрожающая фраза продолжена:

«Там с вами будут говорить совсем уже посторонние люди».

Ничего себе угроза. Знаком с девушкой меньше двух дней, а уже мним себя «не совсем посторонним»!

83, 85) Пуритане «Д» на тропе войны за чистоту русского языка. Вначале удалена короткая реплика чада:

«Хрен с вами».

При чем удалена так надежно, что присутствует она теперь только в первой редакции «Ю» и последней «С». Ни «Т», ни «А» справедливость не восстановили.

А чуть ниже девушка жалуется на Олафа:

«он принял меня лапать».

«Д» и здесь непримиримо:

«он принял меня тискать».

Здесь даже я не вижу никакой разницы, но если «Д» ее видит, то я охотно ему верю.

84) А здесь в трех соснах (между женихом, невестой и Брюн) запутали сразу «Ю» и «А»: «Сначала шутки: жених и невеста...» «Жених и невеста» — это тоже шутка, но не та. А нужная и встречающаяся в остальных вариантах опять-таки касается пола чада:

«Сначала шутки: жених или невеста...»

92) Наконец, мы переходим к загадке бутылки. Итак, свидания у Брюн с Олафом не получилось.

Далее в «А», «С» и, с небольшими отклонениями («лишняя» запятая), в «Т» описана такая сцена:

«— / .../ Одно и оставалось — пойти к себе, запереться и напиться до чертиков...

— И вы напились? — спросил я, осторожно потягивая носом и исподволь оглядывая номер. / .../ Спиртным действительно попахивало, а на полу у изголовья постели я заметил бутылку.

— Ну натурально, я же говорю вам!

Я наклонился и взял бутылку. Бутылка была основательно почата».

Написано хорошо, а вот я недоумеваю: откуда взялась пресловутая бутылка? Так вот я, считаю, что бутылку выдумал инспектор, ибо:

От Олафа чадо (судя по ее дальнейшему рассказу) вышла с пустыми руками.

На кухню она не заходила.

И «заначить» бутылку Брюн тоже не могла, ибо спиртного хватало всем, и каждый получал его по первой просьбе. (Вспомним, что Симонэ и Глебски не допили полбутылки бренди, но ни физик, ни инспектор и не подумали его взять с собой.)

Еще более странную позицию занимает «Д». Казалось бы, тут и дать волю пуританству редакции. «Д» и дает, но далеко не полную. В результате возникает водевильный диалог:

«— / .../ Одно и оставалось — пойти к себе и запереться.

— И вы заперлись?»

И в придачу бутылка оказалась не «основательно почата», а просто раскупорена.

(«— Неужели вы будете это пить?

— Нет, я буду только смотреть и морщиться».

Р. Хайнлайн «Дверь в лето»)

Поэтому я всецело на стороне «Ю», где от всей сцены осталась лишь одна фраза:

«Одно и оставалось — завалиться спать».

И всем того же советую!

Затем следует веселый и искрометный рассказ чада о событиях вчерашнего вечера. Он всем хорош, но вызывает один законный вопрос: чадо что, совсем бездушное существо, раз так веселится над гробом небезразличного ей человека? И никакого надрыва или смеха сквозь слезы я в ее истории не замечаю, а вижу только бесшабашный флирт. Сцена чудесная, но как будто совершенно из другой повести.

И никакие косметические поправки не помогают. Судите сами:

98, 99) Согласно «Ю» и «С», интересующая нас сцена начинается словами:

«Тут подсаживается ко мне в дрезину бухой инспектор полиции и начинает мне вкручивать, как я ему нравлюсь и насчет немедленного обручения».

В «Т» и «А» инспектор просто «пьяный», а «Д» убирает и «в дрезину бухого», и «насчет немедленного обручения».

100) В «Ю» этой фразы нет:

«При этом он то и дело пихает меня в плечо своей лапищей и приговаривает: «А ты иди, иди, я не с тобой, а с твоей сестрой...»

101) Во всех текстах, кроме «Ю», инспектор полагает:

«Я скушал эту тираду, не моргнув глазом».

«Ю» меняет «этую тираду» на просто «это».

102) Глебски и госпожа Мозес «пляшут, а я смотрю», — продолжает Брюн в варианте «Д». Остальные дополняют:

«а я смотрю, и все это похоже на портовый кабак в Гамбурге».

103) А здесь без сокращений не обошелся ни один вариант, поэтому привожу полную цитату:

«Потом он хватает Мозесиху пониже спины и волочет за портьеру, и это уже похоже на совсем другое заведение в том же Гамбурге. А я смотрю на эту портьеру, и ужасно мне этого инспектора жалко...»

Впрочем, ей-богу, никакие сокращения здесь ничего не меняют.

104) Брюн выручает инспектора, и сама приглашает «Мозесиху на пляс»:

«причем инспектор рад-радешенек — видно, что за портьерой он прозрел...»

В «Д» инспектор просто «присмирил» (не был он пьяным!)

105—106) В «Ю», «Д» и «Т» эта фраза по-разному сокращена, но сути дела ничто не меняет. Речь идет о госпоже Мозес:

«она ко мне хищно прижимается — ей ведь все равно кто, лишь бы не Мозес...»

107) Ответ на вопрос инспектора о времени. Здесь кокетливее всех «Ю»:

«Ну уж пардон! Часы мне были ни к чему».

Остальные тексты фразу чуть смягчают, заменяя «уж пардон» на «знаете».

110) Эта фраза есть только в «Ю» и «С». Опять же о госпоже Мозес:

«Я же не знаю, какая у нее авария, может быть, вы ей за портьерой весь корсет разнесли...»

113) «Д» отчаянно пытается смягчить речь чада. В его версии на новый вопрос о «Мозесихе» Брюн отвечает: «Нет, она у себя». В других редакциях ответ более полон:

«Нет, она у себя в сухом доке, задевливает проблемы».

Помимо прочего, интересно здесь еще то, что это первое и последнее «морское» высказывание чада. Девушка не похожа на фаната и знатока морского дела, а если она прикидывается «бывалым моряком», то вряд ли единожды за повесть.

115) И, наконец, пропущено в «Ю» и «Д».

«Только и оставалось — от тоски глушилить водку».

Третье и последнее упоминание водки в повести. Забавно, кто же оказался главным алкоголиком.

На этом, в принципе разбор данной главы можно заканчивать. Чисто из педантизма пройдусь по некоторой микроправке текста.

120) Речь заходит о Хинкусе. Согласно «Ю», инспектор говорит:

«вы его еще сначала спутали с Олафом».

Остальные варианты совершенно верно убирают «еще».

124) Теперь говорит чадо. По «Д», «Т» и (чуть иначе) «Ю»:

«я смотрю — Хинкус сворачивает на лестницу...»

«А» и «С» справедливо убирают «последнюю букву алфавита».

131) Последние слова инспектора в этом диалоге. На просьбу Брюн: «А можно, я пойду к дяде?» — инспектор отвечает, по «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет):

«— Идите. Может быть, он убедит вас, что надо говорить правду».

Канонические «А» и «С» меняют «убедит» на «сумеет убедить» и утяжеляют фразу.

133) Согласно «Т», «А» и «С»:

«Хинкус сжимал в руках одну из ножек [сломанного стула]».

Не слишком ли жирно держать ножку стула сразу двумя руками? Кажется, лучше в «Ю» и «Д», где: «Хинкус сжимал в руке...»

135) В «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) Глебски размышляет о поведении Хинкуса:

«Нужно было быть великим артистом, чтобы так играть свою роль».

В «А» и «С» удачно убрано слово «было».

На сем интересные варианты в главе заканчиваются.

Десятая глава начинается с короткого разговора Глебски со Сневаром и непродолжительных размышлений инспектора. В «Ю» эта часть опять сокращена. Представляю самое интересное сокращение:

6 (сокр) «У нас же здесь все-таки не Лувр и не Зимний дворец — у нас здесь «маленький уютный отель на двенадцать номеров; гарантируется полная приватность и совершенно домашний уют»...

Забавны исторические познания инспектора. Ведь даже если иностранец и знает это известное здание в Петербурге-Ленинграде, он, скорее, скажет «Эрмитаж», ибо зимние дворцы есть, видимо, у каждого монарха.

8) Мозес не желает пускать Глебски в свой номер. В «А» и «С» инспектор отвечает на это просто: «Тогда пойдемте в контору».

В «Ю», «Д» и «Т» эта фраза звучала чуть интереснее:

«Тогда пройдемте в контору».

Вот только слово «пройдемте» ассоциируется с «милиционским беспределом». Так что снова не знаю, что выбрать.

10) Мозес издевательски спрашивает, не подозревает ли инспектор в убийстве «меня, Мозеса». Глебски, по «А» и «С», пожалуй, слишком кротко отвечает: «Нет/.../. Упаси Бог». Я не верю, что инспектор здесь говорил правду и что он всерьез клялся Именем Господним. Поэтому лучше, как в «Ю», «Д» и «С»

«— Нет, — сказал я. — Упаси бог».

12 (сокр) Теперь «лишние слова» возникают в речи Мозеса. В «Д» и «Т» (в «Ю» этого отрывка нет) вопрос о пропавших часах приводит его в неодовование:

«— А вы что, /.../ надеялись, что они сами как-нибудь найдутся?»

Эталонные «А» и «С», по-моему, напрасно пишут «сами собой» и «обнаружатся» вместо «найдутся». (И, соответственно, в ответной реплике Глебски «нашли» в «А» и «С» меняется на «обнаружились».)

13) Отповедь инспектору продолжается. Из уст господина Мозеса звучит сакраментальное: «Мне не нравится наша полиция». Вот только ремарки здесь разные. Во всех вариантах эта ремарка стандартна: «заявил Мозес, пристально глядя на меня». Но мне больше нравится версия «Ю»: «немедленно объявил Мозес, уставясь на меня».

14) Нет конца обвинительной речи старого миллиардера. В «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) она звучит так: «весь этот коридор мой /.../ Как вы осмелились нарушать договор?»

«А» и «С» удачно подправило:

«весь коридор мой/.../ Как вы осмелились нарушить договор?»

17) А здесь редактура на пустом месте. Согласно «Ю», «Д» и «Т» Мозес говорит:

«Вы были обязаны спросить у меня разрешение!»

Эталонные «А» и «С» меняют последнюю букву фразы на «я». Интересно, откуда они узнали? На слух это неразличимо, а писать, по-моему, можно и так, и так.

18) Наконец-то вступает в дело «Д». Согласно этому варианту, Глебски понимает, что Мозес «перепутал меня с хозяином». Остальные тексты добавляют:

«с пьяных глаз перепутал меня с хозяином».

19 (сокр) Мозес произносит речь, упивается своими словами и «растягивает удовольствие». В «Д» и «Т» (в «Ю» этих фраз также нет), миллионер спрашивает о человеке, которого поселили в его номере: «Или он тоже вор?» — а на отрицательный ответ инспектора негодует, почему его сторожит «гнусный пес». «А» и «С» удачно удлиняют эти фразы:

«Или он тоже какой-нибудь вор? /.../ Почему /.../ его сторожит /.../ омерзительный пес?»

21) Мозес перечисляет, чего он не терпит. В «Ю», «Д» и «Т» этот список более короткий:

«Я не привык ко всем этим покойникам, собакам, божедомам, обвалам...»

Канонические же «А» и «С» добавляют: «и нищебродам». В принципе, я не вижу разницы между «божедомом» и «нищебродом». Впрочем, в запальчивости человек и не то может сказать.

26) Снова удачное добавление. Речь Мозеса в «Ю», «Д» и «Т» заканчивается просто: «сказал он и поднялся». В «А» и «С» интереснее:

«сказал он нравоучительно и поднялся».

33) А здесь «А» и «С» изменяют и сокращают новую отповедь Мозеса, и напрасно, ибо в «Ю», «Д» и «Т» она звучит красиво и чуть старомодно:

«если дело идет о женщине, о супруге, сударь, о супруге Мозеса, Альберта Мозеса, инспектор!»

37) В «Ю», «Д» и «Т» Мозес соблаговоляет, наконец, ответить на вопрос: «...когда вы с госпожой Мозес покинули столовую». Но и сейчас он не удерживается от ехидства:

«мы с госпожою Мозес...»

Эталонные же «А» и «С» этот сарказм убирают и пишут просто: «мы с госпожой Мозес...»

43) А здесь господин Мозес говорит слишком книжно:

«Вернувшись в свой номер, я...»

Я предпочитаю «Ю» и ее разговорный язык:
«А дальше я вернулся в свой номер...»

50) Еще одна филиппика. Миллионер разоблачает замыслы инспектора, которые, согласно «Ю», «Д» и «Т», направлены против «чести достоинства, имущества, а также физической безопасности Мозеса, сударь, не какого-нибудь пса...»

«А» и «С» усугубляют эту инвективу:

«не какого-нибудь мерзкого пса...»

53) Наконец, Глебски оправдан. Но как оправдан? В «Ю», «Д» и «Т» Мозес говорит так: «смешно — приписывать такой мелкой личности столь

хитроумные замыслы». Обидно? Разумеется. Впрочем, в «А» и «С» еще обиднее:

«смешно — приписывать такой обыкновенной личности...»

57) Подает голос госпожа Мозес. И говорит, по «Ю», «Д» и «Т», совершенно невпопад: «Чудная ночь, не правда ли? Сколько поэзии!» А после добавления одного слова в «А» и «С» супруга миллионера впридачу и фальшивит:

«Сколько поэзии!.. Луна...»

59) От такого поведения свидетелей инспектор тихо бесится. Согласно «Ю», «Д» и «Т», он ругается: «Хватит, подумал я. К черту». В «А» и «С» ругается еще крепче:

«К чертовой матери».

65) Госпожа Мозес вспоминает, что видела на лестничной площадке Брюн и Олафа. В «Ю», «Д» и «Т» слова стандартные: «Они стояли, держась за руки, и очень мило беседовали». В «А» и «С» маленько, но точное изменение:

«и очень мило ворковали».

67 (сокр) Теперь инспектор понимает причину заминки в словах чада. Согласно «Ю», «Т» и (с небольшой вариацией) «Д» дело было так. Чадо:

«не успело ничего сообразить, а потому принялось врать, надеясь, что пронесет».

Фраза и так занудная, но в «А» и «С» ее еще «перекрутили»:

«потом принялось врать в надежде, что как-нибудь да пронесет».

По-моему, это уже слишком.

70 (сокр) Госпожа Мозес признается, что рассказала все это только из-за убийства, потому что она, как пишут «Ю» и «Д» и (с маленьким изменением) «Т»: «я должна, я вынуждена быть вполне откровенной...» Не слишком ли велеречиво? Все-таки госпожа Мозеса, в отличие от своего мужа, говорит конкретно, а не вещает. Поэтому лучше, как в «А» и «С»: «я обязана быть вполне откровенной...»

75) Еще один ляп на тему слишком доверительных отношений. В «Д» госпожа Мозес обращается к мужу: «Не сердись, Мозес». В остальных вариантах все по «высшему политетесу»:

«— Не сердитесь, Мозес».

79) Идет описание шубы Хинкуса, которого также видела госпожа Мозес. В «Ю» все просто:

«Какая-то кошмарная шуба...»

В «Д» и «Т» добавлено:

«Какая-то кошмарная шуба... как это называется... тулуп!»

«А» и «С», видимо, решили, что «тулуп» — словно не ругательное, и отредактировали:

«как это называется... овчина!»

И быть по сему.

82) Снова находится место для приложения «Д» своего редакторского пера. В этом варианте жена миллионера признается:

«я чувствовала себя возбужденной».

Но почему? Отвечают тексты «Т», «Д» и «С» (в «Ю» этой фразы нет):

«вероятно, выпила немного больше, чем следовало...»

Интересно, а почему в «Д» героиня была возбуждена? Неужели ждала Симонэ?

87) А вот господин Мозес и здесь находит повод вставить свое веское словечко. На вопрос, заданный его жене о шуме, он отвечает, что ничего не слышал и далее, по «Ю»: «Если не считать отвратительной возни, поднятой этими господами...» В остальных вариантах миллионер еще более красноречив:

«отвратительной возни, поднятой этими господами вокруг нищеброда...»

89) Глебски устал от голоса миллионера, но все еще пытается иронизировать. По «Д»: «Господин Мозес зарычал совсем как Лель...» А в «А», «С» и, с небольшими изменениями, в «Т» (в «Ю» этой фразы нет) говорится:

«Господи Мозес зарычал — совсем как рассерженный Лель...»

91, 92) А сейчас госпожа Мозес рассказывает о своем путешествии на крышу. В этот рассказ «А» и «С», в сравнении с другими вариантами добавляют два слова. Сначала во фразе:

«увидела вдруг перед собой дверь, какие-то доски...»

Слово «какие-то» здесь, по-моему, уместно. Но чуть ниже лучше в «Ю», «Д» и «Т»:

«я даже не сразу поняла, куда попала...»

И без второго «я» можно легко обойтись.

98, 99) Глебски размышляет над словами госпожи Мозес. В «Ю», «Д» и «Т» написано: «Либо она спала мертвым сном, и тогда непонятно, почему она проснулась и почему она врет, что почти не спала». «А» и «С» прескокойно обходятся без третьего «она»:

«почему врет, что почти не спала».

Но в следующей фразе уже «А» и «С» выражаются слишком книжно: «Либо она не спала, и тогда непонятно, почему она не слышала ни обвала, ни возни в соседней комнате». Мне по душе более разговорный вариант, предложенный «Ю», «Д» и «Т»:

«почему она не слышала обвала и возни в соседней комнате».

102) «Д» находит новое основание для вмешательства. «Слишком много сумасшедших в этом деле, — вяло думает инспектор, и на этом в «Д» сентенция заканчивается. В остальных же текстах мысль инспектора развита:

«Сумасшедших, пьяных и дур».

104) А чуть ниже «Д», пожалуй, право. Инспектор ругает себя за то, что слишком много возится, по «Т», «А» и «С» (в «Ю» этой фразы нет): «со старым алкоголиком Мозесом...» «Д» смягчает фразу: «со старым полуумным Мозесом...»

И дело здесь даже не в том, что, строго говоря, Мозеса нельзя назвать алкоголиком (никто ведь не знает, что он пьет из своей знаменитой кружки). Просто инспектор по тексту не раз и не два обзывает его «пьяницей» и «алкоголиком», можно бы и «разнообразить меню».

Последний эпизод главы, начало беседы Глебски с Алеком Сневаром.

109) Последнее (в этой главе) занудство Глебски. Хозяин начинает разглагольствовать о не-применимости критериев логики к данным конкретным обстоятельствам, и инспектор, по «Ю», «Д» и «Т», горько и бессильно спрашивает: «Это ваше ощущение?»

В эталонных же «А» и «С» он находит в себе силы поныть:

«Это и есть ваше ощущение?»

112) Еще одно лишнее слово. Алек в «А» и «С» предлагает: «А хотите, я сейчас расскажу вам...»

Он вряд ли рассчитывает на ответ: «Нет, чуть попозже, пожалуйста». Поэтому правы «Ю», «Д» и «Т», которые обходятся без слова «сейчас».

113) О чем же хочет рассказать хозяин? Вот о чем (по всем текстам):

«что именно почудилось нашему великому физику?»

И только «Ю» верна себе:

«нашему сумасшедшему физику?»

114) А вот дальше по вопросу «кто и что сделал» в текстах большие расхождения. Проще всего с «Ю». У него и дальше вместо «великого физика» идет «сумасшедший физик». А вот что сделал:

«Д» (скромно потупя глазки): «вошел к госпоже Мозес...»

«Т» (откровеннее): «полез в постель к госпоже Мозес...»

«Ю», «А» и «С» (совсем прямо): «залез в постель к госпоже Мозес...»

Вообще, если честно, ни в какую постель Симонэ не залез: «Я даже поцеловать ее не успел!» Поэтому ближе всех к истине вариант «Т».

Конец главы.

Одннадцатая глава начинается с моих любимых лишних слов.

3) Разговор хозяина и Глебски продолжается. Хозяин говорит, согласно «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет):

«Впрочем, это ясно было по вашему обалделому виду, Петер».

«А» и «С» добавляют два, по-моему, лишних слова «и так».

4, 8) «Д» снова дает уроки хорошего тона. Глебски перебивает хозяина: «Помолчите». Во всех остальных вариантах инспектор более резок (и человечен):

«Заткнитесь».

И чуть ниже снова:

«Т», «А», «С»: «Я вам сказал: заткнитесь».

В «Ю» этой фразы нет, а «Д» настаивает на «помолчите».

10–12) Первая вставка в «Ю», которой во всех остальных вариантах нет (точнее ограничивается одним словом «Значит,») Вставка начинается после слов хозяина «тогда конечно»:

«Тогда я сейчас принесу вам кофе и расскажу о некоторых своих ощущениях.

Пока он ходил за кофе, я лежал в кресле с закрытыми глазами и думал, можно ли мне временно на-плевать на все это и поспать часа три. Потом запахло кофе, и хозяин сказал: «Прошу». Я взял чашку, отхлебнул и покосился на него. Он уже сидел в своем кресле и тоже держал в руке дымящуюся чашку — широкий и кряжистый. Того и гляди, заговорит глухим голосом.

— Выкладывайте, — сказал я.
— Значит, так, — сказал он. — Как я понимаю, мне надлежит сейчас ответить на вопрос:»

13) А вопрос вот такой. Скромнее он, как всегда, звучит в версии «Д»: «что видел господин Симонэ в комнате госпожи Мозес...»

В «Ю» и «Т» вопрос более фриволен: «... в спальне госпожи Мозес...» — что, видимо, верно, хотя из сумбурного рассказа Симонэ сложно это понять.

«А» и «С» дают маленькую, но точную поправку: «что увидел господин Симонэ...»

15(сокр) Видимо, как компенсация за лакуну, здесь в «Ю» о Сневаре сказано коротко:

«Он отпил кофе и с наслаждением подвигал губами».

В остальных вариантах подлиннее. В «Д»:
«Он сидел в своем кресле, широкий, кряжистый, невыносимо довольный собой».

А в «Т», «А» и «С» добавлен еще один эпитет «жовиальный» — и снова мне работа, ибо даже в «Словаре Даля» этого слова нет.

23) Хозяин начинает произносить длинную речь о существовании зомби, но Глебски опять его перебивает. Начнем со второй фразы.

«Ю»: «Понимаю: вы репетируете свою речь перед газетчиками».

«Д» и «Т»: «Все понятно: вы репетируете...»

«А» и «С»: «Я понимаю: вы...»

Пожалуй, лучше здесь эталонные «А» и «С», ибо лишний раз сказать «я» человеку приятно.

24) Следующая фраза инспектора:

«Ю»: «Но меня-то все это не касается».

«Д» и «Т»: «Но мне все это неинтересно!»

«А» и «С» (чуть-чуть изменив фразу в сторону «Ю»): «Но мне-то все это неинтересно!»

Но что ему «неинтересно», Глебски уже говорил. Поэтому мне больше нравится более разнообразный вариант «Ю».

25) А теперь из «Ю» убираются лишние слова. По «Ю», инспектор говорит: «Вы обещали мне рассказать что-то интересное насчет госпожи Мозес и Симонэ».

В остальных текстах короче и яснее:

«Вы обещали рассказать что-то насчет госпожи Мозес и Симонэ».

28) Снова в «Ю» длинновато: «Некоторое время он [Сневар] смотрел на меня грустными глазами». В остальных вариантах сказано короче:

«Некоторое время он грустно смотрел на меня».

31) А теперь лишние слова есть не только в «Ю», но и в «Д» и «Т». По этим редакциям, хозяин соглашается: «Пусть будут одни факты без теории». В «А» и «С»:

«Пусть будут факты без теории».

36) И, наконец, в «Ю», «Д» и «Т»:

«бедняги измучились, затащив этот сундук в дом».

Эталонные же «А» и «С» правильно убирают слово «этот».

38) А теперь лучше написано в «Ю», «Д» и «Т»
«Я слыхал о миллионере, который повсюду таскал за собой коллекциюочных горшков».

«А» и «С» зря добавляют «свою». А что, можно повсюду таскать за собой чужую коллекцию?

42) Теперь «Д» скромничает совсем на пустом месте. Инспектор рассуждает о том, что случилось с Симонэ. Быть может, полагает он, Мозес заметил ухаживания великого физика за своей женой и, согласно «Д»:

«подсунул ему эту самую куклу...»

В остальных текстах чуть откровеннее:

«подсунул ему вместо жены эту самую куклу...»
Впрочем, чего здесь смущаться, не понимаю.

48) Опять самый полный вариант представляет вариант «Ю». Глебски недоумевает, зачем хозяину:

«это нужно — крутить мне голову, забивать мне мозги всей этой африканской чепухой?»

В остальных же текстах слова «крутить мне голову» отсутствуют, а фраза, ей-богу, получилась хорошая.

51) А вот здесь опять возникает лишнее слово. В «Ю», «Д» и «Т» инспектор выговаривает Сневару:

«Вы мне мешаете, Алек. Сидите здесь, а я пойду в каминную».

Эталонные же «А» и «С» добавляют смягчающее выговор слово «пожалуй». Но эта вежливость все же затягивает фразу...

53 (сокр) В ответ на почти приказы Глебски хозяин, по «А» и «С» отвечает: «надо — значит надо». В «Ю», «Д» и «Т» опять короче и лучше: «надо так надо, — сказал хозяин».

Инспектор начинает размышлять, и уже «А» и «С» убирают лишние слова.

56) Если в номере госпожи Мозес была кукла, недоумевает инспектор, то, согласно «А» и «С»:
«где была сама госпожа Мозес?»

В «Ю», «Д» и «Т» во фразе значится лишнее «же».

59) К тому же, по-прежнему не понимает инспектор, если Мозесы хотели напугать или разыграть Симонэ, то, по «А» и «С»:

«Все это можно было устроить без всякой куклы...»

В «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) стоит лишнее «бы».

63) А чтобы просто отвлечь физика, рассуждает Глебски, согласно «А» и «С»:

«достаточно было самой госпожи Мозес».

В остальных вариантах еще одно лишнее «бы».

64) Однако, уже в следующей фразе «А» и «С» добавляют лишнее слово «отвлечь». Ведь «Ю», «Д» и «Т» и так все прямо излагают:

«Это был бы самый естественный и надежный способ».

66) Здесь уже дополнительное слово придает фразе разные значения. Инспектор рассуждает:

«Ю», «Д» и «Т»: «Ни снизу, ни справа, ни слева к окну подобраться было нельзя».

«А» и «С»: «/.../ к окну подобраться нельзя».

«Ю», «Д» и «Т» имеют в виду, что нельзя подобраться, не оставив следов, а следов не было, и именно поэтому «нельзя было подобраться». «А» и «С» же говорят о том, что нельзя подобраться в принципе, что, по-моему, маловероятно. Что мешает человеку залезть снизу в окно, например, по веревке? Или с помощью альпинистских приспособлений? Так что мне больше по душе варианты «Ю», «Д» и «Т».

67) «Д», а вслед за ним и «Т», сокращает вывод Глебски о единственном возможном способе убийства: «Теперь уже ничего больше не остается, кроме Карлсона». Отгадайте, что написано в «Ю», «А» и «С»? Правильно:

«кроме Карлсона с пропеллером в заднице».

68) Забавная опечатка в «А». В остальных версиях этот самый Карлсон просто: «Влетел, свернул соотечественнику шею и вылетел...» Согласно «А», он «Взлетел...» Как мне кажется, так стало даже забавнее.

69 (сокр) Снова лишние слова в «А» и «С». У инспектора осталось всего две версии, и далее, по «Ю», «Д» и «Т»:

«Оба предположения указывают прямо на владельца дома...»

И зачем «А» и «С» добавлять «между прочим» да еще рядом со словом «прямо»?

74) Еще забавная опечатка в «Т». Глебски вспоминает, что около десяти вечера он слышал стук. Далее по «Т»:

«Дю Барнстокр /.../, возможно, проснулся именно от этого стука».

Для хорошего человека лишней буквы «н» не жалко!

78(сокр) Инспектор снова допрашивает чадо. В «А» и «С» все просто:

«я сел напротив и сказал...»

«Ю», «Д» и «Т» совершенно зря добавляют «нее».

84) Брюн понимает, что последняя видела Олафа живым, ее губы дрожат, глаза то и дело наполняются слезами. И вот как она рассказывает о своей встрече с Олафом, по версии «А» и «С»: «Я чуть не грохнулась». Она что не понимает, как бес tactны эти слова, или нормальным языком говорить не умеет? Понимает, умеет и в «Ю», «Д» и «Т» говорит правильно:

«Я едва не упала...»

85 (сокр) Свидание с Олафом закончилось для чада неудачно, и поэтому она... Короче всех выражается «Ю»: «сразу пошла к себе...» Чуть длиннее, но совершенно невнятна «Д»: «сразу пошла к себе и заперлась...» А в ином случае Брюн остановила бы дверь нараспашку? «Т», «А» и «С» выражаются гораздо понятнее:

«сразу пошла к себе и напилась...»

Но даже здесь остаются вопросы. Бутылка в номере у Брюн всего лишь «почата», то есть девушка выпила 100—150 грамм. Достаточно ли это, чтобы напиться? Впрочем, скорее всего, чадо по молодости преувеличивает.

93—94) Вопрос инспектора и ответ чада звучат по-разному.

«А» и «С»: «— Меня интересует, что пил Олаф.
— Ничего. Мы не пили — ни он, ни я».

«Ю», «Д» и «Т»: «— Меня интересует, пил ли что-нибудь Олаф.

— Нет. Ни он, ни я — мы не пили».

В неэталонных вариантах вопрос инспектора гораздо конкретнее (полицейский должен выражаться четко и вряд ли он стал бы брать девушку «на пушку»). А ответ Брюн более сумбурен, что тоже по-человечески понятно. Так что мне больше по душе именно редакции «Ю», «Д» и «Т».

103, 104) Две удачные редакторские правки. В «Д» и «Т» Глебски спрашивает девушку: «А вы уверены, что он кинулся от вас к окну?» «Ю», «А» и «С» добавляют:

«что он кинулся от вас именно к окну?»

И снова вопрос стал более четок.

В ответе же чада есть, казалось бы, незначительная разница:

«Д»: «— Ну, как вам сказать...»

Остальные тексты: «Н-ну, как вам сказать...»

И тем не менее... Ведь последние слова инспектора были «к окну», и если в ответ звучит просто

«ну», то получается паразитный каламбур, и редакторы правильно от него уходят.

106) А дальше в ответе опять возникают лишние слова.

«Ю»: «я просто в комнате ничего не видела, кроме окна...»

Все ясно, и дополнительное «больше», имеющееся в остальных вариантах, совершенно ненужно.

107 (сокр) На вопрос о посторонних шумах Брюн отвечает, что сперва слышала какие-то звуки, и далее в «Д»:

«А больше ничего».

«Т», «А» и «С» (в «Ю» этой фразы нет) напрасно добавляют «не было».

111) Снова очень маленькая редактура и интересная разница. Ошарашенный услышанным дю Барнстокр говорит инспектору, согласно «Ю», «Д» и «Т»:

«Вы, конечно, понимаете, что я понятия не имел...»

«А» и «С» чуть редактируют: «я и понятия не имел...» и сразу превращают экспромт в отрепетированную речь. Вот только в задуманной речи вряд ли опытный оратор поставил бы рядом «понимаете» и «понятия», поэтому это все-таки экспромт и правы «Ю», «Д» и «Т».

113) Глебски читает мораль старому фокуснику. «Дети растут, дю Барнстокр». А дальше по-разному. В «Д» и «Т» очень скруто:

«Все дети».
В «А» и «С» несколько формально:
«Все дети. В том числе и дети покойников».
Мне больше по душе версия «Ю»:
«Все дети, даже дети покойников».

116 (сокр) Инспектор спрашивает хозяина, когда может прийти помочь. Алек Сневар несколько уклончиво и, по «А» и «С», сухо отвечает: «им сначала нужно узнать откуда-то про сам факт обвала...» С литературной точки зрения лучше версия «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет):

«им сначала нужно узнать про обвал».

А вообще-то, так как в отель каждый день кто-то завозит продукты (ведь и хозяин, и Кайса для этого слишком заняты), то это про обвал в городе узнают, скорее всего, уже следующим (то есть сегодняшним) утром.

И еще одна забавная лакуна в «Ю»:

«— Передатчика у вас нет?

— Ну, откуда? И главное, зачем? Это мне не выгодно, Петер».

А иметь винный погреб объемом более ста бутылок хозяину выгодно? Увы, авторы, кажется, подгоняют сюжет под ответ...

119) Снова в «Ю» все сказано коротко и ясно:
«Чердака нет, между крышей и потолком едва руку просунешь...»

Добавленное же слово «в пространство» в остальных вариантах лишь удлиняет фразу.

127 (сокр) И напоследок еще маленькое слово с большими последствиями. Инспектор рассуждает:

«Ю», «Д» и «Т»: «всегда лучше выглядеть добросовестным болваном, чем блестящим, хватающим вершки талантом».

«А» и «С»: «чем блестящим, но хватающим вершки талантом».

Маленькое «но» превратило фразу из иронической в занудную. По мне, так пусть лучше инспектор пошутит. Позанудствовать он всегда успеет.

Двенадцатая глава содержит меньше всего вариантов. Но они и там есть.

3) Во всех вариантах от «Д» до «С» довольно забавная фраза. Луарвик один свой глаз закатил под лоб, «так что его почти не стало видно». Кого «его»: глаз или лоб? Оба ответа, помимо, одинаково абсурдны. Поэтому лучше сказано в «Ю»:

«так что на виду остался один белок».

13) Неточность в «Д» и «Т»: «бурчал Мозес, вытесненный в коридор». Так в этот момент инспектор только закрывал дверь, то лучше написано в «Ю», «А» и «С»

«бурчал Мозес, вытесняемый в коридор».

19) В эталонных «А» и «С» Глебски напирает на Луарвика: «Рано или поздно вам обязательно придется рассказать все». Но из контекста: «Олаф Андварафорс мертв. Его убили. Я расследую убийство. Ищу убийцу» — следует, что Глебски не дает, а все объясняет своему собеседнику, как ребенку. Поэтому лучше более разговорный оборот, используемый в «Ю», «Д» и «Т»

«Рано или поздно вам все равно придется рассказать все». (Несмотря на два «все» подряд.)

23) Маленькая черточка, обозначающая нечеткую речь Луарвика. В «Ю» он говорит слишком правильно: «Я хочу надеть одежду». В остальных же текстах:

«Я хочу одеть одежду».

(Аналогично чуть ниже Луарвик скажет не «я надел», а «я одел».)

28) Маленькая полемика между редакциями. Пока Луарвик одевается, инспектор смотрим на восходящее солнце и, согласно «Ю», «Д» и «Т»: «на чистую темную синеву неба». «А» и «С» же, по-моему, логично предполагают, что раз солнце уже всходит, значит, небо светлое, и соответственно Глебски смотрит:

«на чистую синеву неба».

33) В версиях «Ю», «Д» и «Т» инспектор говорит: «Ваши ботинки еще не высохли». Но ведь на Луарвике были «модельные туфли». Поэтому «А» и «С» поправляют:

«Ваши туфли еще не высохли».

38 (сокр) В «Ю» этой фразы нет, а в «Д» и «Т» она звучит очень странно: «меня вдруг ослепила на мгновение дивная мысль...» «А» и «С» правильно ее редактируют:

«меня вдруг осенила на мгновение...»

40) Луарвик торопится войти в комнату к Олафу Андварафорсу. Так торопится, что на пороге:

«А» и «С»: «Луарвик довольно чувствительно толкнул меня между лопаток».

«Ю», «Д» и «Т»: «Луарвик довольно чувствительно ткнул меня в поясницу».

В «А» и «С» Луарвик толкается рукой или плечом и явно намеренно. В «Ю», «Д» и «Т» он, о чем Стругацкие сообщают с необычной для себя скромностью, дал инспектору под зад коленом, и, скорее всего, нечаянно, из-за плохой координации. Мне больше нравится этот вариант.

41, 42) Луарвик осматривает труп и удивляет инспектора своим «профессионализмом». По «Ю» Глебски констатирует: «С совершенно равнодушным лицом он остановился над трупом». Зачем же так конкретно? Не только же в лице дело. Остальные тексты верно поправляют:

«С совершенно равнодушным видом...»

А чуть ниже «А» и «С» слишком уж сгущают краски: «Ни брезгливости, ни страха, ни благовения — деловой осмотр». Луарвик все же не врач и не служитель морга. Поэтому более подходят варианты «Ю», «Д» и «Т»:

«... деловитый осмотр».

52) И, наконец, предпоследняя фраза главы, которая меня немного удивила. В «Ю», «Д» и «Т» она звучит так: «Во рту было такое ощущение, как будто я много часов подряд жевал сырую вату». «А» и «С» еще кровожаднее: «жевал сырое сукно» (вата — она хотя бы мягкая).

Какой необычный опыт у господина инспектора!

Начиная с тринадцатой главы, действие постепенно разворачивается. И работы — ура! — прибавляется.

3 (сокр) На сей раз лишнее слово выявлено. Итак, Лель мешает инспектору спать, Глебски мысленно ругается, но тут «взгляд мой упал на столик, и я замер». И далее в «А» и «С»:

«На блестящей лакированной поверхности, рядом с бумагами и счетами хозяина, лежал огромный пистолет».

Все четко, и никакого второго «столика», как то было в «Ю», «Д» и «Т», не нужно.

5(сокр.) Что же это за пистолет? Здесь «Ю» расходится с остальными редакциями. По «Ю»: «Это был парабеллум...» В остальных вариантах (с небольшими различиями):

«Это был люгер калибра 0,45...»

И далее по всему тексту в «Ю» — парабеллум, в «Д», «Т», «А» и «С» — люгер.

7) А это для меня загадка. Пистолет облепляют «комочки нерастаявшего снега». И вот:

«Ю»: «один комочек сорвался со спускового крючка...»

«Д», «Т», «А» и «С»: «один комочек сорвался с курка...»

Я в оружейном деле полный профан (помню только, как один критик Окуджаву ругал, что он курок со спусковым крючком перепутал). Что все-таки есть у люгера? А у парабеллума? Знатоки, ответьте, пожалуйста!

8) Зануда инспектор продолжает нудить. Особенно, в «А» и «С»: «Из кухни доносились обычные кухонные звуки...»

«Думатель будет думать», так, что ли? Пусть лучше, как в «Ю», «Д» и «Т»:

«Из кухни доносился звон кастрюль...»

18) И еще один пример на ту же тему. Глебски находит место, где лежал этот «черный пистолет», и делает вывод: «пистолет зашвырнули сюда либо с дороги, либо из отеля». И далее в «Ю», «Д» и «Т» все просто:

«И это был хороший бросок».

В «А» и «С» инспектор снова ноет:

«И это в любом случае был хороший бросок».

За что его так?

22) А здесь, наоборот речь Глебски от варианту к варианту более естественна. Значит, «Хинкуса надо было трясти поосновательней...» И затем: «Ю»: «как это умеет делать старина Згут».

«А»: «в манере старины Згута».

«Д», «Т» и «С»: «на манер старины Згута».

Не безнадежен еще инспектор!

24) Забавный пример метаморфозы ругательства. В «Ю», «Д» и «Т» вариант, видимо, 60-х годов: «разбудить этого сукиного сына и вытрясти из него душу...» В «А» и «С» современный вариант: «разбудить этого сукина сына...»

26) Еще один редакторский пример диалектической триады:

Теза (»Ю» и «Т»): «дела Олафа и Хинкуса связаны между собой...»

Антитеза (»Д»): «дело Олафа и Хинкуса связано между собой...»

Синтез (»А» и «С»): «дело Олафа и дело Хинкуса связаны между собой...»

«Мы диалектику учили не по Гегелю», а по Стругацким!

28) Отрывок в «Д» и «Т» (в «Ю» этих фраз нет) немного сбивчив, так как это размышления. Речь идет о Хинкусе:

«Почему его противник пользовался исключительно гуманными средствами борьбы — донос, плenение?.. Впрочем, Хинкус, видимо, наемный человек...»

Все равно длинновато, не правда ли? То ли еще будет в «А» и «С»:

«Почему его противник пользовался такими исключительно гуманными средствами борьбы, как донос и плenение?.. Впрочем, это как раз было бы нетрудно объяснить, Хинкус...»

Ну и зачем такая «железобетонная» конструкция?

29 (сокр) Приходит хозяин и предлагает инспектору поесть. В «Ю», «Д» и «Т» еда описано довольно кратко:

«громадный сочный бутерброд с ветчиной».

В «А» и «С» несколько подробнее:

«громадный треугольный бутерброд со свежей ветчиной».

И теперь для меня загадка: откуда в отрезанном отеле взялась «свежая ветчина»?

30) Короче всех данная фраза в «Д» и «Т»: «Пока я жевал, он разглядывал меня...» Чуть подробнее в «А» и «С»: «Пока я торопливо жевал...» Но самая полная и самая мне понравившаяся — в «Ю»:

«Пока я жевал и глотал, он внимательно разглядывал меня...»

38) Бедный, несчастный инспектор! По «А» и «С», он рассуждает, «как сказал какой-то писатель, по-

ту сторонний мир — это ведомство церкви, а не полиции...»

Так и выясняется, что Глебски уже Конан Дойля и его знаменитую «Собаку Баскервилей» забыл. А еще инспектор, а еще бляху надел!

Более же ранние варианты «Ю», «Д» и «Т» милосерднее к Глебски:

«как сказал один писатель...»

То есть писателя он прекрасно знает, просто называть его сейчас не время. И не место.

39) Теперь удачное уточнение. В «Ю» сказано:

«Посреди холла, весь какой-то корявый и неестественный, торчал покосившимся столбом господин Луарвик Л. Луарвик».

Если «корявый», то почему торчал «столбом»? Точнее и лучше — в остальных редакциях:

«торчал покосившимся чучелом господин Луарвик Л. Луарвик».

40) И сразу еще одна поправка. В «Ю», «Д» и «Т» Луарвик «быстро заковылял мне навстречу и загородил дорогу». Но если двигался навстречу, то и дорогу загораживал с самого начала... Все объясняют «А» и «С»:

«он быстро заковылял мне наперерез и загородил дорогу».

46) Маленькая победа пуритан из «Д»: Я привел его в свой номер и, присев на край стола, сказал...» С подачи «Д» так эта фраза сохранена и в «Т», и «А», и даже в «С». И только «Ю» в гордом одиночестве настаивает на своем:

«присев на край оскверненного стола, сказал...»

57) Один эпизод допроса в «Ю» не такой, как в остальных вариантах. В «Д», «Т», «А» и «С» (с не-значительными вариациями) муссируется «шведская тема» от слов: «— Но вы мне уже сказали, что вы швед» — и до: «надо скорее чемодан». Текст «Ю», на мой взгляд, интереснее:

«— Откуда вы сюда приехали? Из какого города?
— Из города рядом. Не знаю названия. Меня проводили.
— Кто?
— Не знаю. Секретно. Тоже изгнанники.
— Вы хотите сказать, что вы член тайного общества?
— Не могу сказать. Честь. Надо скорее. Можно погибнуть».

63) Забавная опечатка в «Ю». На вопрос, что он сделает с этим «опасным чемоданом», Луарвик, согласно остальным текстам, довольно разумно отвечает:

«Увезу подальше. Попробую разрядить. Если не сумею, убегу. Пусть лежит там».

В «Ю» последняя фраза звучит, как:

«Пусть лежит сам».

И чемоданы должны быть самостоятельны!

64) Инспектор предлагает подвезти Луарвика с его чемоданом (напоминаю, что машина самого Луарвика «застряла в лавине»). В «Ю» Глебски говорит просто: «У меня хорошая машина». В остальных же вариантах добавляет:

«У меня хорошая машина марки «Москвич».

И хотя Борис Натанович несколько раз цитировал, что шведы действительно закупили партию

«Москвичей» для своей полиции, но, во-первых, действие повести происходит явно не в Швеции (Олаф и Карлсон названы «соотечественниками»), во-вторых, это далеко не первый «русский след»...

70) Уговаривая инспектора продать чемодан (раз не смог получить его даром), в «Ю» Луарвик по-своему красноречив:

«— Я даю деньги, много денег. Вы не на работе, вы в отпуске. Вы нашли чемодан, я его купил. Все».

Здесь, кстати, единственный на все версии раз упоминается, что инспектор, по сути дела, узурпировал власть в отеле.

В остальных же вариантах (и это логично) нет фразы про отпуск, и Луарвик выражается гораздо наивнее:

«Вы даете мне чемодан. Никто не узнает, все довольны».

72) В эпизоде, когда Глебски и Луарвик разговаривают о деньгах, версия «Д» «потеряла» половину «тире». Привожу один маленький пример:

«Сколько здесь денег? спросил я».

И так далее, и тому подобное.

81(сокр) Подкуп должностного лица не удался. Глебски зовет хозяина и, согласно «Ю», «Д» и «Т», «в его присутствии пересчитал деньги и написал акт». И только версии «А» и «С», видимо, более юридически подкованные, уточняют:

«и написал протокол».

И далее этот акт/протокол подписывает хозяин, и инспектор кладет его себе в карман.

82) Так как и авторы, и герой повести понимают, что все познается в сравнении, Глебски не только называет сумму денег, но и уточняет:

«Ю», «Д» и «Т»: «мое жалование за десять лет беспорочной службы...»

«А» и «С»: «мое жалование за восемь лет беспорочной службы...»

Инфляция, однако!

84) Маленькое, но забавное изменение. Дабы Луарвик подписал «протокол», инспектор в «Ю», «Д» и «Т» протягивает ему просто «ручку», а согласно «А» и «С» — уже «авторучку». Вот она, незримая поступь научного прогресса в массах.

91) И еще одно небольшое добавление. Глебски вспоминает все о постояльцах отеля и среди прочего, что, как утверждают «Ю», «Д» и «Т»: «дю Барнстокр, орудуя вилкой, всегда отставляет мизинец...» «А» и «С» предлагают лучший вариант: «элегантно отставляет мизинец...»

92) Версии «Ю» и «С» здесь несколько забавны: «Во всей этой навозной куче я обнаружил только две жемчужины». А надеялся отыскать целое ожерелье? По-моему, для «навозной кучи» и одна жемчужина — истинная удача. «Д» снова впадает в пуританство, да еще допускает опечатку: «Во всей это мусорной куче я обнаружил две жемчужины». (Почему-то вспомнилось, что у великой Астрид Линдгрен тоже были заморочки с этим злосчастным словом.) Лучший же вариант предлагают «Т» и «А»:

«Во всей этой навозной куче я обнаружил две жемчужины».

93) Итак, снова события конца третьей главы. Только что прибывший в отель Олаф «стоял посередине холла и оглядывался» и далее, по «А» и «С», «словно ожидал торжественной встречи». Но инспектор здесь соображает логически, и ирония несколько неуместна. Поэтому лучше «более занудный» вариант, предложенный «Ю», «Д» и «Т»:

«словно ожидал, что его встретят».

97) Теперь Глебски вспоминает события конца четвертой главы, когда он обнаружил Мозеса рядом со своим номером за пять минут до того, как, утверждают «Ю», «Т», «А» и «С»:

«нашел у себя на загаженном столе записку на счет гангстера и маньяка...»

«Д» же верна себе и в который уже раз вымарывает слово «загаженный». Кстати, а само событие ничего не значит, ибо инспектора не было продолжительное время.

100) Небольшая лакуна в «Ю», которая меня удивляет:

«Ведь о Брюн никак нельзя было сказать, что она видела двойника Хинкуса: она видела только шубу Хинкуса, а кто был в этой шубе, неизвестно».

Я не вижу никакой разницы между описаниями лже-Хинкуса Брюн и госпожой Мозес (которую инспектор таким образом уличает во лжи). Впрочем, желающие могут сами перечитать, например, 110 и 119 страницы «Сталкера» и сравнить показания чада и госпожи Мозес, а по мне, авторы, увы, вновь «подгоняют под ответ».

103) И напоследок грамматическая задачка. В «Ю» этой фразы нет, а в остальных редакциях Глебски размышляет:

«Д» и «Т»: «в надвигающЕйся схватке неплохо было бы обзавестись союзником...»

«А» и «С»: «в надвигающЙся схватке...»

Моя интуиция и мой компьютерный словарь говорят, что правы редакции «Д» и «Т». А что думаете вы?

Действие кульминационной четырнадцатой главы поначалу течет до невозможного медленно. И разночтения... Снова «Ю» пропускает фразы, «Д» из «сандвичей» делает «сэндвичи», а также меняются знаки препинания...

6) Глебски входит в столовую и видит Кайсу. В «Д», а затем по эстафете в «Т» и «А» фраза о Кайсе сильно редуцирована: «Я поздоровался с нею и выбрал себе новое место...» И только в «Ю» и «С», первой и последней редакции, приводится полный вариант:

«Я поздоровался с нею, отнаблюдал серию ужимок, выслушал серию хихиканий и выбрал себе новое место...»

Не любят пуритане «живые человеческие чувства».

13) И еще маленький пример на ту же тему. В «Д», «Т» и «А» дю Барнстокр просто «спросил», а в «Ю» и «С»:

«искательно спросил дю Барнстокр».

14) В канонических вариантах «А» и «С»: «Симонэ снова загоготал было, но сразу же сделал се-

рьезное лицо». Выражение лица физика меняется очень быстро, а слова за ним не поспеваются. Лучше в «Ю», «Д» и «С»:

«Симонэ снова загоготал было и сразу сделал серьезное лицо».

18, 22) Два однотипных примера лишних слов. По «Ю», «Д» и «Т» вначале Симонэ:

«судорожно передернул плечами и схватился за кофе».

А потом хозяин просит за Луарвики:

«не откажем ему в гостеприимстве».

«А» и «С», по-моему, напрасно, добавляют «свой» и «нашем». Как будто это и так непонятно!

21, 23 (сокр) А теперь две шутки господина инспектора. Начинает «Ю»: «На лице хозяина имела место скорбная улыбка». Продолжают «А» и «С»: «Судя по виду господина Луарвики Луарвики, постигшая его катастрофа была чудовищной...» Обе шутки (особенно вторая) в данный момент, как мне кажется, неуместны. Поэтому правильно:

«Д», «Т», «А», «С»: «Хозяин скорбно улыбался».

«Ю», «Д» и «Т»: «/.../ Луарвики, катастрофа была чудовищной...»

29) В столовую входит Хинкус. Согласно «Ю», «Д» и «Т»: «Сначала вид у него сделался совершенно обалделый, как будто его ударили бревном по голове». «А» и «С» поправляют:

«ударили веслом по голове».

А я снова снимаю шляпу перед эрудицией братьев Стругацких, ибо сам никакой разницы не замечаю.

34) Нарвавшись на резкую отповедь Хинкуса, дю Барнстокр недоумевает, а его извинения раз от разу становятся все длиннее:

«Ю»: «Я имел в виду исключительно...»

«Д» и «Т»: «Я имел в виду исключительно ваше самочувствие, не больше...»

«А» и «С»: «Я имел в виду исключительно ваше самочувствие, никак не более того...»

Я же здесь солидарен с пословицей: «Краткость — сестра таланта».

43) Обратный пример. Сневар пытается разрядить обстановку, он просто обязан быть красноречив, и поэтому эта фраза мне больше нравится в версиях «Д» и «Т»:

«С другой же стороны, нас вовсе не должно излишне нервировать то обстоятельство...»

Конечно, и «же», которое сокращает «Ю», и «излишне», каковое вычеркивают «А» и «С», лишние слова. Но дабы успокоить нервы, чем больше сказано — тем лучше.

49) А теперь удачное сокращение. По «Ю»: «Луарвик Л. Луарвик меланхолично жевал лимон, откусывая от него куски вместе с кожурой». В остальных вариантах лучше:

«откусывая от него вместе с кожурой».

52) В «Д» и «Т» речь Глебски несколько архаична: «наша отрешенность от внешнего мира...» Правильно в «Ю», «А» и «С»:

«наша отрезанность от внешнего мира является лишь относительной».

53) Далее инспектор, согласно почти всем текстам заявляет:

«Теперь я с часу на час ожидаю полицейский самолет...»

С этой фразы и далее почти до окончания повести все ее герои почему-то ждут именно самолет, хотя мне непонятно, что ему делать в этой горной долине, где он явно не сможет приземлиться... И только «Ю» правильно по всему тексту пишет «вертолет». В общем, начиная отсюда, советую вместо «самолет» читать «вертолет» и баста.

59) Еще одна шутка Глебски. В «А» и «С» Хинкус:

«сосредоточенно ел, словно намеревался заправиться впрок и надолго».

Сама шутка здесь более уместна, однако знакомство инспектора с трудами классика марксизма («НЭП — это всерьез и надолго») вызывает сомнение. Поэтому мне ближе версии «Ю», «Д» и «Т», где нет слова «надолго».

Кульминация. Допрос Хинкуса. Тем не менее — пока все идет очень медленно.

66, 67) Еще одни лишние слова. В «Ю», «Д» и «Т» Хинкус отирается:

«Никаких записок я не писал...»

А Глебски настаивает:

«Определить, что писали ее вы, ничего не стоит».

Добавленные же в «А», «С» «никому», «именно» и «написали» (вместо «писали»), по-моему, только утяжеляют диалог.

68) Согласно «Ю», «Д» и «Т»: «В зале гремела тарелками Кайса...» «А» и «С», видимо, справедливо, снижают «уровень шума»:

«В зале брякала тарелками Кайса...»

69) Еще один плод «юридической консультации» (вспомните замену «акта» на «протокол»). В «Ю», «Д» и «Т» инспектор нажимает:

«И если ты хочешь отделаться семьдесят второй, тяни на пункт «ц»!

Здесь и далее по всей главе «А» и «С» поправляют:

«на пункт «д»!

Интересно было бы «огласить весь текст» данной статьи.

74(сокр) Ради разнообразия похвалим правку канонических вариантов «А» и «С», а также «Д». В них Глебски уверяет, что:

«полиция будет часа через два...»

«Ю» и «Т» же напрасно добавляют слово «здесь».

79) Допрос резко прерывается. После резкой и неожиданной атаки Хинкуса, инспектор, согласно краткому «Д»: «плашмя, физиономией, животом, коленями грохнулся об пол». «Т», «А» и «С» более откровенны: «плашмя, мордой, животом...» Но мне больше по душе версия «Ю»:

«плашмя, мордой, животом, коленями грянулся об пол».

Как-то звонче получается.

80) Теперь на удивление боязлива редакция «Ю». Когда Глебски приходит в себя, то видит ле-

жащего Хинкуса, а над ним возвышается Симонэ, по «Ю»: «как Георгий победоносец над поверженным змеем...» Все остальные тексты гораздо более подкованы в религии:

«как Георгий Победоносец над поверженным Змием...»

81) Странная фраза Симонэ, на которой настаивают почти все версии: «Еще секунду, и он проломил бы вам голову». Несмотря на «сложившийся» текст, мне он кажется просто опечаткой, а правильно, как в «Ю»:

«Еще секунду, и он проломил бы вам голову».

83) Оценив умение Хинкуса драться, Глебски в версиях «Ю», «Д» и «Т» делает вывод:

«Да, джентльмены, это настоящий гангстер в лучших чикагских традициях».

Кстати, откуда такой вывод, не вполне понятно. Ведь чикагские гангстеры, как мне кажется, славились своим умением стрелять, а не рукопашным боем. Поправка же в «А» и «С» («это настоящий ганмен...») превращает этот вывод в полный абсурд. Ибо «ганмен» буквально — это «человек вооруженный». А ведь пистолет — «это еще доказать надо», что Хинкус его носил.

86) Маленькая, но забавная нестыковка. «Ю» сообщает:

«Хинкус застонал, заворочался и попытался сесть».

Однако гангстер явно лежит на боку в «позе зародыша» (скрочившись и обхватив руками голову). А значит, чтобы сесть, совершенно не нуж-

но ворочаться, а надо лишь опереться на локоть и приложить усилие. Поэтому поправка в «Д», «Т», «А» и «С» верна:

«и попытался встать».

Дабы встать, Хинкусу пришлось бы перевернуться сбоку на живот.

87) Глебски вновь отмечает «зеленоватую физиономию» Хинкуса, но, согласно «Ю», «Д» и «Т»: «теперь это объяснялось естественными причинами». Вряд ли удар Симонэ можно причислить к таковым, поэтому лучше сказано в «А» и «С»:

«теперь это объяснялось вполне понятными причинами».

91) «Д» этот интересный эпизод попросту вычеркнула, а в остальных вариантах — разночтение. Итак, больные инспектор и бандит лечатся коньяком. Хотя... «Еще полстакана чистого выпил я сам». Как мне кажется, «чистым» можно назвать только спирт. Загадка... А вот вторая. Согласно «А» и «С»:

«Симонэ, предусмотрительно запасшийся вторым стаканом, выпил с нами за компанию».

И в чем же Симонэ предусмотрителен? Пошел за выпивкой на троих и взял только два стакана. Слишком по-русски это все... Поэтому я предпочитаю версию «Ю» и «Т»:

«Симонэ, запасшийся третьим стаканом...»

92) Следующая фраза почти во всех редакциях: «Потом мы оттащили Хинкуса к стенке...» И расстреляли? По-моему, типичная «фрейдистская оговорка». И лучше без нее, как в «Ю»:

«Потом мы оттащили Хинкуса к стене...»

94) Эти четыре фразы разговора Глебски и Хинкуса «Д» решительно скрывает. Так выведем же пуритан на свет божий:

«— Еще коньяку? — спросил я.

— Да... — сипло выдохнул он.

Я дал ему еще коньяку. Он облизнулся и решительно произнес:»

96) Третья и, кажется, последняя юридическая тонкость. Согласно «Д», «Т», «А» и «С», инспектор выясняет ситуацию с Хинкусом так: «Wanted and listed?» Мне лично эти слова ровным счетом ничего не говорят. Более того, я не понимаю, почему Глебски — явно не англичанин — переходит вдруг на английский язык. И потому предпочитаю «патриотическую» редакцию «Ю»:

«— Под розыск? — сказал я».

102) Полностью с алкоголизмом в «Отеле «У погибшего альпиниста» «Д» покончить не может, и начинает сокращать фразы: «имела место драка на личной почве. Ты был в состоянии опьянения...» В остальных вариантах речь инспектора более занудна, но более «человечна»:

«имела место драка на личной почве в состоянии опьянения. То есть это был в состоянии опьянения...»

107) Начинается оно самое... Первая фраза «нацистской версии» «Ю» (в остальных текстах этого отрывка нет). Вот какие мысли проносятся в голове Глебски при первом слове Хинкуса о Чемпионе:

«Вот оно как. Чемпион. Я даже глаза зажмурил — так мне вдруг захотелось оказаться где-нибудь за сотню миль отсюда, например, у себя в кабинете, пропахшем сургучом, или у себя в столовой с выцветшими голубыми обоями. И что мне дома не сиделось? Раззадорился на рассказы старого осла Згута — природа, мол, покой, эдельвейсовая настойка... Насладился покоем. Чемпион — ведь это наверняка «Голубая свастика», а «Голубая свастика» — это почти наверняка белоглазый сенатор. Смутное время странное время. Нипочем нынче не разберешь, где политика, где уголовщина, где правительство. Ну что тут делать честному полицейскому? Ладно, пусть честный полицейский делает дело».

Как ни странно, это фраза мне не кажется сильно «нацистской» (в принципе ее можно заменить двумя-тремя словами — максимум! — исключением сененции о сенаторе свести к гангстерской). Другое дело, что инспектор смотрится уж слишком хорошо, в отличие от остальных версий...

Далее рассказ Хинкуса о Вельзевуле, согласно «Ю» и остальным вариантам почти во всех фразах текстуально не совпадает. Поэтому буду краток и расскажу только о самом главном.

108) Мозес-Вельзевул оказался в компании Чемпиона «год назад» по «Ю» и «в позапрошлый месяц», по другим версиям.

109) В «Ю» нет ни уверения Хинкуса, что Чемпиона чем-то Вельзевула «на крючок взял», ни характеристики Вельзевула:

«Правильно звали, жуткий тип...»

110, 111) «Сработал» Вельзевул, по «Ю», не два дела, а гораздо больше. Ограбление же банка и броневика с золотом — это только самые громкие, но не единственные его «работы».

112) В «Ю» этой фразы нет:

«Дела эти вы не раскрыли, а кого вы посажали, те в полной мере ни при чем, это вам самим хорошо известно».

И на суде несчастному прокурору придется сильно попотеть, доказывая, что мистер Джон Доу «выворотил сейф в две тонны весом и нес по карнизу».

122) А теперь собственно про сейф и госпожу Мозес. В «Ю» Хинкус говорит просто: «она сейф выворотила и несла по карнизу». В других тестах он более точен и убедителен:

«она сейф в две тонны весом выворотила...»

127) В «А» и «С» речь Хинкуса о Мозесе стала экспрессивней:

«Он меня, гад, узнал, запомнил».

В «Ю», «Д» и «Т» никакого «гада» нет.

128) Чуть ниже экспрессивней «Ю»:

«и наслал на меня свою, эту...»

Остальные версии слишком конкретны: «и наслал на меня свою бабу».

133) Типичный пример борьбы «хорошего с лучшим». Как объясняет Хинкус, Мозес-Вельзевул его

запугивал, по «Ю», «Д» и «Т»: «чтобы я смылся с глаз долой». Фраза интересная, но в «А» и «С» еще лучше:

«чтобы я слинял у него с глаз долой».

138 (сокр.) Гангстер объясняет, что у Вельзевула «вся чародейская сила пропасть может, если он человеческую жизнь погубит. /.../ А то разве кто-нибудь посмел его выслеживать?» И далее во всех вариантах, кроме «Ю» добавлено:

«Да упаси бог!»

Здесь и далее по тексту слово «бог» в устах Хинкуса всегда пишется с маленькой буквы. Отсюда мораль, «гангстеры и маньяки» — все сплошь атеисты и над богом могут только глумиться. Забавное единодушие всех редакторов.

141) Информация Хинкуса дошла до Глебски, и инспектор берет маленький тайм-аут. Поначалу он просто занудствует, особенно в «А» и «С»: «И все это каким-то странным образом переплеталось с реальной действительностью». Редакции «Ю», «Д» и «Т» потрудились, кажется, гораздо лучше:

«И все это как-то странно переплеталось с действительностью».

142, 143(сокр.) Здесь же, наоборот, лучше сказано в «А» и «С»:

«Сейф из Второго Национального и в самом деле исчез удивительно, загадочно и необъяснимо — «растворился в воздухе», разводили руками эксперты...»

Фраза построена хорошо, в отличие от «Д» и «Т», где посреди нее стоит лишнее «как говорили»

и «Ю», в котором впридачу идут подряд «действительность» и «действительно».

Но интересно еще и другое. Вспомним, что Глебски — педант и зануда, к тому же сейчас практически на службе, да еще расследует убийство. Поэтому я не верю, что все эти подробности он выдумал. То есть он знает не только, что сейф загадочно исчез, но и что именно сказали по этому поводу эксперты и даже, что эти самые эксперты «разводили руками». И про броневик, кстати, тоже самое. Инспектор знает не только, что «какой-то человек /.../ перевернул эту машину набок», но и что все это «свидетели ограбления броневика, словно сговорившись, упорно твердили под присягой». (Кстати, а при чем здесь присяга; ведь ее, кажется, дают свидетели только в суде? Или по этому делу уже был суд?)

Так вот, если учесть, что полиция, очевидно, дабы не стать посмешищем, должна всеми силами скрывать любые необычные факты, откуда все это знает «мелкая полицейская сошка»? Чудны дела твои, господи...

145 (сокр.) Снова интересное выражение. В «Ю» этой фразы нет, а в «Д» и «Т» Хинкус говорит просто: «Чемпион с самого начала на всякий случай подготовил серебряные пульки...» Версия «А» и «С» интереснее и информативнее:

«подготовил серебряные бананчики...»

152) Вторая вставка из «Ю» идет сразу после «экспертной оценки» Симонэ истории Хинкуса.

«— Ну, положим, Чемпиона темным и невежественным не назовешь, — сказал я. — Матерая

сволочь, фашист. Гитлеровец. Фюрер тоже не дурак был. Ну, и этот...

— Точно! — подхватил Хинкус. — Чемпион — парень ушлый, обращение понимает. Он до майской заварушки с сенаторами за ручку здоровался, на приемы разные ходил, чуть ли не к самому президенту... Да и сейчас... Денежки. Он их не жалеет.

Он вдруг запнулся, отвел глаза и сунул в рот большой палец. Мы подождали немного, затем Симонэ спросил...

Для порядка добавлю, что, отвечая на вопрос великого физика, Хинкус, по версии «Ю», конечно же, вынет палец изо рта.

158) И еще один пример, как текст от версии к версии становится все лучше. Всегда бы так:

«Ю»: «Хинкус, слушая, ежился, глаза у него бегали, и, наконец, он умоляюще попросил еще глоточек».

«Д» и «Т»: «Хинкус, слушая, ежился, бегал глазами и, наконец, умоляюще...»

«А» и «С»: «Хинкус дергался, ежился, бегал глазами...»

161) Воспользовавшись, что этой фразу в «Ю» нет, ее вычеркнула и редакция «Д»:

«Я хлебнул коньяку и угостил Хинкуса — оба мы чувствовали себя неважно».

170) В виде исключения, еще процитирую кусочек, отсутствующий в «Ю», где Хинкус объясняет, почему он принял именно дю Барнстокра за Вельзевула:

«Ну, а что с Барнстокром осечка получилась — ничего не скажешь: напылил мне в глаза старикашку, чтоб ему пусто было. Леденцы эти его проклятые... А потом — захожу в холл, сидит он там один, думает, что никто его не видит, и в руках у него куколка какая-то деревянная. Так что он с этой куколкой делал, господи!.. Да, осечка тут у меня вышла...»

175 (сокр.) Великолепный пример на тему «как надо убеждать самого себя». Глебски отчаянно пытается доказать себе, что нечего верить гангстери. Вот как это он делает в «Ю», «Т» и (с маленьким разноточением) «Д»: «я, солидный, опытный полицейский /.../ обсуждаю с помешанным бандитом...» А теперь прочтите эту же фразу в версии «А» и «С» и почувствуйте разницу:

«я, солидный, опытный полицейский, немолодой уже человек /.../ обсуждаю с полупомешанным бандитом...»

Добавилось преувеличение, что он «немолодой человек» (кстати, обычно так взрослые разговаривают с детьми), а Хинкус из «помешанного» стал «полупомешанным» — справедливость прежде всего.

176 (сокр.) Самогипноз продолжается. Инспектор оборачивается, видит хозяина и начинает накручивать себя. Проще всего он это делает, согласно «Ю»: «я вспомнил все его намеки /.../, вспомнил его толстый указательный палец, совершающий многозначительные движения». «Д» и «Т» соблюдают меру и сокращают второе «вспомнил»: «я вспомнил все его намеки /.../, и его толстый...» «А» и «С» добавляют точный заключительный штрих, которым Глебски сам себя завел:

«совершающий многозначительные движения перед моим носом».

178 (сокр) По «А» и «С» Хинкус с трудом вспоминает Луарвика: «А, это который лимон жрал...» «Ю», «Д» и «Т» точно добавляют всего одну букву:

«А, это который лимоны жрал...»

Человеку свойственно обобщать, даже если он — «полупомешанный бандит».

186) Последняя и самая длинная вставка по версии «Ю» в этой главе. Идет сразу после слов Хинкуса: «Ну, конечно, самые отборные...»

«— Так, — сказал я. Очень мне все это не нравилось, но предстояло еще допросить Мозеса, и я сказал: — Ну-ка, быстренько перечисли все дела, в которых участвовал Вельзевул.

Хинкус с готовностью принялся загибать пальцы:

— Краймонская пересылка — раз, Второй Национальный — два, золотой броневик — три... Теперь дальше... Архивы Грэнгейма, Вальская выставка...

— Архивы Грэнгейма?

— Да. А что?

Об этом деле я знал мало и уж никак не ожидал, что здесь замешан Чемпион. Грэнгейм собрал богатейшую картотеку нацистских преступников, укрывшихся после 1945 года в нашей стране, это дело было полностью политическое, и в Управлении были убеждены, что организовал ограбление сенатор Гольденвассер, хотя никаких улик против

него, конечно, как всегда, не было. Но Чемпион... Впрочем, если учесть, что Чемпион — на самом деле вовсе не Чемпион, а бывший гауптштурмфюрер СС Курт Швабах, скрывающийся у нас... И все равно...

— На кой черт Чемпиону эти архивы?

— Этого я не знаю, — сказал Хинкус уже несомненно искренне. — Я человек маленький. — Он помолчал. — Надо понимать, политика. У нас многим не нравится эта политика, да только с Чемпионом не поспоришь.

— А где ты был в мае прошлого года? — спросил я.

Хинкус задумался, вспоминал, затем хитро осклабился и помахал пальцем.

— Нет, шеф. Не выйдет, шеф. В этой заварушке я не участвовал. Тут мне просто повезло — на операции лежал, ничего не знаю... Могу доказать...

С минуту мы молча смотрели друг на друга.

— Ты в «Голубой свастике» состояишь?

— Нет, — отозвался он. — Чего я там не видел, в «свастике» этой? Политикой мы сроду не занимались...

— А Вельзевул состоял?

— Откуда мне знать? Я же говорю, политикой мы...

— Кто Кёнига убил? Вельзевул?

— Какого еще Кёнига? А, профсоюзника этого... Нет, Вельзевул его не убивал. Здесь все наоборот. Из-за этого Кёнига, говорят, Вельзевул с Чемпионом и поцапались. Сам я не видал и не слыхал, а ребята рассказывали, будто Чемпион хотел Вельзевула на это дело пустить. Ну, Вельзевул на дыбы. Ему же убивать — себе дороже... Слово за

слово, говорят, так и пошла между ними трещина.

— Гольденвассер знал о Вельзевуле?

Хинкус поджал губы, оглянулся на хозяина и проговорил, понизив голос:

— Знаете, шеф, зря вы об этом-то. Не наше с вами это дело. Я — честный вор, вы — легавый, между собой мы всегда договоримся, и сколько мне дадут, столько я и отсижу. А о таких делах нам лучше с вами знать поменьше. Ни к чему это нам, шеф. Опасно это. И мне и вам. Темно это.

Подонок был прав».

Допрос Хинкуса закончился, и накал текста заметно снизился.

193) Повторение редактирования, которое уже было в десятой главе. Глебски и хозяин заперли Хинкуса. Далее, согласно «Ю», «Д» и «Т»:

«Потом мы прошли в контору».

«А» и «С» заменяют «прошли» на «пошли», то есть менее на более употребительное, тем более что никакого «следственного контекста» здесь уже в помине нет.

199) Курьезная опечатка в «Ю»: «сообщил хозяин, ловко обматывая мне лоб вокруг ссадины»... А саму ссадину бинтовать уже не надо? Остальные версии исправляют ошибку:

«ловко обмывая мне лоб вокруг ссадины...»

207) Через Алека инспектор передает Мозесу и компании предупреждение, что «расстреляет серебряными пулями любую сволочь», которая полезет к чемодану. А добавление к этой фразе от редакции к редакции становится все «монобло-

нее» и не оставляет никаких двусмысленностей (как и хотел Глебски):

«Ю»: «Если увидите Мозеса, передайте это ему».

«Д» и «Т»: «Если увидите Мозеса, передайте все это ему».

«А» и «С»: «Если увидите Мозеса, передайте все это ему слово в слово».

Точнее «А» и «С» и быть не может.

На этом, собственно, глава и заканчивается.

Последняя и самая противоречивая глава. Напоминаю, «Ю» вместо «люгер» пишет «парабеллум» или «пистолет», остальные редакции, кроме «Ю», вместо «вертолет» пишут «самолет», в «Ю» Чемпион не просто гангстер, но фашист и путчист.

2) На что, собственно, рассчитывает инспектор? На то, что Чемпион, наткнувшись на завал, по «А» и «С», «наверняка растерялся и впопыхах мог наделать глупостей...» Во-первых, снова занудство, хотя и несколько объяснимое тем, что Глебски уже мысленно пишет рапорт, а во-вторых, восхищает это «наверняка растерялся». Как приятно, наверное, простому инспектору знать психологию известного гангмена! Не лучше ли как в «А», «Д» и «Т»:

«он мог растеряться и впопыхах наделать глупостей...»

11) К инспектору входит Симонэ. Далее, согласно «А» и «С»:

«Вид у Симонэ был непривычно торжественный и деловой, хотя чувствовалось в нем и какое-то скрытое возбуждение».

Так-то вот. Знает человека всего два дня, а уже и вид ему непривычен, и скрытые чувства насквозь видит. Предпочитаю варианты «А», «Д» и «Т», где слов «непривычно» и «скрытое» нет.

12) Прислушаемся к словам великого физика и посмотрим, к чему ведут «лишние слова».

Во всех вариантах: «Вы тут как в крепости». И далее, в «Ю»:

«И напрасно: никто на вас не собирается нападать».

В остальных версиях добавлено «совершенно». И тут уже я не знаю, что это: слово-паразит, заученная речь, отскочившая от зубов или издевка? Добавим еще, что Симонэ лжет, и в конце главы он сам и нападет на инспектора.

13) Глебски говорит, что он не знает, будут или нет нападать. Следующая реплика Симонэ в «Ю» и «Д», с одной стороны, и в «Т», «А» и «С», с другой, отличается на запятую, но как меняется ее смысл.

«Ю» и «Д»: «Да, вы ничего не знаете...»

«Т», «А» и «С»: «Да вы ничего не знаете...»

В первой редакции пусть несколько циничная, но лишь констатация факта. Во второй — явное оскорбление. И возникает естественный вопрос: ведь не Глебски что-то нужно от Симонэ, а физику от инспектора — не правда ли, странными методами он добивается своего?

16) Здесь уже «А» и «С» упускают забавную черточку. У них инспектор просто и неинтересно садится «на стул рядом с сейфом». В «Ю», «Д» и «Т» он усаживается:

«верхом на стул рядом с сейфом».

То есть, как утверждают психологи, уже своей позой демонстрируя несогласие с Симонэ.

21, 22) История Мозеса, рассказанная Симонэ, в «Ю» несколько отличается от остальных редакций (практически совершенно одинаковых). Поэтому приведу ее:

«Мозес находится на Земле уже около года. В земных делах он, естественно, разобраться не успел. Первым, кого он встретил, были гангстеры. И они использовали его в своих целях... В конце концов Мозес во всем разобрался. А разобравшись, решил немедленно бежать и бежал».

От себя добавим, что только в «Ю» нет мелодраматичной и лживой фразы Симонэ: «Они его /.../ непрерывно держали на мушке».

24) По «А» и «С», Симонэ так рассказывает об аварии на базе пришельцев: «что-то у них там взорвалось в аппаратуре». Здесь я полностью согласен с вариантами «Ю», «Д» и «Т», которые обошлись без слова «там». И дело даже не в том, что это «слово-паразит». Просто в словах Симонэ внезапно проскальзывает пренебрежение. А теперь прочитайте следующий абзац и подумайте, могло ли оно быть.

26 (сокр.) Очень интересный пропуск в «Ю». Маленький диалог Симонэ и Глебски:

«— /.../ Если гангстеры поспеют сюда раньше полиции, они их убьют.

— Нас тоже /.../.

— Возможно, — согласился он. — Но это наше, земное дело. А если мы допустим убийство инопланетников, это будет позор».

«Любовь и кровь, добро и зло» — такая вот мелодрама получается. Фразочка Симонэ явно противоречит западной психологии с ее сверхценностью любого человека («Спасти рядового Райана»). Так что Симонэ либо «рыцарь на белом коне», жестокий в своей наивности, либо...

27 (сокр.) А теперь про лишние слова. Мысли Глебски об этой проникновенной речи Симонэ, по «А» и «С»: «...нет, слишком много все-таки сумасшедших в этом отеле. Вот вам и еще один псих». «Нет», «все-таки» и «и» — лишние слова. Правда, поначалу я думал, что инспектор так успокаивает себя, дабы не завестись. Но Глебски думает «уныло», поэтому правы версии «Ю», «Д» и «Т», где этих слов нет.

31) Симонэ вновь рассказывает о последствиях аварии на базе. В «А» и «С» она слегка отредактирована и улучшена по сравнению с «Ю», «Д» и «Т» (то есть экспромт вновь превратился в отрепетированную речь). Но меня интересует даже не это, а сама фраза:

«все их роботы в радиусе ста километров оказались, так сказать, обесточены. Некоторые, наверное, успели подключиться».

(В «Ю», «Д» и «Т» вместо «так сказать, обесточены» сказано просто «под угрозой», а вместо «наверное» — «вероятно»).

Какая фраза! Так и возникает мысль о десятках роботов «в радиусе ста километров» от базы и, значит, сотнях — на всей Земле. То есть возможная гибель Мозеса и Луарвика ничего не решает? Иначе как объяснить тот факт, что ни один из этой армии роботов не пришел к ним на помощь?

36) Еще одно лишнее слово на устах Глебски, но это явная ирония. С помощью мистики и фантастики, полагает инспектор, можно объяснить любое преступление, и далее, по «А» и «С»:

«и всегда это будет очень логично».

Конечно, слово «очень» формально лишнее (и в «Ю», «Д» и «Т» его нет), но в нем так и сквозит ирония, значит, оно нужно.

45) Лакуна в «Ю», вновь живописующая инспектора в неприятном свете. Глебски размышляет о возможных последствиях встречи с Чемпионом:

«А в самом крайнем случае я этих Мозесов выдам. С Чемпионом щутки плохи. Дай Бог, чтобы он согласился на переговоры...»

Сравните с эпической речью Симонэ и сделайте выводы...

Кстати, еще маленькая деталь. Слово «Бог» написано с большой буквы только в «А» и «С», и написано зря, ибо инспектор делает что угодно, только не молится.

48) Отповедь Глебски великому физику. В «Ю» вслед за грубоватым высказыванием: «Погодите, не перебивайте. Я вас не перебивал...» — следует ироничное и смягчающее грубоcть:

«Я вас слушал даже с интересом».

В остальных же версиях этой фразы нет, и инспектор вновь тупеет на глазах.

51) Альтернативная в «Ю» версия спора между Глебски и Симонэ на тему «бандиты или не бандиты» господин Мозес и компания. В «Ю» речь инспектора очень кратка:

«— Они хуже бандитов! — сказал я. — Вам известно, что они разграбили архив Грэнгейма? Вы что, за нацистов?»

А вот рассказ Симонэ гораздо длиннее, ибо именно в нем подробно объясняется история взаимоотношения пришельцев и гангстеров:

«— Мне все известно, — сказал Симонэ. — Мозес мне все рассказал. Чемпион — правая рука сенатора Гольденвассера, начальник его штурмовиков. В мае прошлого года, когда эта сволочь затеяла путч, Чемпион был одним из главных организаторов, его чуть не сцепали солдаты, но тут вмешался Мозес. Он же ни черта не понимал в наших делах... да и сейчас не понимает... Он решил, что это не путч, а народное восстание, вытащил Чемпиона и еще двух мерзавцев и сам себя убедил, что имеет дело с солью земли, с цветом человечества... Вот тогда они к нему и присосались, как пиявки...»

52) Теперь огрублется фраза Симонэ. В «Ю» она звучит так:

«А вы, однако, порядочная дубина, инспектор Глебски».

Официальное «инспектор» смягчает ругань, поэтому в остальных вариантах, где данного слова нет, фраза становится жестче.

54) И еще одна маленькая вставка в «Ю», дабы вы не думали, что в этом варианте Глебски только по головке гладят. Речь Симонэ продолжается после слов «встреча двух миров»:

«Это же надо — прилететь на Землю черт те откуда и встретить гангстеров, а в конце концов такого хранителя закона, как вы, Петер.

62) Глебски клянет хозяина, у которого нет радиопередатчика (варианты «Д», «Т», «А» и «С»):

«Торгаш несчастный, только бы ему деньги тянуть с клиентов».

Слово «торгаш» само по себе хлесткое, и добавочное «несчастный» усилить его не может. Поэтому самонакручивание не удалось, и я предполагаю вариант «Ю», где нет слова «несчастный».

67) Монолог Мозеса в «Ю» гораздо длиннее. В нем он без понуканий рассказывает о причинах своих преступлений. (В остальных вариантах на его месте слова от «Конечно, мне, наверное» до «с официальными лицами».)

«— Я всего год на Земле, — сказал он. — И всего лишь два месяца назад я впервые понял, что помогаю отщепенцам и убийцам. Да, я им помогал. Я вскрывал сейфы, нападал на банки, захватывал золотые грузы. Я помог им ограбить архив. Я спасал преступников от возмездия. Верьте мне, я ведал, что творю. Я считал, что эти гангстеры-политики и политики гангстеры ведут борьбу за социальную справедливость. Я считал сенатора Гольденвассера вождем революционеров, а он оказался бешеным человеконенавистником и лакеем денежных тузов. Я считал Чемпиона героем, а он оказался организатором массовых избиений женщин и детей в десятке стран и инициатором политических убийств в этой стране. Я считал Филина и его приятелей... Ведь я считал их идей-

ными борцами. Я понимаю, мои ошибки дорого обошлись вам, но едва я все понял... При первом удобном случае я бежал».

72, 73) Частично Мозес возмещает «убытки, которые вам принесло мое пребывание здесь» и вручает Глебски... Что? Почти во всех вариантах все несколько простовато: «ассигнации государственного банка общей суммой на миллион крон», то есть попросту определенную сумму денег. И только «Ю» объясняет все гораздо подробнее. Во-первых, акции не просто «государственного банка», а «Государственного банка», то есть, очевидно, того самого, который ограбили с помощью Мозеса. Во-вторых, объясняется сама эта сумма и ее источник:

«Это все, что мне удалось изъять у Чемпиона».

В остальных же вариантах эта передача денег немного похожа на барский жест.

74) И еще одна маленькая вставка в «Ю», сразу после того, как закончился разговор Мозеса о возмещении убытков:

«Я уже отоспал в ваше правительство подробную записку об омерзительной деятельности сенатора Гольденвассера, которая мне теперь ясна...»

Что это была за записка, мы узнаем в эпилоге.

82 (сокр.) Разговор заходит о роботах, и «Д» снова находит повод для вмешательства. Во-первых, госпожу Мозес, по «Д», Глебски называет довольно вежливо: «Дама из светского салона...» В «Т», «А» и «С» (в «Ю» этой фразы нет) инспектор высказывает гораздо грубее:

«Самка из светского салона...»

А еще одну фразу инспектора «Д» вычеркивает, да так надежно, что ее не оказывается ни в «Т», ни в «А». Прочитать же эту сакральную фразу мы можем только в «Ю» (несмотря на то, что весь монолог о роботах здесь существенно сокращен) и «С»:

«Роботы у вас не роботы, а какие-то, понимаете, половые неврастеники...»

84, 85) Мозес отвечает на претензию Глебски о «половых неврастениках». Причем ответ в вариантах от «Д» до «С» идентичен (от «Но согласитесь» до «Почти двойники...»), то объяснение Мозеса в «Ю» более научнообразно:

«Что ж, стереотип поведения этих роботов моделирует стереотип поведения среднего человека соответствующей социальной группы...»

Чуть ниже, когда Мозес говорит, что не может показаться в истинном обличии, в «Ю» он добавляет:

«я выбрал скверную маску...»

90) Хотя, утверждает Мозес, показываться на Земле в истинном облике для него смертельно опасно, в крайнем случае, он готов на это пойти. И далее, по «Ю», «Д» и «Т»:

«Если окажется, что убедить вас совершенно невозможно, я рискну».

Фраза и так перегружена неинформативными словами, но «А» и «С» добавляют еще «иначе».

98, 110) Снова возникают загадочные «брылья». Проще всего к этой проблеме подошла вер-

сия «Д», согласно которой Мозес просто «закрыл глаза и замотал головой». «Ю» и «Т» уточняют: «замотал головой так, что затряслись брылья». «А» и «С» не согласны и поправляют:

«так, что затряслись землистые щеки».

В последней версии все более или менее понятно. А вопрос, что такое брылья, остался открытым. Во всяком случае, это явно не щеки.

Чуть ниже коллизия повторяется. Мозес трясет в «Ю» и «Т» «брыльями», в «Д» — головой, в «А» и «С» — щеками.

100, 101 (сокр.) Проникновенная речь господина Мозеса о разных аккумуляторах для разных роботов. Начинается словами: «Ну неужели вы не понимаете...» Чего не понимаете? Согласно «Ю» и «Д»:

«что нельзя одним и тем же горючим питать /.../ грубый трактор, например, и самолет...»

Действительно не понимаю настолько, что наивно полагаю, что горючее для трактора и самолета принципиально не отличается, этот один и тот же керосин. В «Т», «А» и «С» пришелец поправляется:

«грубый трактор, например, и телевизор...»

Здесь действительно есть разница. Но она, по-моему, формальна. Сейчас трактор не работает на электричестве только потому, что бензина достаточно, и нет стимула изобретать мощный электроаккумулятор. Заменим «грубый трактор» на «грубую электролампочку» (во всяком случае, за время моей жизни совершенно неизменную) и результат будет тот же самый.

И, наконец, в «Ю», «Д» и «Т» Мозес добавляет: «Это же разные системы...» В «А» и «С» его голос звучит проникновеннее:

«Это же принципиально разные системы...»

Принципиально разные, вот только для любой системы нужен источник энергии, и, в сущности, любую систему можно подключить к любому известному источнику.

104) Мозес боится за больного товарища и просит отдать чемодан хотя бы Луарвику.

«Пусть хоть он спасется...»

— стенает пришелец в «Ю», «Д» и «Т». «А» и «С» же добавляют «по крайней мере» и превращают трагедию в фарс. («Допустили вы упущение, / Видно волк проник в помещение».)

116, 118 (сокр.) Глебски отчаянно пытается понять, как поступить. Наконец, он переходит на формальное юридическое мышление. И здесь подробнее и понятнее он рассуждает в «Д» и «Т»:

«Юридические претензии были у меня только к Мозесам... к Мозесу».

В «Ю», «А» и «С» нет этой чисто человеческой оговорки «к Мозесам...» (Инспектор явно не привык к мысли, что госпожа Мозес — робот.)

Далее речь заходит о Луарвике. Он тоже, признает инспектор, может быть сообщником, и в «А» и «С» фраза прерывается на многозначительном «но...» «Ю», «Д» и «Т» это «но» раскрывают:

«но на это я бы еще мог закрыть глаза...»

120) В «Ю» этой фразы нет, в остальных же версиях «миллион терзаний» Глебски продолжается. В «А» и «С» его раздумья звучат так:

«А если это просто удачная интерпретация совершенно иных обстоятельств? Если я просто не

нашел вопроса, который бы разрушил эту удачную интерпретацию?..»

Быть может, авторы частым повтором слов пытались показать колебания инспектора, но воспринимаются они, увы, как длинноты. Поэтому я согласен с редакцией «Д», где убрано второе «удачную» и тем более с «Т», версия которой звучит так:

«А если это удачная интерпретация совершенно иных обстоятельств? Если я просто не нашел вопроса, который бы разрушил эту интерпретацию?»

121) Чеканная формулировка Глебски в версиях от «Д» до «С»:

«Закон требует, чтобы я задержал этих людей впредь до выяснения обстоятельств».

«Ю» убирает слово «впредь», и фраза, к сожалению, теряет свою четкость и выразительность.

125) Большая лакуна в «Ю». Мозес рассказывает историю своих взаимоотношений с гангстерами. Во всех остальных редакциях она практически идентична. Глебски она вполне устроила («это была совершенно банальная история вполне заурядного шантажа»). А вот у меня она вызывает кучу вопросов.

А) «Примерно два месяца назад господин Мозес, у которого были достаточно веские основания скрывать от официальных лиц не только свои истинные занятия, но и сам факт своего существования...»

Милейший господин Мозес, если вы что-то производите (в тексте глухо упоминаются «мастер-

ские»), то неизбежно сталкиваетесь с «официальными лицами». А если вы платите по принципу «сколько достану, столько и ваше», то с двойной неизбежностью столкнетесь с официальными и неофициальными лицами всех мастей. Вам жутко повезло, что на вас обратил внимание один лишь Чемпион.

Б) «В конце концов, как это всегда бывает, к нему явились и предложили полюбовную сделку. Он окажет посильное содействие в ограблении Второго Национального, ему заплатят за это молчанием».

И кто же вам мешал, уважаемый господин Мозес ответить примерно так: «Мысленно я с вами, но банки грабить не умею»? К тому же ограбление банка (помимо всего прочего) — это вмешательство в дела другой планеты. Представляете, что подумают о ваших сородичах земляне? И вообще, Мозес, за молчание грабящий банк, в отличие от Мозеса версии «Ю», грабящего банк из-за гигантской и глупейшей ошибки, у меня сочувствия не вызывает.

В) «Короче говоря, он рискнул уступить Чемпиону, тем более что убытки, понесенные Вторым Национальным, ему нетрудно было бы впоследствии возместить чистым золотом.

Дельце провернули, и Чемпион действительно исчез с горизонта. Впрочем, всего на месяц».

И за этот месяц вы и пальцем не пошевелили, чтобы убытки возместить. Когда же вы рассчитывали это сделать? Через год? Десять лет? Сто? К вашему сведению, людей иногда убивают только для того, чтобы отсрочить выплату долгов на два-три дня.

Кстати, значит, в течение месяца Чемпион вас не беспокоил? И слова Симонэ, что вас «непрерывно держали на мушке» — фуфло? Ведь в лапы гангстерам вы попали «примерно полтора месяца назад» или «в позапрошлом месяце».

Г) «Мудрый Чемпион предъявил злосчастной жертве показания восьми свидетелей, исключавшие для Мозеса хоть какую-нибудь возможность алиби, плюс кинопленку, на которой была запечатлена вся процедура ограбления банка, — не только три или четыре гангстера /.../, но и Ольга с сейфом под мышкой, и сам Мозес с неким аппаратом /.../ в руках».

Господин Мозес, вы инопланетянин или где? Кто вам мешает в очередной раз переменить внешность — и все улики против вас обращаются в пыль? Кстати, для сведения, ни один главарь банды не предоставит полиции десяток своих людей (»восемь свидетелей» плюс «три или четыре гангстера»), так как из них наверняка выбьют показания против него самого (тем более что полицейские знают, что перед ними бандиты, и церемониться не будут). Так что вас элементарно взяли на понт. Понимаете?

Д) И еще общий вопрос. Стало быть, к гангстерам вы попали «примерно полтора месяца назад». Из них целый месяц вас никто не беспокоил. То есть, «чистое» время общения с Чемпионом составило всего около двух недель. И за это время вы подготовили и провернули три серьезные операции — два ограбления и побег от бандитов. И не надо преувеличивать роль онного Чемпиона, план ограблений разработали именно вы, ибо откуда ему знать, что вы можете, а что нет. Три сложнейшие операции

за две недели проходят без сучка и задоринки. Вы же ас стратегии и тактики! Тогда почему сейчас вы бьетесь в истерике, строите из себя институтку и не можете забрать чемодан из сейфа и уйти от, повторяю, «мелкой полицейской сошки»?

133—135 (сокр.) Мозес уходит, а Глебски продолжает думать. Итак, Мозеса он не выпустит. «А» и «С» излагают все очень кратко и сухо: «Пусть будь что будет, а тайна Второго Национального и тайна золотого броневика раскрыты». «Д» и «Т» представляют как бы «промежуточный вариант и добавляют еще одну фразу: «Пусть будет что будет, а Мозеса я не выпущу!» И только «Ю» раскрывает полностью, что творится на душе у несчастного инспектора:

«Пусть смеются, а Мозеса я не выпущу. Пусть смеются, сколько душе угодно, а тайна Второго Национального, и тайна захвата броневика, и многие другие тайны будут раскрыты... Смейтесь, черт побери, смейтесь...»

145 (сокр.) «А» и «С», а также, с небольшим различием «Д» и «Т» ничтоже сумняшееся вставляют в речь Симонэ еще одно русское выражение: «Вы мелкая полицейская сошка». И только «Ю» пытается что-то исправить:

«Вы мелкая полицейская пешка».

156) «Д» снова дает волю пуританству: «Симонэ молча уставился на меня». А что в остальных версиях? Ничего особенного:

«Симонэ молча щерился, уставясь на меня». И стоило огород городить?

168) Что бы я без «Д» делал? Хозяин сам уделал инспектора, а теперь сам же его и лечит (самостоятельный мужик). По «Д», это происходит так: «Едва я открыл глаза, он поднес к моим губам стакан с водой». А теперь отгадайте с двух раз, что в остальных редакциях:

«и поднес к моим губам горлышко бутылки».

Причем бутылки отнюдь не с водой.

176, 177) Сцена погони. Разнотений здесь мало, но я все равно придерусь. Но сначала о них. В «А» и «С» сказано: «билась по ветру широкая юбка госпожи Мозес». В «Ю», «Д» и «Т», на мой взгляд, лучше: «билась на ветру...» Чуть ниже, согласно «Д»: «старый Мозес, не останавливаясь ни на секунду, страшно и яростно работал многохвостовой плетью». «Т», «А» и «С» (в «Ю» этой фразы нет) поправляют: «многохвостой плетью».

Однако меня, честно говоря, интересует другое. Глебски поднимался на второй этаж и шел к своей комнате, очевидно, медленно (сложно ходить быстро, когда каждое движение отдается болью во всем теле, да и спешить инспектору было некуда). То есть с момента отправки инопланетян до появления Глебски на крыше минуты три как минимум прошло, а значит, беглецы, которые «мчались быстро, сверхъестественно быстро», за это время пару-тройку километров уже пробежали. А теперь попробуйте разглядеть за три километра «бьющуюся на ветру юбку» и тем более «многохвостую плеть». «Мне бы такое зрение».

Кстати, чуть дальше вертолет опускается, а через четыре строчки поднимается уже с погибшими пришельцами на борту. Гм... У Чемпиона не так

много людей, и они не профессиональные грузчики, так что погрузить четыре тела в висящий на высоте метра в два агрегат (ведь на снег вертолету не сесть и ниже опуститься опасно, в землю можно врезаться), а потом еще сесть самим — это минут пять-десять (к тому же спешить бандитам, кажется, некуда). Да и к отелю они тоже почему-то не полетели. Честно говоря, так и хочется сказать Глебски: «Померещилось тебе».

181) И, наконец, снова Симонэ, который, разъяренный, рыдает и кричит инспектору, по «Ю» просто: «Добился своего, дубина, мерзавец!» А по остальным версиям (с небольшим разнотением) гораздо страшнее:

«Добился своего, дубина, убийца!..»

Слово сказано. И это верно. Гангстеров еще поймать надо, а куда проще обвинить в убийстве человека рядом с собой. Кстати, а в чем именно виноват Глебски? Ведь Мозес получил чемодан максимум через полчаса после разговора с инспектором (что не по его воле, а против нее — это сейчас нюансы). И что решили бы лишние полчаса? Нужели кто-нибудь верит, что Олаф Андварафорс за это время все починил бы на базе? Более того, в таком случае Чемпион мог бы еще и саму базу захватить. Вам это надо? (Кстати, в этом случае бандиты уж точно не стали бы церемониться с постояльцами отеля.)

Страшно это все...

И, наконец, эпилог, где расставляются все точки над «и».

3) В «Ю» инспектор произносит нейтральную фразу: «.../и я иногда рассказываю ребятишкам эту историю». В остальных версиях от «Д» до «С» заменено всего одно слово:

«/.../ и я иногда рассказываю младшенькой эту историю».

Но сколько нового мы узнаем. И о внуках Глебски (вспомним, что во время основного действия повести у него был только сын-юноша). И еще о возрасте детей, на которых рассчитана его история.

4) Пересказ инспектора «этой истории» предельно ироничен. Согласно «Ю», «Д» и «Т», ее концовка звучит так: «пришельцы благополучно отбывают домой в своей сверкающей ракете, а банду Чемпиона благополучно захватывает подоспевшая полиция». «А» и «С» усиливают иронию:

«отбывают домой в своей прекрасной сверкающей ракете».

И это Глебски, который не знал, кто такой Конан Дойль? Не правда ли, инспектор сильно изменился? И стал строже относиться к себе?

13) Последняя вставка в «Ю», рассказ о Гольденвассере и о рапорте Мозеса в органы власти:

«А Гольденвассер, конечно, вывернулся. Одним гауптштурмфюрером больше, одним меньше — это для него не имело значения. Тем более, что архивы Грэнгейма исчезли бесследно, а сообщение Мозеса никакого действия не возымело. Оно было написано слишком странным языком, содержало ссылки на слишком странные обстоятельства

и было, как я слыхал, признано просто бредом сумасшедшего. Особенно на фоне газетной шумихи, которая была поднята вокруг пришельцев. Может быть, Гольденвассеру вспомнились тогда трупы расстрелянных в России и во Франции, в Польше и в Греции, и мертвый Кёниг с черной дырой над переносицей, и другие мертвецы... Вряд ли».

14 (сокр) А теперь речь заходит о Симонэ. «Симонэ сделался тогда главным специалистом по этому вопросу. Он создавал какие-то комиссии, писал в газеты и журналы, выступал по телевидению». Это во всех вариантах. Далее в «Д», «Т», «А» и «С» (в «Ю» эта фраза очень сильно сокращена) говорится в последний раз о «великом физике»:

«Оказалось, что он и в самом деле был крупным физиком, но это нисколько ему не помогло. Ни огромный его авторитет не помог, ни прошлые заслуги. Не знаю, что о нем говорили в научных кругах, но никакой поддержки там он, по-моему, не получил».

С «великим физиком», кажется, все ясно. А с Симоном Симонэ... Господин Симонэ, что вы делаете? Вы пытаетесь форсировать контакт. А ведь: «Неподготовленный контакт может иметь и для вашего, и для нашего мира самые ужасные последствия...» Значит, сначала вы ваших любимых пришельцев, ради которых готовы отдать жизнь (и не только свою), спасаете, а потом их же пытаетесь погубить. Ваше поведение более пристало не знаменитому ученому, а заурядному карьеристу. Кстати, эта версия прекрасно объясняет ваше хамство по отношению к Глебски в предыдущей

главе (ведь, когда речь шла о вашей лично свободе, вы и не думали грубить). Остановитесь, пока не поздно!

17) Рассказывая о Брюн, инспектор цитирует заметку из газеты. В «Ю» все просто: «На чествовании «присутствовала племянница юбиляра Брюнхилд Канн...» В остальных версиях добавлено:

«очаровательная племянница юбиляра...»

И меня смущает этот эпитет. «Очарование» для меня слишком связано именно с юной непосредственностью, а Брюн уже под сорок (ведь «прошло более двадцати лет»). Женщины ее возраста бывают «красивые», «прелестные», даже «чарующие», но «очаровательная» — это двусмысленный комплимент.

24) Прощание с такой милой пуританской редактурой «Д». Глебски часто приезжает в отель, «а вечера мы проводим, как встарь, в каминной, за чашечкой черного кофе с лимоном. Увы, одной чашечки теперь хватает на весь вечер». В остальных редакциях вместо «чашечки черного кофе с лимоном», естественно, «стакан горячего портвейна со специями». Спасибо, «Д». Ты научила меня чувствовать запах спиртного за десять страниц и находить его за самыми невинными словами!

25 (сокр.) Небольшая лакуна в «Ю». Речь идет об Алеке Сневаре:

«Он, как и раньше, увлекается изобретательством и даже запатентовал новый тип ветряного двигателя. Диплом на изобретение он держит под

стеклом над своим старым сейфом в старой конторе. Вечные двигатели обоих родов все еще не запущены; впрочем, дело за деталями. Насколько я понял, для того, чтобы его вечные двигатели работали действительно вечно, необходимо изобрести вечную пластмассу».

От себя могу добавить только «по секрету», что для вечного двигателя второго рода «вечная пластмасса» совершенно не нужна, и хозяин отеля так просто шутит.

26 (сокр.) Еще один пример «эволюции фразы». В «Ю» упоминание Сневара о пулемете снижено-иронично:

«Но однажды он глухим шепотом признался мне, что держит теперь в подвале ручной пулемет — на всякий случай».

Напомним, что когда хозяин отеля говорит «глухим шепотом», то ему не стоит верить на слово.

В «Д» и «Т», пусть с небольшим разнотением, этот рассказ становится совершенно серьезным и конкретным:

«Но однажды он шепотом признался мне, что держит теперь в подвале пулемет Брена — на всякий случай».

Наконец, «А» и «С», добавив слово «постоянно» («постоянно держит теперь»), видимо, снова пытаются добавить иронии во фразу. Но «глухой шепот» «Ю», по-моему, гораздо лучше.

27(сокр.) Глебски переходит к рассказу о себе. Начальство в «Ю» отнеслось к инспектору строже, чем в остальных вариантах:

«а начальник управления даже выбранил меня за то, что я не отдал чемодан сразу и тем самым подвергал свидетелей излишнему риску».

В остальных редакциях конкретизирована должность «начальника» — «начальник статского управления» — и он не выбранил инспектора, а только «слегка побранил». Но меня больше интересует другое. Сразу — это когда? За чемоданом практически приходили трое: Луарвик, Симонэ и Мозес. Когда приходил Луарвик, Глебски ничего не знал еще об «излишнем риске». Симонэ просил за Мозеса (единственное, за что, по-моему, инспектора можно «слегка побранить», так это почему он вступил в ненужную перепалку с Симонэ, а не заявил «сразу»: «Вы говорите, это чемодан Мозеса. Тогда что вы, собственно, здесь делаете? Пусть Мозес за ним и приходит». Чем, кстати, дело и кончилось). Если же имеется в виду, что инспектор должен был сразу отдать чемодан Мозесу, то, как я уже объяснял, лишние полчаса почти ничего не решали. Не говоря уж о том, что неизвестно, в каком вообще случае свидетели подвергались большему риску.

28, 30, 32, 33) Глебски, по «А» и «С» вновь становится занудлив и косноязычен. Быть может, авторы хотели подчеркнуть, что инспектор нарочно оттягивает самый сложный разговор, но это опять-таки воспринимается как занудство авторов. Поэтому мне больше нравятся варианты «Ю», «Д» и «Т», что я сейчас и демонстрирую:

«в отставку я вышел в чине старшего инспектора — предел, на который я мог рассчитывать».

(В «А» и «С» лишние «только и», ко всему прочему, совершенно запутывают фразу.)

«Как можно описать в полицейской бумаге эту жуткую гонку...»

(В «А» и «С» добавлено «было».)

Дальше речь идет об Алеке Сневаре:

«Каждый раз он отвечал односложно...»

(В «А» и «С» лишнее «мне».)

«потом он стыдился этих слов и жалел, что признался».

(Фраза не слишком точная, но лучше чиновничье-жаргонной версии «А» и «С» «жалел о своем признании».)

31) Здесь уже в «Ю», «Д» и «Т» слишком просто: «Когда при болезни у меня поднимается температура...» «А» и «С» конкретизируют:

«Когда при простуде у меня понимается температура...»

Вот только опечаточку в слове «поднимается/понимается» неплохо было бы исправить.

35 (сокр.) В «Ю» Глебски четок и точен:

«Раз мы достигли Марса и Венеры, почему бы кому-нибудь не высадиться у нас, на Земле?»

В остальных версиях речь инспектора странновата: «Раз люди высадились на Марсе и Венере...» Глебски, что, себя человеком уже не считает? Да и прогноз не оправдался, ибо в ближайшее время мы явно ни на Марсе, ни на Венере не высадимся, а «достигли» мы этих планет еще в начале семидесятых.

36 (сокр.) В «Ю» Глебски размышляет, были ли на самом деле пришельцами Мозес и его друзья:

«И потом просто невозможно придумать другую версию, которая с такой скрупулезностью объясняла бы все темные места этой истории».

В остальных вариантах, при переходе с фашистской версии на гангстерскую, слова «с такой скрупулезностью» исчезают. Авторы весьма самокритичны.

38 (сокр.) Теперь же более самокритичен сам инспектор. В «Ю» он только сомневается: «Обойтись с ними так, как обошелся я, было, наверное, слишком жестоко». Согласно «Д», «Т», «А» и «С», инспектор почти уверен в своей неправоте:

«было, пожалуй, слишком жестоко».

42, 43 (сокр.) Наконец, инспектор переходит к самому тяжелому для него вопросу. И здесь, как мне кажется, самая корявая версия «Ю» звучит точнее остальных. Ведь человек не привык исповедоваться и должен быть немного косноязычен:

«На душе у меня скверно, вот в чем дело. Никогда со мной такого не было до и никогда после: все делал правильно, чист перед богом, законом и людьми, а на душе скверно».

Дальнейшие редакции сглаживали эту фразу. Приведем последний, канонический вариант «А» и «С»:

«Совесть у меня болит, вот в чем дело. Никогда со мной такого не было: поступал правильно, чист перед Богом, законом и людьми, а совесть болит».

Впрочем, в одном с каноническими вариантами можно согласиться. Слово «Бог» здесь действительно стоит писать с большой буквы.

46 (сокр.) Последний пропуск в «Ю». Выделим его по этому случаю. Он касается новых сомнений инспектора относительно пришельцев:

«Да, они пришли к нам не вовремя. Мы не были готовы их встретить. Мы не готовы к этому и сейчас. Даже сейчас и даже я, тот самый человек, который все это пережил и передумал, снова столкнувшись с подобной ситуацией, прежде всего спрошу себя: а правду ли они говорят, не скрывают ли чего-нибудь, не таится ли в их появлении какая-то огромная беда? Я-то старый человек, но у меня, видите ли, есть внучки...»

47) Итак, в Глебски болит совесть. Болит настолько, что, по «Ю», «Д» и «Т»: «Когда мне становится плохо, жена садится рядом и принимается утешать меня». В «А» и «С» боли даже усилены:

«Когда мне становится совсем уж плохо...»

Со времени событий «прошло уже больше двадцати лет», а у инспектора «болит совесть» и болит так, что иногда «становится совсем уж плохо»? Семь тысяч ночей за одну ночь, не слишком ли это много? Ничего не напоминает? Именно эта ассоциация Петера Глебски с Пятым Прокуратором Иудеи (святым, по меркам некоторых христианских церквей) остается в памяти читателей и формирует их отношение к главному герою повести и самой повести в целом. По-моему, самая удачная находка братьев Стругацких.

Кажется, я сказал все. Не знаю, даже нужно ли послесловие. Но текст еще не кончился, и имеются мелкие разночтения.

49) Согласно «Ю», «Д» и «Т»: «И все-таки от ее утешений мне становится немножечко легче». «А» и «С» правильно снижают сентиментальность: «мне становится немножко легче».

50) Самая полная информация о времени и месте написания повести приводится в «Д»:

«Комарово — Ленинград Январь — апрель 1969»

В остальных версиях эти сведения все более сокращаются:

«Ю»: «Комарово — Ленинград»

«Т»: «1969 г.»

В канонических «А» и «С» такой информации вообще нет. А жаль...

Как переиздавали повести братьев Стругацких

Решил слегка побрюзгать на «Полное собрание сочинений братьев Стругацких».

Как переиздавали братьев Стругацких в СССР

Почему-то до сих пор ходит легенда, что повести братьев Стругацких переиздавались плохо, причем с намеком, что по цензурным соображениям. И поддерживают ее даже самые, по-моему, лучшие специалисты по творчеству Стругацких. Вот что пишет в своей статье о «Хищных вешиах века» Вадим Казаков в 8-м томе Полного собрания сочинений Стругацких:

Итак, после затребованных цензурой и редакционным начальством исправлений повесть впервые была издана в одноименном сборнике (вместе с ПКБ) в 1965 году. В этой книге ХВВ сопровождало авторское предисловие, написанное в рамках все той же «спасательной операции» для снижения риска нежелательных толкований. Ни от каких дальнейших нападок это вступление, впрочем, авторов не спасло, и в последующих изданиях надобность в нем отпала. А переиздавалась повесть

в советские времена достаточно редко и только в периферийных издательствах (в Баку в 1980 и 1981 годах и в Кишиневе в 1983 году).

Надо полагать, издания в 1990 году миллиона экземпляров (со всеми допечатками тиража и вариантами переплета и обложки) сборника «Хромая судьба. Хищные вещи века» в издательстве «Книга» просто не существовало в природе. Или в 1990 году СССР уже не было...

В 10-м томе о «Втором нашествии марсиан» сказано верно фактологически:

Впрочем, о каком-то серьезном числе переизданий правомерно говорить только начиная с 1989 года: до этого времени повесть выходила всего лишь раз — в кишиневском сборнике «Жук в муравейнике» (1983). Но после потока обрушившейся на ВНМ в конце 60-х годов заушательской «критики» (временами переходящей в откровенное хулиганство, как в случае с пресловутой «рецензией» некоего И. Краснобрыжего) удивляться этому факту не приходится...

Но снова — повесть переиздавали мало по цензурным соображениям.

Хотя дата 1989 год названа правильно. Именно с этого года книги братьев Стругацких выходят в большом количестве. И тогда же появляются первые «Избранные собрания сочинений» авторов.

Кажется, пришла пора рассказать о казалось бы всем известных фактах: как в СССР (до 1989 года) переиздавались повести Стругацких. Но перед этим два замечания. Во-первых, говоря о переиздани-

ях, я не буду учитывать допечатки тиража книг. Только переиздания «истинные». А, во-вторых, замечу, что в СССР (за исключением небольшого промежутка времени в 50-х — начале 60-х годов) не приветствовалось прямое переиздание фантастики (судя по всему, тут стоял как организационный, так и финансовый барьер). Переиздание разрешалось только для классиков (среди фантастов таковым долгое время значились только Алексей Толстой да Александр Грин), некоторых авторов-юбиляров и для элитных библиотек. Пожалуй, еще разрешалось выпускать новые редакции книг. (Тут вспоминается творческая эпопея Александра Казанцева, превратившего «Мол Северный» сначала в «Полярную мечту», а затем в «Подводное солнце».) И меньше следили за авторскими и коллективными сборниками.

Сначала о первых переизданиях повестей Стругацких в 60-е годы.

1963 г.

Извне: Повесть в трех рассказах. // В мире фантастики и приключений. — Л.: Лениздат.

1964 г.

Путь на Амальтею: Повесть // В мире фантастики и приключений. — Л.: Лениздат.

1965 г.

Далекая радуга: Повесть // Библиотека фантаст. И путешествий. — В 5 т. — Т. 3. — М.: Мол. Гвардия.

1966 г.

Трудно быть богом; понедельник начинается в субботу. — М.: Мол. гвардия (Б-ка соврем. фантаст. В 15 т.; Т. 7).

1967 г.

Полдень, XXII век (возвращение) — Дополн. И перераб. изд-е. — М.: Дет. лит., 1967. (Б-ка приключений и науч. фантаст.).

1968 г.

Стажеры.// Стругацкий А., Стругацкий Б. Стажеры; второе нашествие марсиан: Фантаст. повести — М.: Мол. гвардия, (Б-ка советской фантаст.).

1969 г.

Страна багровых туч: Повесть // Стругацкий А., Стругацкий Б. Страна багровых туч; Днепров А. Глиняный бог. — М.: Дет. лит., (Б-ка приключений. В 20 т. Т. 17).

То есть за шестидесятые годы были переизданы все напечатанные в книгах повести Стругацких до «Понедельника» включительно. Мне кажется, очень хороший по тем временам результат. И это несмотря на самые затруднения с изданием новых повестей Авторов.

Далее дело пошло гораздо хуже. За 1970—1978 год была переиздана всего одна повесть Стругацких (в 1975 году «Полдень 22-й век»). Но за это время вышло всего две книги авторов, и вообще для советской фантастики это было очень тяжелое время. (Впрочем, это совсем другая история.)

А пока, как говорится в романах, окончание следует.

Начиная с 1979 года книги братьев Стругацких вновь активно издаются, а в 1980 году официально разрешено переиздавать Стругацких в республиканских издательствах. Авторы стареют, часть их историй по-прежнему под запретом, повести их меньше издаются, но гораздо больше переиздаются (напоминаю, что допечатки тиража здесь не учитываются).

1979 г.

Понедельник начинается в субботу. // Стругацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу: Фантаст. повести — М.: Дет. лит.

1980 г.

Извне; малыш. // Стругацкие А. и Б. Неназначенные встречи. Науч.-фантаст. повести. — М.: Мол. гвардия (Б-ка советской фантаст.).

Хищные вещи века; трудно быть богом. // Стругацкие А. и Б. Трудно быть богом: Повести. — Баку: Азернешр.

1983 г.

Отель «у погибшего альпиниста»: Науч.-фантаст. повесть. — М.: Дет. литература (Библ. серия).

Обитаемый остров; второе нашествие марсиан; хищные вещи века. // Стругацкие А. и Б.

Жук в муравейнике: Повести. — Кишинев: Лумина (Мир приключений).

1984 г.

Пикник на обочине; трудно быть богом.// Стругацкие А. и Б. За миллиард лет до конца света: Повести. — М.: Сов. Писатель.

1985 г.

Путь на амальтею; стажеры; малыш; парень из преисподней.// Стругацкие А. и Б. Стажеры. — М.: Дет. литература, 1985. — (Б-ка приключений и науч. фантаст.). — «Сборник издается в связи с 60-летием А.Стругацкого, 50-летием Б.Стругацкого и 25-летием их совместной творческой деятельности».

1986 г.

Попытка к бегству. Жук в муравейнике.// Стругацкие А. и Б. Жук в муравейнике: Рассказы и повести — Рига: Лиесма (Приключения. Фантастика. Путешествия).

Понедельник начинается в субботу: Повесть-сказка для научных работников младшего возраста. — Минск: Юнацтва — (Б-ка приключений и фантаст.)

1987 г.

Понедельник начинается в субботу; парень из преисподней; жук в муравейнике. // Стругацкие А. и Б, Понедельник начинается в субботу: Фантаст. повести. — Фрунзе: Мектеп,

(Б-ка приключений и науч. фантаст.).

1988 г.

За миллиард лет до конца света; пикник на обочине; далекая радуга.// Стругацкие А. и Б. Повести: — Л.: Лениздат (Повести ленинградских писателей).

Понедельник начинается в субботу. // В круге света. — Кишинев: Штиинца (Икар).

То есть за 10 лет из 18 опубликованных повестей авторов было переиздано 16 (непереизданы самая первая повесть Стругацких «Страна Багровых туч» и переизданный в 1975 году «Полдень. 22-й век»). Из них девять повестей переизданы 1 раз, шесть («Хищные вещи века», «Трудно быть богом», «Малыш», «Парень из преисподней», «Жук в муравейнике» и, скорее всего, «Пикник на обочине») — дважды, а несомненный лидер по переизданиям, «Понедельник начинается в субботу» —

четыре раза. Одиннадцать повестей переиздано в центральных издательствах, 8 — в республиканских. Разница заключается в большем внимании центральных издательств к раннему творчеству авторов («Извне», «Путь на Амальтею», «Стажеры»). Для повестей же зрелого периода творчества Стругацких (с «Попыткой к бегству») шансы быть напечатанными в центральных («Далекая Радуга», «Отель «У погибшего альпиниста», «Малыш», «Пикник на обочине», «За миллиард лет до конца света») и республиканских («Попытка к бегству», «Хищные вещи века», «Второе нашествие марсиан», «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике») издательствах примерно одинаковы. Общая тенденция центральных издательств печатать, так сказать, «менее критикуемые» повести авторов просматривается, но сложно доказывается.

Таким образом, за 26 лет с 1963 по 1988 году:

- все повести Стругацких были переизданы;
- подавляющее большинство повестей авторов были переизданы один или два раза, повесть «Трудно быть богом» — три раза, то есть, кроме, быть может, «Понедельника», не имели «серьезного числа переизданий»;
- начиная с 1980 года, повести зрелого периода творчества Стругацких практически в одинаковом количестве переиздаются в центральных и республиканских изданиях;
- я не вижу доказанного «постороннего влияния» на переиздание конкретных повестей авторов.

А начиная с 1989 года, практически все повести Стругацких бешено издаются и переиздаются. Но это уже совсем другая история.

Еще о переиздании повестей братьев Стругацких

И снова мое ворчание на тему, хорошо или плохо переиздавались повести братьев Стругацких. И опять по поводу нового, только что вышедшего 14-го тома полного собрания сочинений братьев Стругацких. Ибо лучшие (честное слово, лучшие, это не издевка, а признание их заслуг) знатоки творчества Авторов пишут, что повесть «Обитаемый остров» «в центральных издательствах /.../ публиковать не хотели» и далее о наличии цензурных и полуцензурных претензий конкретно к этой повести. И мне снова приходится садиться за клавиатуру и объяснять, как переиздавались повести братьев Стругацких, на сей раз конкретно в центральных и нецентральных издательствах. Итак, как уже известно, в шестидесятые годы были переизданы восемь ранних повестей авторов, из них четыре: «Стажеры», «Далекая Радуга», «Трудно быть богом» и «Понедельник начинается в субботу» — в издательстве «Молодая гвардия», две: «Страна Багровых туч» и «Полдень, 22-й век» — в «Детской литературе», и еще две: «Извне» и «Путь на Амальтею» — в Лениздате.

те. Единственная переизданная в 1970—1978 годах повесть Стругацких («Полдень, 22-й век») также печаталась в «Детской литературе».

То есть: вплоть до конца 70-х годов повести Авторов переиздавались исключительно в центральных издательствах, но лишь в трех из них.

С конца 70-х годов разрешается переиздавать повести Авторов в региональных издательствах, но вплоть до перестройки выходит лишь два таких издания (в Баку и Кишиневе) на пять центральных (в четырех из них повести Автором переиздавались). В первые же годы перестройки (до 1989 года, первого года бума Стругацких) у них выходят всего две книги в центральных издательствах и три книги плюс один коллективный сборник в издательствах региональных (в Минске, Риге, Душанбе и том же Кишиневе).

Иными словами, в 1979—1988 годах выходит примерно одинаковое число книг Стругацких в центральных и региональных издательствах и, как я уже писал, одиннадцать повестей переиздано в центре и восемь — на периферии, однако в число центральных переизданий входят три ранние повести Авторов («Извне», «Путь на Амальтею» и «Стажеры»), то есть число повторных публикаций зрелого периода творчества Стругацких одинаково.

Рассмотрим теперь, какие именно произведения Авторов переиздавались в каких центральных издательствах.

Повторю за десять лет там вышло шесть книг с переизданиями: из них три — в «Детской литературе», и по одной — в «Молодой гвардии», «Советском писателе» и «Лениздате». (То есть пове-

сти Стругацких переиздавались лишь в четырех центральных издательствах, остальные Авторов гордо игнорировали.)

Причем из семи переизданных повестей в издательствах «Детская литература» и «Молодая гвардия» три относятся к раннему, полуученическому периоду творчества Авторов, а еще три («Отель «У погибшего альпиниста», «Малыш» и «Парень из присподней») — так сказать, наименее «беспроблемные», особенно с точки зрения замечаний от редактуры и критики. И только «Понедельник начинается в субботу» лишен указанных недостатков.

(Здесь опять таки надо оговориться. Мне нравятся и «Отель», и «Малыш», и «Парень». Они действительно интересны и хорошо написаны. Вот только возникает ощущение, что не за свои достоинства они избраны для переиздания.)

У нас остаются лишь две книги «Советского писателя» и «Лениздата» и четыре хорошие переизданные повести авторов: «Далекая Радуга», «Трудно быть богом», «Пикник на обочине» и «За миллиард лет до конца света», истории (особенно «Пикник на обочине»), на мой взгляд, не менее проблемны с «проходимостью», чем «Обитаемый остров». Так что «Обитаемому острову» и иным повестям зрелых Стругацких («Попытка к бегству», «Хищные вещи века», «Второе нашествие марсиан», «Жук в муравейнике»), кажется, просто не повезло, что они не попали в состав двух указанных книг, вышедших в центральных издательствах «Советский писатель» и «Лениздат».

История советской фантастики

Фантастика в уральских газетах времен позднего сталинизма

Это мой первый, самый маленький шаг в написании истории советской фантастики. С учетом скорости моей работы вряд ли она когда-нибудь будет написана, но вдруг кому-нибудь поможет. Во всяком случае, я точно не знаю никого, кому придет в голову опубликовать данную конкретную статью. Информацией об этих изданиях я обязан библиографии И. Халымбаджи и других «Фантастика, опубликованная на Урале». Еще добавлю, что приводиться будут только материалы на русском языке.

Итак, в конце 30-х годов в уральских газетах стали появляться фантастические истории. В первых рядах шла детская свердловская газета «Всходы коммуны». Так, в январе—марте 1941 года в ней была опубликована повесть Н. Автократова «Тайна профессора Макшеева». А потом наступила война, и всем стало не до фантастики.

В 1945 году война закончилась, но всем по-прежнему было не до фантастики. Впрочем, в уральских книгах она как-то издавалось. В 1948 году в Свердловске печатался фантастический роман А. Подсосова «Новый Гольфстим», в 1951 году

в Молотове (бывшей и будущей Перми) — повесть Бориса Фрадкина «Сильнее смерти», в том же Молотове переиздавались сказки и мистические истории Гоголя, переиздавались сказки Пасторского, в Уфе выходило «Путешествие в будущее» Р. Нигмати, печаталось еще кое-что совсем по мелочи. В общем, по тем временам фантастика в уральских издательствах получила весьма достойное представление.

В журналах фантастика не печаталась, скорее всего, по неимению этих самых журналов.

А в уральских газетах за 8 (с 1946-го по 1953 годы) лет найдено всего 22 фантастические истории (с учетом переизданий). Впрочем, то что таких историй было мало, еще полбеды.

Беда в том, каковы они были.

А подавляющее большинство фантастических историй в уральских газетах четко подразделяется на три категории. Начнем от меньшей к большей.

В-третьих, это фантастическая сатира. Их всего два они совершенно бытовые, но самое забавное, это где они печатались:

Середа Ю. «Пластинский дом ЗАГС...ский» («Знамя Октября»; Пласт, 1949);

Зубов М. «Перестроиться: дружеский шарж в прозе» («За бокситы»; Североуральск, 1950).

Уже по этим примерам четко видно, как вырастают наши познания по географии Урала.

Во-вторых, сказки, сказы, легенды или стилизации под них. Причем практически всегда с явным политическим подтекстом:

[Б. а] «Ленинская правда: белорусская сказка» («Чкаловская коммуна» и «Сталинец»; Чкалов, бывший и будущий Оренбург, 1948—1949 гг.).

Шаров И. «Счастье жизни: сказ» («Шадринский рабочий», Шадринск, 1953 г.).

И в первых и главных — это истории к «красным дням календаря», а если еще точнее — то к Новому году. Это часто устанавливается уже по названию:

Галич Б. «Разговор с новым годом» («Чкаловская коммуна» и «Сталинец»; Чкалов, 1949 г.);

Вохминцев В. «Новогодняя сказка» («Челябинский рабочий», Челябинск, 1950 г.);

Маркелов В. «В ночь под Новый год» («Большевистское слово», Златоуст, 1950 г.);

Николаева Т. «Сон в новогоднюю ночь» («Горняк», Свердловск, 1951 г.).

Или по подзаголовку:

Попов В. «Два года: новогодний рассказ» («Верхисетский рабочий», Свердловск, 1947 г.);

Костарев В. «Придирчивый юноша: новогодний фельетон» («Большевистское слово», Златоуст, 1948 г.);

Зубастый М. «Напутствие: новогодний рассказ» («За тяжелое машиностроение», Свердловск, 1950 г.);

Ключевский П. «Необычайные встречи: новогодний фельетон» («Большевистское слово», Златоуст, 1950 г.);

Пестов С. «Не ожидали...: новогодний фельетон» («Горняцкая правда», Коркино, 1951 г.).

Но самое главное по дате выхода: 31 декабря или 1 января:

Кленов Р. «Заглянем в будущее» («Копейский рабочий», Копейск, 1946 г.).

[Б. а] «Необычайное интервью» («Сталинец», Свердловск, 1950 г.);

Крайский И. «Ночные гости» («Сталинец», Свердловск, 1950 г.);

Ершов В. «По ту сторону» («Сталинская смена», Челябинск, 1951 г.);

Маркелов В. «...И этот год» («Большевистское слово», Златоуст, 1952 г.);

Бельчик А. Праздничные сюрпризы: фантастический рассказ («Верхисетский рабочий», Свердловск, 1953 г.).

В «сухом же остатке» остается:

Корсуновский И. «Живая вода: рассказ» («Сталинец», Нижний Тагил, 1950 г.).

Я прекрасно понимаю, что скорее всего это еще один сказ, разве что чуть менее политизированный, но надежда, что рассказ этот все-таки фантастический, меня не покидает.

Что ж, получается: фантастика в уральских газетах времен позднего сталинизма, представляла собой новогодние истории, сказы и сказки, а также сатирические фельетоны. Лишь один В. Маркелов написал две фантастические истории, только А. Бельчик прямо назвал свой рассказ «фантастическим» и единственно И. Корсуновский даровал надежду на подлинно фантастическую историю.

А в 1954 году в уральских газетах вышло сразу четыре фантастических повести.

Фантастика в уральских газетах времен ранней оттепели

Неожиданно, в какой-то степени даже для самого себя, я решил продолжить рассказ о фантастике в уральских газетах. Ибо в ней, как в капле

воды, отражается советская фантастика того времени и вряд ли о ней многие знают.

Еще раз напоминаю, что информация взята из библиографии И. Халымбаджи и других «Фантастика, опубликованная на Урале». А также, что Молотов — это бывшая и будущая Пермь, а Чкалов — бывший и будущий Оренбург. Еще маленько добавление: упомянутая в прошлой статье «Путешествие в будущее» Р. Нигмати — это поэма.

Итак, фантастики времен позднего сталинизма в уральских газетах практически не было, основу ее составляли рассказы и фельетоны к новому году, а само слово «фантастическая» прилагалось лишь к одной публикации. Начиная с 1954 года на Урале выходит больше фантастической литературы. Впереди всех здесь Молотов, в его книжном издательстве выходят аж три книги местного фантаста Бориса Фрадкина «Дорога к звездам» (1954), «Тайна записной книжки» (1954) и «Тайна астероида 117-03» (1956), а также сказка известного сказочника В. Воробьева «Похождения Деда Мороза» (1957) и переиздаются роман Ж. Ронни-старшего «Борьба за огонь» (1956) и мистические истории Вашингтона Ирвинга (1957). В Свердловском издательстве (или издательствах, я, честно говоря, не совсем понимаю разницу между книжным издательством и областным книжным издательством этого города) вышла повесть Г. Михайлова «Тайна рубина» (1955) и переиздавались рассказы Александра Грина (1956). Наконец, Челябинское книжное издательство может похвастаться лишь маленьким фантастическим рассказом маленького мальчика с весьма характерным названием: В. Сабуров «Полет на Луну» (1957). Журна-

лы на Урале, если и были, то фантастика в них по-прежнему не печаталась.

А вот в уральских газетах за 4 года (с 1954-го по 1957) найдены уже 52 фантастические истории (с учетом переизданий), что почти в 2,5 раза больше, чем в послевоенный период. Налицо и качественные изменения.

Начнем с историй, не поддающихся анализу, благо она всего одна:

Устинов Г. «Однажды в выходной» («Сталинская смена», Челябинск, 1956 г.).

Под таким названием может скрываться и сказка, и фельетон, и полноценный фантастический рассказ.

Легенды и сказы исчезают, но остаются сказки (очевидно, литературные и авторские). Причем сказка с политическим подтекстом лишь одна:

[Б. а] «Поп в раю: русская сказка» («Златоустовский рабочий», Златоуст, 1954 г.).

Далее есть сказки с более-менее «нейтрально-сказочными» названиями:

Кваша О. «Случай в сумке: сказка» («За тяжелое машиностроение», Свердловск, 1955 г.);

Преображенская Л. «Две сестрички: сказка» («Сталинская смена», Челябинск, 1954 г.);

Преображенская Л. «Как ребята осень искали: сказка» («Сталинская смена», Челябинск, 1955 г.);

Преображенская Л. «Кот-хвастун»: сказка» («Комсомолец», Челябинск, 1957 г.).

Очевидно, хотя прямо не указано, что это сказка, к ним же относится и:

Преображенская Л. «Самый красивый» («Сталинская смена», Челябинск, 1955 г.).

Но мне лично гораздо интереснее сказки явно фельетонного содержания:

Василевский П. «Две сестрицы и один бурократ: сказка» («По ленинскому пути», Кудымкар, 1956 г.);

Юсков А. «Сказка про доверчивого гуся, проходимца петуха и хитрую лису, которые познакомились за стаканом хмельного» («Заря Урала», Краснотурьинск, 1956 г.)

(Снова, как интересные публикации, так сразу пополняются наши сведения о городах Урала.)

Историях к «красным дням календаря», теперь есть не только к Новому году, но и к 1 Мая. Их все-го две, но они явно весьма разноплановые:

Влад Лиска. «Алло, говорит Весна» («Сталинец»; Свердловск, 1955 г.);

Дементьев В., Косарева Л. «В 2006-м году: рассказ» («Сталинская смена», Челябинск, 1956 г.).

Разноплановы и истории к Новому году. Часто они весьма нейтральны. И здесь выделяется поэт А. Горбачев со стихотворениями «Новогоднее путешествие» и «Путешествие Деда Мороза», которые были опубликованы на Новые 1954, 1955 и 1956 годы в «Чкаловской коммуне» (Чкалов). Интересно, это было одно, два или три стихотворения?

Также к Новому году публиковались:

Владимиров В. «В Новогоднюю ночь: фельетон» («Рабочая правда», Полевской, 1955—1956 гг.);

Дедиков М. «Новогодняя встреча: фельетон» («Егоршинский рабочий», Егоршино, 1955 г.);

Кленов В. «В ночь под Новый год» («Вперед, к коммунизму», Пышма, 1955 г.);

Кленов В. «Новогоднее интервью» («Вперед, к коммунизму», Пышма, 1956 г.);

Варламов В. «В ночь перед Новым годом» («Рабочая правда», Полевской, 1957); Кротов А. «В Новогоднюю ночь» («Знамя труда», Тугулым, 1957

Еще две новогодние истории носят явно политический характер: [Б. а] «Новогоднее путешествие генерала Бизнесхауэра: памфлет» («Алапаевский рабочий», Алапаевск, 1954);

Вохменцев Я. «Мистер Доллар ищет пророка: сказка-памфлет» («Челябинский рабочий», Челябинск, 1957).

В названии последней истории нет ничего связанного с Новым годом, однако дата публикации выдает ее с головой.

Одна, судя по названию, чистая утопия:

Зубов М. «Так будет: новогодний фельетон» («За тяжелое машиностроение», Свердловск, 1954).

Остальные же носят то ли юмористический, то ли утопический характер (а, быть может, и то, и другое):

Вольный Р. «Когда пробуждается спящий: новогодний фельетон» («Златоустовский рабочий», Златоуст, 1954);

Маркелов В. «Финиш: новогодний фельетон» («Златоустовский рабочий», Златоуст, 1955);

Семенов Н. «У телефона: новогодняя идиллия» («Уральский кузнец», Челябинск, 1955);

[Б. а] «Сон под Новый год: фельетон» («Авангард», Катав-Ивановск, Челябинская область, 1956);

Глушкова Ю. «Ночные прения: фельетон (современная сказка)» («Чкаловская коммуна», Чкалов, 1957);

Трифонов Н. «Сон в руку: юмореска» («Тавдинский рабочий», Тавда, 1957).

Как видите в трех из шести случаев слово «новогодний» находится лишь в подзаголовке, а еще в двух — о Новом году напоминает только дата их публикации.

И, наконец, собственно фантастические произведения.

Их не просто много (просто много было в конце 30-х годов, когда за три с половиной года в уральских периодических изданиях вышло четыре фантастические повести), а много на удивление. И основу, разумеется, составили авторы, которые либо нигде больше не печатались, либо печатались в уральских журналах и книгах:

Автократов Н. «Серая скала: приключенческая повесть» («Ленинец», Уфа, 1956);

Алабин Г. «Стальное сердце: повесть» («Комсомолец», Челябинск, 1957);

Арефьев С. «Красная шкатулка: рассказ» («Алапаевский рабочий», Алапаевск, 1954);

Арефьев С. «Тайна полигона: рассказ» («За тяжелое машиностроение», Свердловск, 1954, «Путь Ленина», Мехонское, Курганская область, 1957);

Нефедьев К. «Странная находка: отрывок из романа «Непобедимый камень» («Магнитогорский рабочий», Магнитогорск, 1956);

Нефедьев К. «Тайна алмаза: научно-фантастический роман» («Челябинский строитель», Челябинск, 1956);

Нефедьев К. «Мираниевая пластинка: повесть» («Магнитогорский рабочий», Магнитогорск, 1957);

Самойлов Л., Скорбин В. «Ягуар-13: повесть» («За тяжелое машиностроение», Свердловск, 1954);

Сурин Л. «Загадка воды: научно-фантастическая повесть» («Авангард», Катав-Ивановск, Челябинская область, 1956);

Фрадкин Б. «Дорога к звездам: отрывок из романа» («Молодая гвардия», Молотов, 1954);

Фрадкин Б. «История одной записной книжки: фантастическая повесть» («Молодая гвардия», Молотов, 1954; «Сталинская смена», Челябинск, 1955);

Фрадкин Б. «Тайна астероида 117-03: фантастическая повесть» («Молодая гвардия», Молотов, 1955);

Фрадкин Б. «У истоков бессмертия: повесть» («Молодая гвардия», Молотов, 1956);

Черносвитов В. «Щит Родины: повесть» («Затяжелое машиностроение», Свердловск, 1954);

Шустов В. «Чудесный Сон: отрывок из повести» («Сталинец», Свердловск, 1955).

А в 1957 году, отдельно отметим сей интересный факт, два произведения вышли с продолжением в следующем году:

Арефьев С. «Тайна полигона: рассказ» («Искра», Лысьва);

Сурин Л. «Необычайное путешествие: фантастическая повесть» («Авангард», Катав-Ивановск, Челябинская область).

Сразу бросаются в глаза завлекательные заглавия (нейтральные «Серая скала», «Красная шкатулка» и «История одной записной книжки» в подавляющем меньшинстве). Трижды встречается слово «тайна», а также слова «загадка», «странная», «необычайное», «чудесный». А там где нет этих типичных для юной фантастики слов, атмосферу «необычайной тайны» создают экзотиче-

ские слова «мираниевая», «Ягуар-12», либо словосочетание «Стальное сердце», либо слова относительно простые, но четко обозначающие большую важность («Щит Родины») или невообразимость («Дорога к звездам», «У истоков бессмертия») рассматриваемой проблемы. Честное слово, иногда я завидую наивным читателям фантастики 50-х годов.

Напоследок отметим, что фантастика в уральских газетах не только издается, но и переиздается. И если переиздание давно забытой сейчас повести Кальницкого Я. «Конец подземного города» («Сталинская смена», Челябинск, 1955) можно считать курьезом, то истории, переизданные уфимской газетой «Ленинец» в 1956 году, я лично отлично помню:

Гамильтон Э. «Невероятный мир»;

Савченко В. «Пробуждение профессора Берна». С перевода рассказа Гамильтона, кажется, начинаются новейшие переводы фантастики в СССР.

Такова столь неожиданно обильная фантастика в уральских газетах времен ранней оттепели.

Фантастика в уральских газетах. Год 1958, поворотный

Последний мой рассказ о фантастики в уральских газетах, основанный на библиографии И. Халымбаджи и других «Фантастика, опубликованная на Урале».

В 1958 году произошло сразу несколько интереснейших событий. Но самые известные прои-

зошли году в 1957-м, когда Пермь вновь стала Пермью, а Оренбург — Оренбургом. Среди фантастической литературы в 1958 году первенство уверенно держит город Челябинск и его «Южно-Уральское книжное издательство», где вышла в свет «Тайна алмаза» Константина Нефедьева, а также сказки С. Власовой («Голубая жемчужина» и «Уральские сказы») и А. Дементьева «Сказки и рассказы». А еще в пермском книжном издательстве выходит второе, дополненное и переработанное, издание романа Бориса Фрадкина «Дорога к звездам» и в Уфе (издательство «Башкнигоиздат») в сборнике «Слово — молодым» рассказ И. Быстрова «Голубой болид».

Фантастика печатается и в уральских журналах, причем сразу в трех.

В совершенно неведомом мне челябинском журнале «Уральские огоньки» выходят сказки А. Дементьева «Найденыш» и «Про Наташу-девушку», в гораздо более известном свердловском «Урале» — фельетон

О. Богаевского «Патриоты доллара». Но больше всего радует новорожденный (или возрожденный свердловский «Уральский следопыт»). В нем был переиздан (из того же «Уральского следопыта» образца 30-х годов) рассказ Александра Беляева «Слепой полет» и напечатаны повести А. Быковова «Западная карьера» и В. Ковалева «Погоня под землей» и рассказы поляка

В. Гелжинского «В гостях у Нептуна Посейдонского», китайцев Чи Шу-Чана и Юя Джи «Слон без хобота» и местной писательницы Беллы Дижур «В плена у предков». Начало журнальной фантастики на Урале было положено.

И в газетах за единственный 1958-й год вышла 31 фантастическая история, что опять-таки почти в 2,5 раза больше, чем в среднем в считающиеся урожайными на фантастику годы ранней оттепели 1954–1957. И вновь налицо серьезные изменения.

Впрочем, начнем с привычных жанров.

Среди сказок появляется одна легенда (политическая, но, очевидно, местного значения):

Тляш Г. «Легенда о Лукмане Хакиме» («Копейский рабочий», Копейск).

Две сказки с нейтральными названиями:

Пермяк Е. «Две сказки: Раки. Перо и чернильница» («Вечерний Свердловск»);

Шмакова Г. «Про Капусту-Луковку и жадного Козла-Бородая; Три желторотых цыпленка и твердая горошина: сказки» («Искра», Кунгур.).

Сказки Пермяка вышли 8 марта, но мне это кажется случайным совпадением.

И две сказки явно фельетонно-сатирические:

Новожилов О. «Сказка о короле, редакторе и злом драконе» («За индустриальные кадры», Свердловск);

Суховей И. «Про Серого козлика: сказка для взрослых» («Голос колхозника», Манчаж)

(А я в который уже раз не перестаю удивляться разнообразию уральской фантастической географии.)

Из историй к «красным дням календаря» остались только истории новогодние, но тоже весьма разнообразные.

Чисто политические мотивы звучат в новогоднем фельетоне:

Овчаренко Ф., Янтовский З. «Коктейль-холл Нато: фельетон» («Вечерний Свердловск»).

(Слово «Нато» написано как в первоисточнике.)
Другая история явно футурологическая:

Александров В. «Нам начинать!: рассказ» («Машиностроитель», Челябинск).

Остальные же новогодние истории не без юмора, а то и не без сатиры или фантастики:

Вольный Р. «Не в руку сон: новогодний фельетон» («Златоустовский рабочий», Златоуст);

Наш корреспондент. «Неожиданный визит: вместо фельетона» («Горняк», Свердловск);

Рахвалов Н. «Летучка: фантастический рассказ» («Уральский кузнец», Челябинск);

Хлыбов Ю., Казанцев А. «Обиды Деда Мороза фельетон» («Голос колхозника», Манчаж).

И снова лишь в заглавии одного фельетона открыто упоминается «новый год» (и то в подзаголовке) и еще в одном — Дед Мороз. Остальные всего лишь вышли 30—31 декабря либо 1 января.

(Еще заметим, пожалуй, что у Р. Вольного в том же «Златоустовском рабочем», но в 1954 году, уже выходил фельетон про сон и Новый год.) И собственно фантастические произведения в газетах продолжали печататься.

В первую очередь упомянем, истории, начатые в 1957 году, в году 1958 успешно закончились: Арефьев С. «Тайна полигона: рассказ» («Искра», Лысьва);

Сурин Л. «Необычайное путешествие: фантастическая повесть» («Авангард», Катав-Ивановск, Челябинская область).

Также имеется одно переиздание:

Альтов Г. «Дедал и Икар: научно-фантастический рассказ» («Ленинец», Уфа).

(Кстати, переиздан был практически сразу, как напечатался в журнале «Знание — сила».)

Остальные же фантастические произведения написаны местными авторами:

Ковалев В. «Подземный Робинзон: научно-фантастическая повесть» («На смену!», Свердловск);

Ковалев В. «Ум: фантастический рассказ» («На смену!», Свердловск);

Подкорытов Ю. «Взрыв в космосе: научно-фантастический рассказ» («За трудовую доблесть», Челябинск);

Фрадкин Б. «Пленники пылающей бездны: повесть» («Молодая гвардия», Пермь).

Пожалуй, обратим внимание, что в названиях фантастических историй часто присутствуют слова «научная» и «фантастика», а еще стало меньше «тайны», «необычайного» и т. п., а больше названий всяких экзотических мест («подземный», «пылающая бездна», «космос»).

Кроме того, имеется фантастическое стихотворения с также весьма «экзотическим» названием:

Вохменцев Я. «Марсиане: стихотворение» («Челябинский рабочий», Челябинск).

Фантастический очерк:

Чернавин Н. «На берегу будущего моря: очерк» («Южный Урал», Оренбург).

И впервые появляются пародии на фантастику:

Ваш искренний друг невидимка. «Чудесные очки» («Механизатор», Челябинск);

Поль Технический. «Встреча с марсианами: научно-фантастический рассказ» («За индустриальные кадры», Свердловск);

Устинов Г. «Дело из будущего: пародия» («Уральский рабочий», Свердловск).

Заметим, что иногда пародийность истории упоминается в названии, а порой отыгрывается необычным авторским псевдонимом.

И еще одно событие 1958 года. Появляется целый ряд фантастических фельетонов. Которые больше не маскируются ни под сказки, ни под фантастику, ни под новогодние публикации. Первопроходцем в этом деле стал журнал «Вечерний Свердловск» и все далее помянутые фельетоны были опубликованы в 1958 году в этой газете:

Горбунов Э. «Подслушанный разговор»;
Овчаренко Ф. «Чудеса в зоопарке: фельетон»;
Рябинин Б. «Разговор с Городом»;
Языкова В. «Отчего плакали куклы: фельетон»;

Янтовский З. «Тайна его рождения: комедия нравов в 3-х действиях»;

Янтовский З. «В лунную ночь: фельетон»;
Ярошевский И. «Потомок Плюшкина: фельетон».

И напоследок помянем еще фельетон в том же «Вечернем Свердловске», но уже на международную тему: Янтовский З. «Призрак в Белом доме: фельетон».

И это, к сожалению, все. Далее фантастика в уральских газетах продолжала печататься весьма обильно во всех уже указанных жанрах. И ничего нового следующие несколько десятилетий не произошло.

Советские научные фантасты 60-х годов

Данная весьма занудная работа практически представляет собой мини-библиографию. Она же предисловие к другой работе о советской научной фантастике 70-х годов. Дабы продемонстрировать,

как изменилась советская НФ 70-х годов, надо сперва хотя бы скжато выяснить, какова она была раньше, в годах 60-х. Данная, в основном заимствованная у Виталия Ивановича Бугрова, библиография включает в себе очень краткие сведения о фантастах, активно пишущих в 60-е годы и теоретически способных продолжать это дело в годах 70-х (иные авторы, например, умершие в начале-середине 70-х или не слишком активно писавшие в 60-х, будут приведены отдельно). О научной же фантастике речь идет потому, что в 60-х годах в СССР другой фантастики практически не знали. В заключение отмечу, что допечатки тиража я не учитывал.

Абрамовы Александр Иванович (1900 — 1985) и Сергей Александрович (1944) — если не считать маленькой книжечки Александра Абрамова в 1926 году, первая совместная книга вышла в 1967 году. В 60-е годы вышло три книги:

«Тень императора» (1967);
«Всадники ниоткуда» (1968);
«Рай без памяти» (1969).

Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович (1926 — 1998) — первая книга (в соавторстве с Вячеславом Петровичем Фелицыным) вышла в 1957 году. За 60-е годы вышло три книги:

«Легенда о звездных капитанах» (1961);
«Опаляющий разум» (1968);
«Создан для бури» (1970).

Аматуни Петроний Гай (1916 — 1982) — первая книга вышла в 1947 году. За 60-е годы, с учетом переизданий, вышло пять книг

«Гаяна» (1962);
«Чао», он же «Чао — победитель волшебников» (1964, 1967, 1968);
«Парадокс Глебова» (1966).

Белов Михаил Прокопьевич (1911 — 2000) — первая книга вышла в 1960 году. За 60-е годы вышло две книги

«Восьмая тайна моря» (1963);
«Улыбка Мицара» (1969).

Винник Александр Яковлевич (1912 — 1981) — первая книга вышла в 1957 году. За 60-е годы вышло три книги:

«Фантастические повести» (1962);
«Сумерки Бизнесонии» (1965);
«Охота за невидимками» (1968).

Войскунский Евгений Львович (1922) и Лукодьянов Исаи Борисович (1913 — 1984) — первая книга вышла в 1962 году. За 60-е годы, с учетом переизданий, вышло пять книг:

«Экипаж Меконга» (1962, 1967);
«На перекрестках времени» (1964);
«Очень далекий Тартесс» (1968);
«Плеск звездных морей» (1970).

Гансовский Север Феликсович (1918 — 1990) — первая книга вышла в 1963 году. За 60-е годы вышло три книги:

«Шаги в неизвестное» (1963);
«Шесть гениев» (1965);
«Три шага к опасности» (1969).

Голубев Глеб Николаевич (1926 — 1989) — первая книга вышла в 1963 году. За 60-е годы вышло три книги:

«По следам ветра» (1963);
«Огненный пояс. По следам ветра» (1966);
«Гость из моря» (1967).

Гор Геннадий Самойлович (1907—1981) — первая книга вышла в 1962 году. За 60-е годы, с учетом переизданий, вышло шесть книг:

«Докучливый собеседник» (1962);
«Кумби» (1963, 1968);
«Глиняный папуас» (1966);
«Скиталец Ларвеф» (1966);
«Фантастические повести и рассказы» (1970).

Громова Ариадна Григорьевна (1916 — 1981) — первая книга (в соавторстве с Виктором Ноевичем Комаровым) вышла в 1959 году. В 60-е годы вышло две книги:

«Поединок с собой» (1963);
«Мы одной крови — ты и я!» (1967).

Гуревич Георгий Иосифович (1917 — 1998) — первая книга (в соавторстве с Георгием Владимировичем Ясным) вышла в 1947 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло пять книг:

«Прохождение Немезиды» (1961);
«Пленники астероида» (1962, 1965);
«На прозрачной планете» (1963);
«Мы — из Солнечной системы» (1965).

Давыдов Исаи (1927) — первая книга вышла в 1966 году. В 60-е годы вышло две книги:

«Девушка из Пантикея» (1966);
«Я вернусь через тысячу лет» (1969).

Емцев Михаил Тихонович (1930 — 2003), Парнов Еремей Иудович (1935 — 2009) — первая книга вышла в 1964 году. В 60-е годы вышло восемь книг:

«Падение сверхновой» (1964);
«Уравнение с Бледного Нептуна» (1964);
«Последнее путешествие полковника Фосетта» (1965);
«Зеленая креветка» (1966);
«Море Дирака» (1967);
«Ярмарка теней» (1968);
«Три кварка» (1969);
«Ключья тьмы на игле времени» (1970).

Журавлева Валентина Николаевна (1933 — 2004) — первая книга вышла в 1960 году. В 60-е годы вышла одна книга:

«Человек, создавший Атлантиду» (1963).

Забелин Игорь Михайлович (1927 — 1986) — первая книга вышла в 1960 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло четыре книги:

«Загадки Хаирхана», она же «Записки хронокописта» (1961, 1965, 1969);
«Пояс жизни» (1966).

Казанцев Александр Петрович (1906 — 2001) — первая книга вышла в 1941 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло шесть книг:

«Пылающий остров» (1962, 1966);
«Внуки Марса» (1963);

«Гости из Космоса» (1963);
«Льды возвращаются» (1964);
«Подводное солнце» (1970).

Лагин Лазарь Иосифович (1903 — 1979) — первая книга вышла в 1940 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло пять книг:

«Старик Хоттабыч» (1961, 1962, 1963);
«Старик Хоттабыч. Патент АБ. Остров Разочарования» (1961);
«Съеденный архипелаг» (1963); «Голубой человек» (1967).

Замечу, что одного автора я не включил и, очевидно, зря. Так что добавляю.

Львов Аркадий Львович (1927) — первая книга вышла в 1967 году. В 60-е годы вышло две книги:

Бульвар Целакантус (1967);
Две смерти Чезаре Россолимо (1969).

Малахов Анатолий Алексеевич (1907 — 1983) — первая книга вышла в 1962 году. В 60-е годы вышло четыре книги:

Миражи Тургая (1962);
Бунт минералов (1964);
Эль-5 — симметрия жизни (1965);
Знаки бессмертия (1970).

Мартынов Георгий Сергеевич (1906 — 1983) — первая книга вышла в 1956 году. В 60-е годы вышло четыре книги:

Каллисто (1962);
Гость из бездны (1962);

Гианэя (1965);
Спираль времени (1966).

Мелентьев Виталий Григорьевич (1916 — 1984) — первая книга вышла в 1957 году. В 60-е годы вышло две книги:

Голубые люди Розовой земли (1966);
Черный свет (1970).

Михайлов Владимир Дмитриевич (1929 — 2008) — первая книга вышла в 1963 году. В 60-е годы вышло четыре книги:

«Особая необходимость» (1963);
«Люди Приземелья» (1965);
«Люди и корабли» (1967);
«Черные Журавли» (1967).

Пальман Вячеслав Иванович (1914 — 1998) — первая книга вышла в 1958 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло четыре книги:

«Вещество Ариль», оно же «Красное и зеленое» (1961, 1963);
«Кратер Эршота» (1963);
«Два шага маятника» (1966).

Полещук Александр Лазаревич (1923 — 1979) — первая книга вышла в 1959 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло четыре книги:

«Ошибка Алексея Алексеева» (1961);
«Звездный человек» (1965);
«Падает вверх» (1964);
«Великое Делание» (1965).

Реймерс Георгий Константинович (1915 — 2005) — первая книга вышла в 1964 году. В 60-е годы вышло три книги:

«Неземной талисман» (1964);
«Загадка впадины Лао. Соната-фантазия» (1965);
«Северная корона» (1969).

Росоховатский Игорь Маркович (1929 — 2015) — первая книга вышла в 1962 году. В 60-е годы вышло три книги:

«Загадка «акулы» (1962);
«Встреча во времени» (1963);
«Виток истории» (1966).

Савченко Владимир Иванович (1933 — 2005) — первая книга вышла в 1960 году. В 60-е годы вышла одна книга:

«Открытие себя» (1967).

Стругацкие Аркадий Натаевич и Борис Натаевич (1929 — 1991) — первая книга вышла в 1959 году. В 60-е годы с учетом переизданий вышло восемь книг:

«Возвращение», оно же «Полдень, XXII век» (1962, 1967);

«Стажеры» (1962);
«Далекая Радуга» (1964);
«Понедельник начинается в субботу» (1965);
«Хищные вещи века» (1965);
«Трудно быть богом. Понедельник начинается в субботу» (1966);
«Стажеры. Второе нашествие марсиан» (1968).

Шалимов Александр Иванович (1917 — 1991) — первая книга вышла в 1962 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло шесть книг:

«Тайна Гремящей расщелины» (1962);
«Когда молчат экраны» (1965);
«Тайна Тускароры» (1967);
«Охотники за динозаврами» (1968, 1970);
«Цена бессмертия» (1970).

Шефнер Вадим Сергеевич (1915 — 2002) — первая книга вышла в 1965 году. В 60-е годы вышло две книги:

«Счастливый неудачник» (1965);
«Запоздалый стрелок» (1968).

Шпаков Юрий Петрович (1929 — 2009) — первая книга вышла в 1960 году. В 60-е годы вышло две книги:

«Кратер Циолковский» (1962);
«Один процент риска» (1965).

Юрьев Зиновий Юрьевич (1925) — первая книга вышла в 1970. В 60-е годы вышло две книги:

«Финансист на четвереньках» (1970);
«Рука Кассандры» (1970).

А также ранее мной пропущенный:

Велтистов Евгений Серафимович (1934 — 1989) — первая книга вышла в 1964 году. В 60-е годы вышло три книги:

«Электроник — мальчик из чемодана» (1964);
«Глоток солнца» (1967);
«Гум-Гам» (1970).

Кроме того, необходимо назвать писателей-фантастов, писавших и печатавшихся в 60-е годы

мало или скончавшихся в начале 70-е, ибо без них перечень фантастов 60-х был бы неполон.

Вот они:

Бобров Сергей Павлович (1889 — 1971) — первая книга вышла в 1922 году. В 60-е годы была переиздана одна книга: «Волшебный двурог» (1967).

Варшавский Илья Иосифович (1909—1974) — первая книга вышла в 1964 году. В 60-е годы вышло четыре книги:

«Молекулярное кафе» (1964);
«Человек, который видел антимир» (1965);
«Солнце заходит в Дономаге» (1966);
«Лавка сновидений» (1970).

Владко Владимир Николаевич (1900 — 1974) — первая книга (на русском языке) вышла в 1939 году. В 60-е годы вышло одно переиздание:

«Потомки скифов» (1969).

Волков Константин Сергеевич (1907 — ?) — первая книга вышла в 1957 году. В 60-е годы вышла одна книга:

«Марс пробуждается» (1961).

Гомолко Николай Иванович (1922—1992) — первая книга вышла в 1956 году. В 60-е годы вышла одна книга:

«Шестой океан» (1961).

Днепров Анатолий Петрович (1919 — 1975) — первая книга вышла в 1960 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло четыре книги:

«Мир, в котором я исчез» (1962);
«Формула бессмертия» (1963, 1967);
«Пурпурная мумия» (1965).

Долгушин Юрий Александрович (1896 — 1989) — первая книга вышла в 1959 году. В 60-е годы вышло одно переиздание:
«ГЧ» (1967).

Ефремов Иван Антонович (1907 — 1972) — первая книга вышла в 1944 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло семь книг:
«На краю Ойкумены. Звездные корабли» (1961);
«Туманность Андромеды» (1964);
«Лезвие бритвы» (1964);
«Сердце Змеи» (1964, 1967)
«Туманность Андромеды. Звездные корабли» (1965);
«Час Быка» (1970).

Ларри Ян Леопольдович (1900 — 1977) — первая книга вышла в 1931 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, у автора вышло три книги:
«Необыкновенные приключения Карика и Вали» (1961, 1965);
«Удивительные приключения Кука и Кукки» (1961).

Леонов Леонид Максимович (1899 — 1994) — первая книга вышла в 1936 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло пять книг:
«Дорога на Океан» (1961 — дважды, 1966);
«Бегство мистера Мак-Кинли» (1961, 1963).

Мееров Александр Александрович (1915 — 1975) — первая книга вышла в 1955 году. В 60-е годы вышла одна книга:
«Сиреневый кристалл» (1965).

Немцов Владимир Иванович (1907-1994) — первая книга вышла в 1946 году. В 60-е годы вышло пять переизданий:
«Повести» (1962);
«Альтаир» (1963);
«Альтаир. Осколок Солнца. Последний полустанок» (1965);
«Три желания» (1967);
«Последний полустанок» (1970).

Носов Николай Николаевич (1908 — 1976) — первая книга вышла в 1954 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло шесть книг:
«Избранное» (1961);
«Приключения Незнайки» (1963, 1964, 1969);
«Незнайка на Луне» (1967, 1969).

Палей Абрам Рувимович (1893 — 1895) — первая книга вышла в 1928 году. В 60-е годы вышла одна книга:
«В простор планетный» (1968).

Платов Леонид Дмитриевич (1906 — 1979) — первая книга вышла в 1949 году. В 60-е годы вышло три переиздания:
«Архипелаг Исчезающих Островов» (1962);
«Повести о Ветлугине» (1968, 1969).

Студитский Александр Николаевич (1908 — 1991) — первая книга вышла в 1956 году. В 60-е годы вышла одна книга:

Разум Вселенной (1966).

Томан Николай Владимирович (1911 — 1974) — первая книга вышла в 1960 году. В 60-е годы, с учетом переизданий, вышло пять книг:

«Говорит Космос!..» (1961);
«В созвездии Трапеции» (1964, 1970);
«Неизвестная земля» (1966);
«Преступление магистра Травицкого» (1968).

Фрадкин Борис Захарович (1917 — 2010) — первая книга вышла в 1954 году. В 60-е годы вышла одна книга: «Настойка из тундровой серебрянки» (1967).

Извините, если кого-то не упомянул, ибо, как говорил Козьма Прутков, «нельзя объять необъятное».

Фантастика, семидесятые

В прошлой своей работе я отметил 33 научных фантаста, активно работавших в 60-е и доживших как минимум до конца 70-х годов. В семидесятые годы, ввиду распада двух дуэтов, их стало уже 35. Как же сложилась их творческая судьба в 70-е годы?

Из них в конце 60-х и 70-е годы перестали писать фантастику сразу 20 человек. Впрочем, уход в уходу рознь. Попробуем его проанализировать.

И обнаруживаются сразу три категории авторов. Вот первая:

Лазарь Лагин. Последнее крупное фантастическое произведение написал в 1966 году. В 70-е годы у него вышло шесть книг (плюс маленькая, на пятьдесят страниц, брошюра из «Библиотеки Крокодила»). Правда, из них пять — это переиздания «Старика Хоттабыча», но тем не менее, автор явно не испытывал проблем с изданием собственных книг.

Геннадий Гор. Последние фантастические произведения опубликованы в сборнике «Геометрический лес» (1975). В 70-е годы вышло уже не шесть, а четыре НФ книги автора, но это можно объяснить и снижением активности по возрасту.

Виталий Мелентьев. Последнюю книгу написал в 1978 году. В 70-е годы, как и в 60-е, вышло два произведения автора.

Анатолий Малахов. Здесь сложнее, так как автор малоизвестный, писал маленькие рассказы и очерки и крайне сложно следить за всеми их переизданиями. Кажется, последняя книга вышла в 1977 году. И хотя число книг автора серьезно уменьшилось (2 — в 70-е против 4 — в 60-е годы), но опять-таки можно объяснить снижением авторской активности.

Эти авторы, скорее всего, перестали бы писать фантастику независимо от положения дел с ней в 70-х годах.

Наконец особо помянем Александра Винника, который закончил писать фантастику еще в 1965, задолго до начала 70-х.

Со второй категорией авторов все обстоит наоборот. В 70-е годы:

У Генриха Альтова, Михаила Белова, Михаила Емцева, Игоря Забелина, Аркадия Львова и Георгия Реймерса не вышло ни одной книги.

У Глеба Голубева издана одна книга: «Голос в ночи. Вспомни» (1972).

У Валентины Журавлевой напечатана одна книга «Снежный мост над пропастью» (1971).

У Юрия Шпакова вышла одна книга «Испытание на прочность» (1977).

У Исаи Давыдова переиздана одна книга «Я вернулся через тысячу лет» (1973).

У Вячеслава Пальмана переиздана одна книга «Кратер Эршота» (1980).

Итого 5 книг, в том числе две повторно изданые на 11 авторов (в 60-е годы у этих же авторов вышло 26 книг, не считая совместных книг Парнова и Емцева).

Заметим также, что последние книги у большинство авторов вышли 1969—1972 годы, и что всем им в ту пору не исполнилось и 60-ти лет.

Наконец, третья категория:

Александр Полещук. Последняя книга издана в 1974 году, автор умер в 1979 году. Однако в сборнике «НФ выпуск 8» этот роман «Эффект бешенного солнца» печатался уже в 1970 году и в 70-е годы лишь был опубликован книгой.

Аriadна Громова. Последняя книга вышла в 1976 году, автор умерла в 1981 году. Однако свое последнее фантастическое произведение писательница создала в 1971 году, а в 70-е один ее роман издан книгой, а другой переиздан.

Георгий Мартынов. Последняя книга вышла в 1979 году, автор умер в 1983 году. Однако в одноименном сборнике роман «Незримый мост»

печатался в 1976 году (книга же называлась «Сто одиннадцатый»), а в 70-е годы, кроме него был лишь переиздан роман «Гиянэя».

Евгений Войсунский, Исаи Лукодьянов. Заключительная книга напечатана в 1981 году, а один из соавторов (И. Лукодьянов) умер в 1984 году. Однако в действительности последним был написан вышедший в 1975 году роман «Ур сын Шама», роман «Незаконная планета» печатался под разными названиями и в разных журналах и сборниках 60-х годов (например, под названием «Атлантические каникулы» в журнале «Уральский следопыт», 1967). То же, кстати, можно сказать и о сборнике «Черный столб» 1981 года. Таким образом, в 70-е годы один роман соавторов был написан и издан, а другой вышел книгой, причем весьма запоздав.

У этих авторов опубликовано в 70-е годы всего 5 книг, часто после многолетнего ожидания, и переиздано 2 книги. (В 60-е годы печаталось 15 книг). Удивительно ли, что 15 писателей-фантастов ушли из фантастики именно в 70-е годы, годы отвратительного издания фантастики, когда им просто негде стало печататься

Кто же те 15 фантастов, что не перестали писать фантастику в 70-е годы, и как издавались они?

Хуже всего пришлось Северу Гансовскому и Владимиру Савченко: синхронно изданные (у Савченко — переизданная) книги в 1971 году — и десять и более лет молчания. Чуть лучше дело шло у Еремея Парнова, Игоря Ростовского и Александра Шалимова, их не печатали «всего» пять (1976—

1980) и восемь (1972–1978; 1973–1979) лет соответственно.

(Замечу еще, что элемент фантастики в исторических детективах Парнова «Ларец Марии Медичи» и «Третий глаз Шивы» крайне низок.)

Еще у четырех авторов вышло три книги, у четырех же — четыре или пять произведений (плюс Сергей Абрамов, у которого печатались две сольные книги и три — в соавторстве с Абрамовым Александром). Наконец, абсолютный рекордсмен — Александр Казанцев, восемь книг за десять лет. Но даже у большинства этих, на первый взгляд вполне благополучных авторов были свои и достаточно долгие «периоды безмолвия»:

Александр Абрамов — ни одной книги за шесть лет (1974–1979);

Евгений Велтистов, Георгий Гуревич и братья Аркадий и Борис Стругацкие — одна книга за семь лет (1972–1978 у Велтистова и Стругацких и 1971–1977 годы у Гуревича);

Сергей Абрамов (с учетом произведений, написанных в соавторстве), Аматуни Петроний Гай, Вадим Шефнер и Зиновий Юрьев — одна книга за шесть лет (1974–1979 — у Абрамова, 1971–1976 у Аматуни и Юрьева, 1975–1980 гг. У Шефнера). На этом фоне одна книга за четыре года (в конце 70-х) у Михайлова и одно издание за три года (в начале тех же 70-х) у Казанцева кажутся сущей безделицей и рассмотрению просто не подлежат.

Осталось лишь рассказать, не появились ли 70-х годов новые, неизвестные или малоизвестные прежде писатели-фантасты и как сложилась их творческая судьба.

И на это возникает законный вопрос: а не появилось в 70-е годы новых писателей-фантастов. Да, они появились и в достаточно большом числе. Здесь будет дан список авторов, ставших известных в 70-х годах, а анализ последует в следующее воскресенье.

Биленкин Дмитрий Александрович (1933 — 1987), первый фантастический рассказ вышел в 1958 году, первый сборник — в 1967. Всего в 70-е вышло три книги.

«Ночь контрабандой» (1971),
«Проверка на разумность» (1974),
«Снега Олимпа» (1980).

Булычев Кирилл Всеволодович (1934 — 2003), первая фантастическая история вышла в свет в 1965 году, первый сборник — в 1970. Всего в 70-е годы вышло 5 книг.

«Чудеса в Гусляре» (1972);
«Девочка с Земли» (1974);
«Люди как люди» (1975),
«Сто лет тому вперед» (1978),
«Летнее утро» (1979).

Грешнов Михаил Николаевич (1916 — 1991), первый фантастический рассказ вышел в 1960 году, первый сборник — в 1967. Всего в 70-е годы вышло четыре книги.

«Лицо фараона» (1971);
«Волшебный колодец» (1974);
«Одно апельсиновое зернышко» (1975);
«Продавец снов» (1980).

Жемайтис Сергей Георгиевич (1908 — 1987), первый фантастический рассказ вышел в 1957 году, первая книга — в 1959. Всего в 70-е годы вышло две книги.

«Багряная планета» (1973);
«Большая лагуна» (1977).

Колупаев Виктор Дмитриевич (1936—2001), первый фантастический рассказ вышел в 1966 году. Всего в 70-е годы было издано четыре книги.

«Случится же с человеком такое» (1972);
«Качели Отшельника» (1974);
«Билет в детство» (1977);
«Фирменный поезд «Фомич» (1979).

Крапивин Владислав Петрович (1938), первый фантастический рассказ вышел в 1962 году. Всего в 70-е годы было издано три книги.

«Далекие горнисты» (1971);
«Летящие сказки» (1978);
«В ночь большого прилива» (1979).

Ломм Александр Иозефович (1925 — 1994), первый фантастический рассказ вышел в 1961 году, первая книга — в 1964. Всего в 70-е годы издана одна книга.

«Ночной Орел» (1973).

Мирер Александр Исаакович (1927 — 2001), первая фантастическая история вышла в 1965 году, первая книга — в 1968. Всего в 70-е годы издана одна книга.

«Дом скитальцев» (1976).

Михановский Владимир Наумович (1931), первый фантастический рассказ вышел в 1962 году, первая книга — в 1964. Всего в 70-е годы изданы две книги.

«Шаги в бесконечность» (1974);
«Гостиница «Сигма» (1979).

Назаров Вячеслав Алексеевич (1935 — 1977), первая фантастическая повесть вышла в 1968 году. Всего в 70-е годы издано три книги.

«Вечные паруса» (1972);
«Бремя равных» (1978);
«Зеленые двери земли» (1978).

Павлов Сергей Иванович (1935), первый фантастический рассказ вышел в 1963 году, первая книга — в 1968. Всего в 70-е годы изданы четыре книги.

«Океанавты» (1972);
«Чердак Вселенной» (1973);
«Акванавты» (1978);
«Лунная Радуга» (1978).

Садовников Георгий Михайлович (1932 — 2014), первая книга вышла в 1970 году. Всего в 70-е годы издано две книги.

«Спаситель Океана» (1974);
«Пешком под облаками» (1980).

Сергеев Дмитрий Гаврилович (1922 — 2000), первая повесть вышла в 1964 году, первая книга — в 1965. В 70-е годы вышла одна книга.

«Завещание каменного века» (1972).

Снегов Сергей Александрович (1910 — 1994), первая фантастическая повесть вышла в 1964 году. Всего в 70-е годы издано две книги.

«Люди как боги» (1971);
«Посол без верительных грамот» (1977).

Тупицын Юрий Гаврилович (1925 — 2011), первый фантастический рассказ вышел в 1969 году. Всего в 70-е годы издано три книги.

«Синий мир» (1972);
«В дебрях Даль-Гея» (1978);
«Перед дальней дорогой» (1978).

Щербаков Владимир Иванович (1938 — 2004), первый фантастический рассказ вышел в 1964 году. Всего в 70-е годы издано две книги.

«Красные кони» (1976);
«Семь стихий» (1980)

Что тут можно сказать? Видимо, три вещи. Во-первых, резко увеличился возраст, так сказать, самых молодых писателей-фантастов. Среди фантастов, известных в 60-е годы (или чуть ранее), семь человек (Сергей Абрамов, Евгений Велтистов, Михаил Емцев, Валентина Журавлева, Еремей Парнов, Владимир Савченко и Борис Стругацкий) родились между 1930 и 1944 годами. А из получивших известность в 70-е девять человек (Дмитрий Биленкин, Кир Булычев, Виктор Колупаев, Владислав Крапивин, Владимир Михановский, Вячеслав Назаров, Сергей Павлов, Георгий Садовников и Владимир Щербаков) родилось в 1931—1938 годы. То есть самые молодые фантасты постарели практически на десять лет.

Во-вторых, все авторы печатались в 60-е годы, у десяти из шестнадцати в 60-х годах выходили книги. И лишь, пожалуй, у Колупаева, Назарова и Тупицына публикации появились в конце той поры, да книга Георгия Садовникова 1970 года издания была его дебютом в научной фантастике. Иными словами, как минимум на три четверти новых фантасты 70-х, увы, не слишком новы.

И, наконец, снова статистика по выходу книг и дальнейшей творческой судьбе писателей-фантастов 70-х. Сразу исключим из рассматриваемого перечня Вячеслава Назарова с его уникальной творческой судьбой (до смерти в 1977 году у автора вышла только одна книга, все остальные составили посмертную славу автору) и заметим, что все другие фантасты 70-х дожили как минимум до 1987 года и не могут считаться «оставившими любимое дело в связи со смертью». Также напомню, что из исследования о фантастах 70-х напрашивается вывод, что авторы, у которых за 10 лет выходило по 1—2 книге, нередко переставали сочинять научно-фантастические истории. Проверим это на фантастах 70-х.

У троих авторов (Ломм, Мирер, Сергеев) вышло по одной книге. После чего Александр Ломм (благо по национальности чех) перестал вообще писать по-русски, у Александра Мирера следующие новые истории появились только в 90-х годах, а у Дмитрий Сергеева хоть в 1983 году и вышла еще одна книга («Прерванная игра»), но она уже печаталась частями в журналах «Уральский следопыт» и «Сибирские огни» в 70-е годы.

У пятерых авторов (Жемайтис, Михановский, Садовников, Снегов, Щербаков) вышло по две книги. Далее Жемайтис перестал писать фанта-

стику, а следующая новая книга Садовника вышла опять-таки в 90-е годы.

Так что вроде вывод подтверждается.

Далее, у Биленкина, Крапивина и Тупицына вышло по три книги. То есть Дмитрий Биленкин выпустил одну книгу за восемь лет, у Владислава Крапивина между изданием первой и второй книги прошло семь лет, а у Юрия Тупицына — шесть лет.

Лишь у Кира Булычева, Михаила Грешнова, Виктора Колупаева и Сергея Павлова публиковалось четыре или пять книг за десять лет. Впрочем, и здесь не все было хорошо:

— у Михаила Грешнова в 1976—1980 годах вышла лишь одна книга;

— у Сергея Павлова в 1973—1977 годах — тоже издалась лишь одна книга;

— у Виктора Колупаева в 1975—1978 годах — снова одна книга.

Лучше всего дело обстояло у Кира Булычева, у коего в конце 70-х вышло две книги за пять лет, но, с учетом того, что в 1981—1985 годах у автора вышло сразу четыре книги, даже такой темп издания его явно не устраивал.

Кстати, Сергей Павлов в последующие годы, несмотря на хорошее отношение к нему редакторов и издателей, написал лишь две новые книги. Так что и новые писатели-фантасты 70-х годов печатались практически как старые, то есть чаще всего мало и плохо.

Пасмурный 1976-й

Последняя моя заметка, посвященная фантастике и ее печальной судьбе в 1970-х годах.

Возможно, дело в том, что 1976-й и 1977-й прошли мимо глаз лучших библиографов СССР: Ляпунов к тому времени уже умер, а библиография Бугрова загадочным образом не захватывает эти два года. Поэтому я воспользовался библиографией Всеволода Ревича, который не слишком хорош как библиограф. Но и в этом, как я уже писал, есть своя правда. Фантастику ищет не профессионал, который перечитать десятки и сотни самых неожиданных книг и журналов, дабы отыскать следы любимого вида литературы, а просто хороший и сильный ценитель фантастики... Начнем с центральных издательств. Здесь явно лидирует «Детская литература». В 1976 году в этом издательстве вышло целых три новых фантастических произведения:

— А. Мирер «Дом скитальцев»;
— В. Чернов «Сын розовой медведицы»;
— сборник «Незримый мост», где впервые в книге напечатана повесть братьев Стругацких «Парень из преисподней».

А еще переиздания:

— А. Громова. «Мы одной крови — ты и я»;
— Л. Платов «Страна семи трав»;
— А. Толстой «Гиперболоид инженера Гарина».

Еще три новые книги вышли в издательстве «Молодая гвардия»:

В. Щербаков «Красные кони»;
А. Якубовский «Купол Галактики»;
сборник «Фантастика 75—76».

И одна была переиздана:

И. Ефремов «Сочинения, т. 3, книга 2».

А также издательство «Лениздат» переиздало одну книгу:

А. Беляев «Фантастика».

Кроме того, отличился целый ряд региональных издательств.

Волгоград, Нижне-Волжское книжное издательство: А. Толстой «Гиперболоид инженера Гарина»;

Минск, «Мастацкая литература»: Г. Попов «За тридевять планет»;

Рига, «Лиесма»: В. Михайлов «Тогда придите и рассудим»;

Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство — целых две книги: С. Слепынин «Звездные берега» и М. Шварц «Димкина ракета»;

Южно-Сахалинск, Дальневосточное книжное издательство: А. Беляев «Голова профессора Доуэля».

И, наконец, Ревич упоминает еще пять книг: С. Абрамов «Опознай живого» — М.: Детская литература; В. Шефнер «Имя для птицы» — Л.: Советский писатель; сборник «Мир приключений» — М.: Детская литература; А. Толстой «Аэлита. Гадюка. Рассказы Ивана Сударева» — Мурманск: Книжное издательство и А. Толстой «Голубые города» — М.: Молодая гвардия. Но в этих книгах фантастика составляет лишь часть, причем далеко не всегда большую, содержания томов, что в общем-то следует даже из их названий.

Итого: в 1976 году издано восемь книг и два коллективных сборника научной фантастики и переиздано еще шесть книг, одна из которых — дважды. Прискорбно мало.

А еще добавлю, что у десяти живых авторов (Громовой, Мирера, Михайлова, Платова, Попова, Слепынина, Чернова, Шварца, Щербакова и Якубовского), чьи книги издавались в 1976 году за следующие десять лет выйдут лишь пять книг.

Три года надежды, или фантастика моей юности

Думал, что написал последнюю заметку о фантастике 70-х, но хочется писать еще. Основано на библиографиях Виталия Бугрова и Игоря Халымбаджи из журнала «Уральский следопыт».

Год 1978-й

Среди советских издательств, издававших фантастику, в 1978 г., как и в 1976-м лидирует «Детская литература».

Булычев К. «Сто лет тому вперед»;
Гуревич Г. «Нелинейная фантастика»;
Казанцев А. «Пылающий остров»;
Мелентьев В. «Обыкновенная мемба»;
Немцов В. «Осколок солнца»;
Никольский Б. «Три пишем два в уме»;
«Созвездие»;
Тупицын Ю. «В дебрях Даль-Гея».

Всего восемь изданий. Книги Казанцева и Немцова, разумеется, переиздание, наполовину (три повести из шести) переизданием является и сборник Гуревича.

Книгу Булычева, кажется, помнят все, а я выскажусь еще, пожалуй, за сборник «Созвездие», в основе которого повести и рассказы тогда еще начинающих и подающих надежды ленинградских фантастов Андрея Балабухи, Александра Житинского, Ольги Ларионовой и Александра Щербакова, а еще за пусть легковесный, но залихватский и приключенческий роман Юрия Тупицына.

Однако недалеко от «Детской литературы» отстала и «Молодая гвардия», которая практически заново начала издавать фантастику. В этом изда-тельстве вышли в свет книги:

Казанцев А. Собрание сочинений в 3-х томах.
Том 3.

Клименко М. Ледяной телескоп.
Лапин Б. Под счастливой звездой.
Назаров В. Зеленые двери Земли.
Павлов С. Лунная Радуга.
Тупицын Ю. Перед дальней дорогой.
«Фантастика-78».

Третий том избранного с/с Казанцева здесь единственное переиздание.

«Лунная Радуга» является признанной класси-кой научной фантастикой, интересно читались приключенческая утопия Тупицын (жалко, что по-том автор, на мой взгляд, стал писать резко слабее) и отличный триллер, увы, к тому времени уже покойного Вячеслава Назарова «Силайское яблоко». А вот к сборнику «Фантастика-78» отношение двоякое. С одной стороны, там есть прекрасный рассказ Андрея Платонова и, кажется, первая повесть Василия Головачева «Великан на дороге» (первая история о Гарбариэле Грекове), а с другой, кто еще? Ну, Дмитрук, Дымов (он же Суркис), Заяц, Симонян, Синицына когда-то подавали серьезные надежды. Но для такого сборника (целых 19 авторов) маловато будет...

Остальные центральные издательства пора-довали не слишком сильно. Налицо одно изда-ние:

НФ вып. 19 — Знание.

Основу составили повести опытнейшего Гуре-вича и совсем молодого Бабенко, который быстро стал известен среди любителей фантастики, а еще были рассказы опытных Биленкина и Гансовско-го и молодого Амнуэля.

И три переиздания:

В. Немцов. «Последний полустанок. Когда при-ближаются дали». — «Советский писатель»;

Обручев В. «Земля Санникова» — «Советская Россия»;

Толстой А. «Аэлита. Гиперболоид инженера Га-рина» — «Московский рабочий».

Из республиканских и региональных изда-тельств целых три книги выпустило книжное из-дательство города Красноярска:

Назаров В. «Бремя равных»;

Павлов С. «Акванавты»;

Шагурина Н. «Рубиновая звезда».

Только немножечко обидно, что книга Шагу-рина — это практически полное переиздание (но-вой была только повесть «Новая лампа Аллади-на»); у Павлова — переиздание наполовину (по-весь «Акванавты», кажется, переиздавалась уже не раз); а содержимое книги Назарова на две тре-ти совпадает с его молодогвардейским сборни-ком...

Две книги в активе фрунзенского издательства «Мектеп»:

Касымкулова С. «Яната»;

Толстой А. «Гиперболоид инженера Гарина».

Наконец целый ряд издательств выпустило по одной новой или переизданной книге (Беляева):

Беляев А. «Властелин мира». — Волгоград: Ниж-не-Волжское издательство;

Беляев А. «Человек-амфибия». — Барнаул: Алтайское книжное издательство;

Греков Ю. «На кругах времени». — Кишинев: Литература артистикэ;

Дручин И. «Дороги ведут в Сантарес». — Чебоксары: Чувашкнигоиздат;

Имерманис А. «Пирамида Мортон» — Рига: Лиесма;

Прашкевич Г. «Разворованное чудо». — Новосибирск: Западно-сибирское книжное издательство;

Суханова Н. «В пещерах мурозавра». — Ростов-на-дону: Книжное издательство;

Фарниев К. «Взорванные лабиринты». — Орджоникидзе: Ир. Замечу еще, что это дебют Геннадия Прашкевича в фантастике.

Итого: 19 первоизданий и 13 переизданий и полупереизданий. Немного для нашего времени, но как много в сравнении с годом 1976-м. И какую подает надежду.

Год 1979

Впервые за много лет «Молодая гвардия» обходит «Детскую литературу» и издает больше фантастики. Целых семь книжек: — Вечное солнце;

Колупаев В. «Фирменный поезд «Фомич»;

Росоховатский И. «Гость»;

«Фантастика-79»;

Хачатурьянц Л., Хрунов Е. «Путь к Марсу»;

Шашурин Д. «Печорный день»;

Юрьев З. «Полная переделка».

Лучшие книги — пронзительно-лирический роман Виктора Колупаева и, пожалуй, лихо закручен-

ный фантастический детектив Зиновия Юрьева. Интерес представляют и оба сборника. В «Вечном солнце» печатают дореволюционную фантастику, о которой мы тогда забыли: роман Богданова «Красная звезда» и рассказы, Толстого, Достоевского, Чехова, Лескова, Брюсова, Куприна... В «Фантастике-79» на первом плане интересная приключенческая повесть Евгения Гуляковского и сатирическая сказка Василия Шукшина, а также рассказы Ольги Ларионовой, Владимира Савченко, Александра Щербакова и совсем тогда молодых Дмитрука, Корабельникова, Максимовича, Панасенко, Смирнова.

А в активе «Детской литературы», к нашему сожалению, оказалось всего шесть книг:

Велтистов Е. «Миллион и один день каникул. Гум-гам».

Лагин Л. «Старик Хоттабыч».

Мартынов Г. «Сто одиннадцатый».

Михановский В. «Гостиница «Сигма».

Стругацкие А. И Б. «Понедельник начинается в субботу».

Томин Ю. «Карусели над городом».

Притом лучшие книги «Миллион и один день каникул» Велтистова и «Парень из преисподней» Стругацких оказались по соседству с уже издававшимися произведениями авторов. (В оправдание можно сказать разве что «Стругацкие всегда Стругацкие».) Также, естественно, переизданием является и сказка Лагина.

Кроме того, в издательстве «Знание» вышли сразу два (20-й и 21-й) выпуски сборника «НФ», основой которых стали пусть небольшие, но повести Юрьева, Ларионовой, Булычева и примкнув-

шие к ним рассказы Амнуэля, Балабухи, Биленкина, Громовой, Другаля и Рыбакова.

В издательстве «Московский рабочий» был издан сборник Булычева «Летнее утро» и впервые более чем за 20 лет переиздан роман Шагинян «Месс-Мэнд». И обе книги явно стали событиями года.

Наконец в «Советской России» переиздали роман Лагина «Патент АВ».

Из нецентральных издательств до сих больше всего в памяти Средне-Уральское книжное издательство, г. Свердловск. В 1979 году в его активе:

Крапивин В. «В ночь большого прилива»;

Немченко М. и. Л. «Только человек».

И пусть книга Крапивина почти наполовину переиздание, это книга Крапивина и это первая публикация сказки «В ночь большого прилива».

Еще две книги на счету ташкентского издательства «Еш гвардия»:

Бондаренко В. «Космический вальс»;

Гребенюк М. «Парадокс времени».

Но, в отличие от книг Средне-Уральского издательства, данные издания практически не остались в читательской памяти.

Также в разных издательствах выходили и переиздавались следующие книги:

Головачев В. «Непредвиденные встречи». — Днепропетровск: «Проминь»;

«Иной цвет». — Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство.

Лукьянов О. «Вся мощь Вселенной». — Саратов, Приволжское книжное издательство;

Мееров А. «Осторожно — чужие». — Донецк: «Донбасс»;

Михайлов В. «Дверь с той стороны». — Рига: «Лиесма»;

Молостнов Г. «Посланник с планеты Альбос». — Красноярск: Красноярское книжное издательство.

Ягупова С. «Феномен Табачковой». — Симферополь: «Таврия». Книги Михайлова и Молостнова — переиздания, а остальные изданы впервые. Основу сборника «Иной цвет» составляют повести Юрия Тупицына и Михаила Клименко. Отдельного же упоминания достойна здесь первая и, на мой взгляд, лучшая книга Василия Головачева.

Итого двадцать первоизданий и девять переизданий и полупереизданий. И неплохие основания для надежды.

Перед постом о книгах 1980 года вынужден покаяться.

Я не учел выходивших в 1978 и 1979 годах книг Александра Грина. Да, Грина достаточно поздно стали считать фантастом и да, не всегда понятно, что из историй этого автора — фантастика, а что — нет (боюсь, здесь читателю данного блога придется полагаться на мой собственный выбор), но это не оправдание.

Так что буквально два слова о четырех книгах Александра Грина, вышедших в 1978 и 1979 годах.

Грин А. «Алые паруса. Бегущая по волнам». — Кишинев: Литература артистикэ, 1978;

Грин А. «Алые паруса». — Минск: Наука и техника, 1979;

Грин А. «Избранное». — Минск: Мастацкая литература, 1979 (в том же году была допечатка тиража);

Грин А. «Избранное». — Фрунзе: Кыргызстан, 1979 (в 1980 году была допечатка тиража, далее приводиться не будет).

За сим еще раз извиняюсь

Год 1980

По восемь книг вышло в издательствах «Детская литература» и «Молодая гвардия». Пожалуй, интереснее книги именно в «Детской литературе»:

Абрамовы А. И С. «Серебряный вариант»;
Войсунский Е., Лукодьянов И. «Незаконная планета»;
Лукьянов Л. «Вперед к обезьяне!»;
«Мир приключений»;
Палей А. «В простор планетный»;
Садовников Г. «Пешком над облаками»;
Шалимов А. «Окно в бесконечность»;
Юрьев З. «Дарю вам память».

Наиболее интересен здесь сборник «Мир приключений». Причем и своими исключительно сильными авторами: Андрей Балабуха, Дмитрий Биленкин, Кир Булычев и (последние в перечне, но не по значимости) братья Стругацкие; и тем, что все они представлены повестями. Роман Абрама Палея — переиздание, сборник Александра Шалимова наполовину состоит из печатавшихся ранее рассказов.

Весьма интересны и книги «Молодой гвардии»:
Биленкин Д. «Снега Олимпа»;
Грин А. «Блистающий мир»;
Гуревич Г. «Темпоград»;
Казанцев А. «Купол надежды»;
Платов Л. «Избранные произведения в двух томах. Том 1»;

Стругацкие А. И Б. «Неназначенные встречи»;
«Фантастика-80»;
Щербаков А. «Семь стихий».

Лучшая здесь книга, несомненно, хоть и переиздание, «Неназначенные встречи» братьев Стругацких, но вышла она, увы, не благодаря, а вопреки чаяниям издательства. Сборник «Фантастика-80», из-за отсутствия интересной центральной повести, выглядит несколько блекло, а двадцать три достойных автора в этом сборнике уже традиционно не подбираются. Тем не менее, рассказы Александра Куприна, Андрея Балабухи, Кира Булычева, Ольги Ларионовой, Леонида Панасенко, Александра Щербакова и ряда молодых фантастов достойны прочтения. Книги Грина и Платова — переиздания, про сборник Стругацких я уже упоминал.

Снова два сборника «НФ» выпуск 22 и 23 напечатало издательство «Знание». Сборники традиционно интересные, в их состав входят повести Амнуэля, Ларионовой и Прашкевича, рассказы Биленкина, Веллера, Другала, Дымова, Журавлевой, Колупаева, Кубатиева, Руденко, Силенского.

Также в центральных издательствах были выпущены книги:

Абрамов С. «Выше Радуги» — М.: «Московский рабочий»;

Грин А. «Бегущая по волнам. Рассказы» — Л.: «Художественная литература»;

Толстой А. «Избранное». — М.: Правда.

Книги Грина и Толстого, естественно, являются переизданиями.

Книги нецентральных издательств можно разделить на две категории. Одни издательства печатали фантастику:

Стругацкие А. И Б. «Трудно быть богом» — Баку: «Азернешр»;

Андреев А. «Рейс на росу» — Ижевск: «Удмуртия»;

Дручин И. «Пепельный свет Селены» — Кемерово: Книжное издательство;

Попов Е. «Невидий» — Киев: «Молодь»;

Грешнов М. «Продавец снов» — Краснодар: Книжное издательство;

Пальман В. «Кратер Эршота» — Магадан: Книжное издательство.

Книги Пальмана и братьев Стругацких являются переизданиями.

А другие нецентральные издательства печатали книги Александра Грина. С 1980 года в СССР, кажется, начинается бум этого автора:

«Золотая цепь» — Барнаул: Алтайское книжное издательство;

«Алые паруса» — Горький: Волго-вятское книжное издательство;

«Алые паруса» — Саранск: Мордовское книжное издательство;

«Бегущая по волнам» — Симферополь: Таврия; — «Алые паруса» — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство.

Итого 18 первопубликаций и 14 переизданий. Основания для надежды, кажется, несколько повышаются.

Годы 1978-1980. Зарубежная фантастика

Больше всего в эти (как почти и в любые другие) годы было издано книг Жюля Верна: «Дети капи-

тана Гранта. Вокруг света в 80 дней». — М.: Детская литература, 1979 (допечатка тиража в 1980 г.);

«Путешествие и приключения капитана Гаттераса». — М.: Правда, 1980;

«Таинственный остров». — М.: Детская литература, 1980 (и далее будет еще шесть допечаток тиража);

«Путешествие и приключения капитана Гаттераса». — Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1978;

«Двадцать тысяч лье под водой». — Минск: Мастацкая литература, 1978;

«Таинственный остров». — Минск: Народная асвета, 1979;

«Таинственный остров». — Кишинев: Картия Молдовеняскэ, 1979;

«20 тысяч лье под водой». — Пермь: Пермское книжное издательство, 1979;

«Таинственный остров». — Пермь: Пермское книжное издательство, 1980;

«Таинственный остров». — Киев: Веселка, 1980;

«Таинственный остров». — Петрозаводск: Карелия, 1980.

Итого три книги вышло в центральных издательствах и 8 — в республиканских и областных. Вот только ассортимент невелик, всего четыре книги (плюс две нефантастические). И это у автора нескольких десятков романов...

Весьма неплохо издавались и книги Герберта Уэллса:

«Избранные произведения». — Л.: Лениздат, 1979;

«Фантастические произведения». — М.: Правда, 1979;

«Человек-невидимка. Война миров. Рассказы». — М.: Художественная литература, 1978;

«Человек-невидимка. Война миров. Рассказы». — Л.: Лениздат, 1979;

«Человек-невидимка. Война миров. Рассказы». — Л.: Лениздат, 1979;

«Человек-невидимка. Война миров. Первые люди на Луне». — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1978;

«Человек-невидимка. Рассказы». — Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1979;

«Человек-невидимка». — Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство.

Итого пять книг центральных издательств и три — областных. (Кстати, две книги Лениздата с одинаковым названием — это действительно разные книги, отличающиеся числом рассказов.)

Четырежды под одинаковым названием «Путешествия Гулливера», но с разным количеством историй выходили книги Джонатана Свифта: в московском и ленинградском издательствах «Детская литература» (1978 и 1980 годы соответственно), а также в «Правде» (1979) и «Художественной литературе» (1980).

Также из классической фантастики вышло еще две книги:

Рони-старший. Борьба за огонь. Пещерный лев. Вамирэх. — Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1980;

Чапек К. «Война с саламандрами. Рассказы». — М.: Художественная литература, 1980.

В общем, 25 книг классики, что хорошо и хорошо весьма.

К чистым первоизданиям фантастики современной относятся две книги:

Кларк А. «Остров дельфинов». — Одесса: Маяк, 1978;

Лем С. «Избранные произведения». — Кишинев: Литература артистикэ, 1978.

И еще три книги к ним примыкают:

Азимов А. «Три закона роботехники». — М.: Мир, 1979;

«Маги на стадионе. Фантастические рассказы о спорте». — М.: Физкультура и спорт, 1979;

«Миры Клиффода Саймака». — М.: Мир, 1978.

Большинство рассказов Азимова уже печатались в известнейшем его авторском сборнике «Я — робот», основа «Миров Саймака», роман «Заповедник гоблинов» тоже выходил в свет не первый раз, а в сборник «Маги на стадионе» вошли печатавшиеся уже рассказы Кларка, небольшая повесть Лема и соответствующий теме отрывок из романа Азимова. Среди прочих историй данного сборника резко выделяются рассказы Родари и первая на русском языке новелла Саберхагена о борьбе с кораблями-берсеркерами.

А вот с собственно первоизданиями дело пошло не очень. Из шести книг два сборника, на мой взгляд, являются зряшной тратой бумаги:

«Параллели». — М.: Молодая гвардия, 1980;

«Последний долгожитель». — М.: Мир, 1980.

Это сборники гэдээровской и венгерской фантастики соответственно, и я лично не нашел в них ни одной стоящей истории. (Что относительно венгерской фантастики даже несколько удивительно.)

Недалеко от них ушел и третий коллективный сборник «Пять зеленых лун» (М.: Мир, 1978). Из

двадцати рассказов выделяются лишь истории известных фантастов: Азимова, Брауна, Диксона, Лейнстера, Родари и Саймака. Маловато будет.

И, наконец, первоиздания трех авторов, двое из которых стали для тогдашних читателей настоящим открытием. Большое спасибо за них издательству «Мир»:

Вежинов П. «Барьер». — М.: Прогресс, 1980;

Ле Гuin У. «Планета изгнания». — М.: Мир, 1980; Прист К. «Машина пространства». — М.: Мир, 1979.

Всего на тридцать переизданий и полупреизданий лишь шесть новых книг (из них три — явные или почти явные неудачи). Не маловато ли будет?

Чуть-чуть о современной фантастике

Пост этот я готовил по мотивам собственных прочитанных в прошлом году книг. Но я, как любой человек, могу быть предвзят, поэтому поступлю лучше. Итак в этом году был составлен так называемый лонг-лист АБС-премии, к коему я не имею совершенно никакого отношения. Выглядит он так.

1. Амнуэль Павел. Вглядись в тишину // Млечный Путь. — 2016. — № 3.

2. Аренев Владимир. Порох из драконьих костей. // Октябрь. — 2016. — № 6.

3. Бачило Александр. Это Москва, дядя! // Полдень. Восьмой выпуск. — СПб.: Сидорович А.В., 2016.

4. Большанин Алексей, Буркин Юлий. «Битлз» in the USSR, или Иное небо. — М.: Пальмира, 2016.

5. Бочков Валерий. Коронация зверя. — М.: Издательство «Э», 2016.

6. Бубнов Роман. Гелиос. Жизнь после нас. — М.: Селадо, 2016.

7. Веркин Эдуард. Звездолет с перебитым крылом. // Октябрь — 2016. — № 6.

8. Водолазкин Евгений. Авиатор. — М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016.

9. Горнов Николай. Антивирус. // Горнов Н. Убей в себе космонавта. — Омск: Сорокин Д.Н., 2016.

10. Гракова Екатерина. Даагаст // Полдень. — 2016. — № 1.

11. Демидов Вадим. Яднаш. — М.: Эксмо, 2016.

12. Дубинянская Яна. Своё время. — М.: Время, 2016.

13. Измайлова Наиль. Это просто игра. — СПб.: Азбука; М.: Азбука-Аттикус, 2016.

14. Иртенина Наталья. Русь на Мурмане. — М.: Вече, 2016.

15. Клещенко Елена. Московские каникулы // Клещенко Е. Файлы Сергея Островски. — Иерусалим: Млечный Путь, 2015 (формально книга вышла в 2015 году, но реально стала доступна лишь в 2016).

16. Кузнецов Сергей. Калейдоскоп. Расходные материалы. — М.: АСТ, 2016.

17. Леоненко Дмитрий. Кементарийская орбита. — М.: АСТ, 2016.

18. Мидянин Василий. Повелители Новостей. — М.: АСТ, 2016.

19. Монастырская Анастасия. Кайрос. — Иерусалим, Млечный Путь, 2015 (формально книга вышла в 2015 году, но реально стала доступна лишь в 2016).

20. Немченко Гарий. Красная машина. — М.: У Никитских ворот, 2016.
21. Олди Генри Лайон. Сильные. Книга 1: Пленник железной горы. Книга 2: Черное сердце. — СПб.: Азбука, М.: Азбука-Аттикус, 2016.
22. Онойко Ольга. Край. // Затерянный дозор. Лучшая фантастика 2017. — М.: АСТ, 2016.
23. Пелевин Александр. Здесь живу только я. — М.: Бестселлер, 2016.
24. Пелевин Виктор. Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами. — М.: Э, 2016.
25. Прашкевич Геннадий. Русский хор // Сибирские огни. — 2016. — №№ 11—12.
26. Прошкин Евгений. В режиме бога. — М.: Яуза, 2017. (по факту вышла в декабре 2016 г.)
27. Рыбаков Вячеслав. На мохнатой спине. — СПб.: Лимбус-пресс, 2016.
28. Савеличев Михаил. Крик родившихся завтра. — М. Снежный Ком М; Вече, 2016.
29. Сахновский Игорь. Свобода по умолчанию. — М.: АСТ, 2016.
30. Соболев Денис. Легенды горы Кармель. — СПб.: Геликон Плюс, 2016.
31. Фокин Кирилл. Огонь. // Фокин К. Огонь. Демагог. — М.: Вече, 2016.

То есть данный список включает в себя 31 произведение, а без учета публикаций в журналах и альманахах (без романов и повестей Амнуэля, Аренева, Бачило, Веркина, Граковой и Прашкевича) — 25.

С другой стороны, не секрет, что подавляющее большинство фантастических романов и повестей выходят сейчас в трех издательствах: «АСТ», «Э», оно же «Эксмо» и «Альфа-книга». Так вот, среди

приведенных в лонг-листе произведений нет ни одной книги издательства «Альфа-книга», всего три книги «Э»/«Эксмо» (романы Бочкова, Демидова и Виктора Пелевина) и шесть книг издательства АСТ (романы Водолазкина, Кузнецова, Леоненко, Медянина и Сахновского и повесть Онойко). Из двадцати пяти признанных лучших фантастических произведений года три самых известных издательства вместе взятые напечатали лишь девять.

Где вышли все остальные номинанты? Книги Олди и Измайлова — в питерской «Азбуке», роман Иртениной и повесть Фокина — в московском «Вече», произведения Клещенко и Монастырской — в израильском «Млечном пути». Остальные десять книг по одной в следующих издательствах:

Бестселлер (М.),
Время (М.),
Пальмира (М.),
Селадо (М.),
Снежный Ком М (М.)
У Никитских ворот (М.),
Яуза (М.),
Геликон Плюс (СПб.),
Лимбус-пресс (СПб.),
Сорокин Д. Н. (Омск).

Больно и горько читать этот список и понимать, что практически две трети лучших фантастических произведений не доступны простому читателю, который, скорее всего, и не подозревает о существовании большинства перечисленных издательств и вряд ли сможет даже заказать их в книжном магазине. «Душераздирающее зрелище».

Мое странное понимание романтизма

Извините за очень грустные факты.

Здесь я несколько отойду от своей основной темы — фантастики. Все дело в том, что однажды я попытался написать про Мэри Шелли и наткнулся на тот факт, что хотя сама Мэри прожила лишь 54 года (недолгий, по нашим меркам срок), ее муж Перси Шелли жил лишь 30 лет, а его лучший друг лорд Байрон — 36 лет. И сам собой возник вопрос: что это, страшное стечание обстоятельств или тяжкий рок над поэтами-романтиками. И тогда я поставил весьма странный эксперимент. Взял первый том (от Третьяковского до Бунина) сборника любовной лирики русских поэтов «Я помню чудное мгновенье» (М.: Художественная литература, 1988 г.) и выписал сроки жизни поэтов, родившихся с 1793 по 1816 году, то так называемое поколение Пушкина-Лермонтова (основные, в моем понимании, русские романтики). А затем в качестве контрольной группы взял русских поэтов 1769—1792 и 1817—1840 годов рождения. Число поэтов в так называемой рабочей и контрольной группе оказалось почти одинаково (32 и 31 соответственно). И вот что у меня получилось. Контрольная группа: русские поэты 1769—1792 годов рождения:

Федор Глинка (1786 — 1880) — 94 года;
 Петр Вяземский (1792 — 1878) — 86 лет;
 Василий Жуковский (1783 — 1852) — 69 лет;
 Константин Батюшков (1787 — 1855) — 68 лет;
 Иван Козлов (1779 — 1840) — 61 год;
 Павел Катенин (1792 — 1853) — 61 год;
 Денис Давыдов (1784 — 1839) — 55 лет;

Алексей Мерзляков (1778 — 1830) — 52 года;
 Николай Гнедич (1784 — 1833) — 49 лет;
 Михаил Милонов (1792 — 1821) — 29 лет.

Семь из десяти поэтов контрольной группы старшего поколения пережили Мэри Шелли и практически все из них (кроме Милонова) дожили до 49 лет.

Контрольная группа: русские поэты 1717—1740 годов рождения:

Алексей Жемчужников (1821 — 1908) — 87 лет;
 Яков Полонский (1819 — 1898) — 79 лет;
 Аполлон Майков (1821 — 1897) — 76 лет;
 Алексей Разоренов (1819 — 1891) — 72 года;
 Афанасий Фет (1820 — 1892) — 72 года;
 Алексей Плещеев (1825 — 1893) — 68 лет;
 Константин Случевский (1837 — 1904) — 67 лет;
 Леонид Трефолев (1839 — 1905) — 66 лет;
 Иван Тургенев (1818 — 1883) — 65 лет;
 Александр Пальм (1822 — 1885) — 63 года;
 Юлия Жадовская (1824 — 1883) — 59 лет;
 Алексей Толстой (1717 — 1775) — 58 лет;
 Николай Некрасов (1821 — 1877) — 56 лет;
 Николай Апухтин (1840 — 1893) — 53 года;
 Николай Щербина (1821 — 1869) — 48 лет;
 Василий Курочкин (1831 — 1875) — 44 года;
 Константин Аксаков (1817 — 1860) — 43 года;
 Аполлон Григорьев (1822 — 1864) — 42 года;
 Лев Мей (1822 — 1862) — 40 лет;
 Иван Никитин (1824 — 1861) — 37 лет;
 Михаил Михайлов (1829 — 1865) — 36 лет.

В этой группе до 55 лет дожили 13 поэтов из 21 и все дожили до 35 лет.

То есть из 31 поэта контрольной группы до 55 лет дожило 20 человек и лишь один (Михаил Милонов) не дожил до 35 лет.

А теперь поэты 1793—1816 годов рождения (поколение Пушкина-Лермонтова):

Каролина Павлова (1807 — 1893) — 86 лет;
Иван Ключников (1811 — 1895) — 84 года;
Андрей Подолинский (1806 — 1886) — 80 лет;
Владимир Раевский (1795 — 1872) — 77 лет;
Дмитрий Ознобишин (1804 — 1877) — 73 года;
Федор Тютчев (1803 — 1873) — 70 лет;
Владимир Бенедиктов (1807 — 1873) — 66 лет;
Николай Огарев (1813 — 1877) — 64 года;
Василий Туманский (1800 — 1860) — 60 лет;
Нестор Кукольник (1809 — 1868) — 59 лет;
Сергей Дуров (1816 — 1869) — 53 года;
Вильгельм Кюхельбекер (1797 — 1846) — 49 лет;
Иван Мятлев (1796 — 1844) — 48 лет;
Евдокия Ростопчина (1812 — 1858) — 46 лет;
Евгений Баратынский (1800 — 1844) — 44 года;
Николай Языков (1803 — 1847) — 44 года;
Василий Красов (1810 — 1854) — 44 года;
Александр Бестужев (1797 — 1837) — 40 лет;
Александр Пушкин (1799 — 1837) — 37 лет;
Александр Одоевский (1802 — 1839) — 37 лет;
Евгений Гребенка (1812 — 1848) — 36 лет;
Александр Грибоедов (1795 — 1829) — 34 года;
Николай Цыганов (1797 — 1831) — 34 года;
Александр Полежаев (1804 — 1838) — 34 года;
Надежда Теплова (1814 — 1848) — 34 года;
Антон Дельвиг (1798 — 1831) — 33 года;
Алексей Кольцов (1809 — 1842) — 33 года;
Эдуард Губер (1814 — 1847) 33 года;
Кондратий Рылеев (1805 — 1826) — 31 год;
Николай Станкевич (1813 — 1840) — 27 лет;
Михаил Лермонтов (1814 — 1841) — 27 лет;
Дмитрий Веневитинов (1805 — 1827) — 22 года.

Здесь из 32 поэтов лишь 10 (в два раза меньше, чем в контрольной группе) дожили до 55 лет и целых 11 (против одного) не дожили до 35. Когда я впервые увидел эти цифры, мне стало страшно...

Но если говорить о причинах такой страшной смерти среди поколений поэтов, коих я именую романтики, то, по-моему, их две:

- они с юных лет стали известны;
- они боялись старости гораздо больше, чем смерти.

Или другими словами:

- романтики четко осознали и отрефлектировали свое отличие от старших поколений;
- романтики ни за что не хотели стать такими, как их отцы.

Вот таково мое крайне субъективное определение романтизма.

О том, кого помню и люблю

Вместо послесловия

Прошлой осенью должно было исполниться 40 лет, как мы знакомы с Павлом Поляковым, но этой круглой дате так и не суждено было свершиться, потому что Паша не дожил до юбилея нашего знакомства. Как я любил подтрунивать над Пашей, предлагая ему сказать тост в мою честь: «За столько лет нашего знакомства у тебя, конечно, накопилось много чего обо мне сказать!» Но знакомство — процесс обоюдный, поэтому мне тоже есть что о нем рассказать, что я и постараюсь сделать...

Шахматное знакомство

Мы познакомились с Пашей Поляковым в сентябре 1977 года в детском клубе «Гайдаровец», в котором открылся шахматный кружок. Эта встреча могла бы и не состояться, если бы Павел годом раньше не обратился к мастеру спорта по шахматам в Омске Белову, который пригласил Павла с друзьями в шахматный клуб в Нефтяники, который он и его друзья посещали в течение школьного сезона. А в следующем году в «Гайдаровце» появился тренер. Тренером и организатором

был Андрей Литовчин, который учился на последнем курсе института. В окрестных школах он вывесил объявления об открытии кружка, вот мы и откликнулись. Я учился в школе № 16 в 10 классе, а Паша — в школе № 30 в седьмом. На его школе следует остановиться подробнее — не знаю, чем уж это вызвано, но из её стен вышли трое омских любителей фантастики, получивших всесоюзную известность: Павел Поляков, Николай Горнов и Сергей Павлов. Остается только гадать, что такого особенного было в этой школе...

Паша неплохо играл в шахматы, но был сильнее в игре, не ограниченной временными рамками, а в блице вообще был слабоват, поскольку любил принимать обдуманные решения. Мы вместе постигали шахматные премудрости, в личных встречах перевес был на моей стороне, но не с очень большим преимуществом. Во время зимних каникул пятеро лучших игроков нашего кружка, в том числе я и Паша, приняли участие в городском турнире по шахматам для школьников, проходившем в только что открывшемся Дворце пионеров. Единственным пионером среди команды «Гайдаровца» был Паша, остальные были комсомольцами. Турнир проходил по швейцарской системе, мы с Пашей показали примерно одинаково неплохие результаты, нам были присвоены третий разряды и выданы квалификационные книжки спортсменов.

Весной 1978-го шахматный кружок прекратил работу, нашему тренеру нужно было защищать диплом, мне — получать аттестат зрелости. Павел продолжал учиться в школе и играть в шахматы. Он стал капитаном школьной шахматной команды. Они участвовали в соревнованиях, и Павел получил не только 2ой разряд по шахматам, а затем и первый. И став гораздо старше, в минуты отдыха он любил разыгрывать партии.

Амурский посёлок не очень большой, поэтому иногда мы с Пашей встречались на улице в последующие несколько лет, общались и разбегались по своим де-

лам. А в 1981-м, когда Паша после школы поступил на факультет холодильных машин Омского политеха, мы встретились с ним в читальном зале областной научной библиотеки им. Пушкина, где я был завсегдатаем и одним из организаторов неформального смокинг клуба.

Смокинг клуб

Старое здание библиотеки им. Пушкина, где сейчас размещается городская Дума, стало для меня, а впоследствии и для Паши, особенно когда он занимался библиографическими изысканиями, чуть ли не вторым домом, в котором мы проводили многие часы, складывающиеся в годы жизни. Книгочеи, часто бывавшие в читальном зале, знакомились с друг другом и общались между собой. А поскольку в библиотеке должна быть тишина, то лучшего места для общения, иногда на повышенных тонах, чем курилка, которая располагалась в мужском туалете, просто не было. В основном общались в выходные дни, когда подолгу проводили время в библиотеке, постепенно появились завсегдатаи и родилось название смокинг клуб, потому что многие курили. Мы обсуждали книжные новинки, фильмы, в первую очередь Андрея Тарковского, как-то забредший на «заседание» клуба омский поэт Аркадий Кутинов декламировал свои стихи, именно в туалете пушкинки я впервые услышал его цикл «Ромашка».

Среди членов клуба многим нравилась фантастика, помню, как жарко мы спорили по поводу «Лунной радуги» Сергея Павлова, «Сезона туманов» Евгения Гуляковского и, конечно, «Жука в муравейнике» братьев Стругацких. А в осенний день, когда в туалет забрел Паша Поляков, мы обсуждали «Сталкер» Тарковского, поводом послужили рецензии на этот фильм, как раз напечатанные в «Правде» и «Литературной газе-

те». Паше наше обсуждение показалось интересным, он сначала остался и молча слушал, а потом присоединился к обсуждению. Я представил его другим членам клуба, он с ними познакомился. Хотя сам Паша никогда не курил, с тех пор, когда он бывал в читальном зале, то нередко задерживался в курилке, чтобы послушать других и высказаться самому. Причём это происходило и в те дни, когда я в библиотеке отсутствовал, судя по рассказам Паши при наших встречах: мол, мы тут без тебя такие интересные вещи обсуждали. Мы с Пашей нередко расходились во взглядах, но мне всегда нравилось то, что у него на все было своё мнение, с которым я не всегда соглашался.

КЛФ «Алькор»

В октябре 1985-го мы в очередной раз встретились с Павлом на заседании клуба любителей фантастики «Алькор» после его второго рождения («Алькор» был закрыт летом 1984г.) в областной юношеской библиотеке, которая на долгие годы стала привычным местом для наших встреч.

«Алькор» возродился благодаря стараниям Марата Исангазина, но его председателем стал Александр Пулинович, который слабо разбирался в фантастике, но обладал неплохими организаторскими способностями. Мы называли Сашу зитц-председателем, потому что реальным руководителем был, конечно, Марат, но он работал в районной газете «Сибиряк» за 90 км от Омска и редко мог бывать на заседаниях клуба. А меня пригласил в клуб Пулинович, с которым мы учились вместе на филфаке ОмГУ, чтобы я выступил на заседании со своей курсовой работой «Проблема мифотворчества на современном этапе», отстаивающей точку зрения о том, что фантастика — это и есть современные мифы. Приняли моё выступление на ура, хотя

многие не поняли отдельных узкоспециальных терминов и специфических литературоведческих рассуждений, но в целом дружно высказались: наш человек! Пожалуй, больше всех вопросов задавал Паша, которого весьма заинтересовали мои изыскания, а потом он попросил дать ему почитать мой курсовик, чтобы лучше понять глазами, как он выразился.

Я пришёл на следующее заседание «Алькора» и постепенно стал одним из его активистов. Заседания клуба были достаточно разнообразны: мы обсуждали отдельные произведения или все творчество писателей-фантастов, направления и течения фантастики, выпускали клубную стенную газету, писали совместные фантастические буриме. Почти к каждому заседанию назначались докладчики и оппоненты, а все остальные по мере возможностей готовились по той или иной теме, чтобы не просто слушать, а участвовать в обсуждении. Пытались мы организовать и литературные суды, но они выходили не слишком удачными. А после каждого заседания споры и обсуждения продолжались и по дороге домой. В клубе была большая «амурская секция», в которую кроме меня и Паши входили Коля Горнов, Сергей Павлов и Вилен. Мы вместе добирались до остановки «Магазин «Заря» и ещё долго общались, прежде чем разойтись по домам.

Первая «Аэлита»

Благодаря журналу «Уральский следопыт» мы знали, что в стране есть и другие КЛФ, кроме «Алькора», а в Свердловске стараниями редакции проводятся фестивали фантастики «Аэлита». Но в 1986-м «Аэлиту» проводить запретили, поэтому приглашение журнала на «Аэлиту-87» все восприняли с энтузиазмом. К этому времени Пулиновичу надоело заниматься клубом, поэтому руководить им стал непосредственно Марат

Исангазин, правда, в основном дистанционно — по телефону из Калачинска. Из всех «алькоровцев» только Марат бывал прежде на «Аэлитах» как победитель викторины «Уральского следопыта» и рассказывал о них массу интересного. И вот в апреле 1987-го омская делегация, в которую, кроме меня и Паши, вошли Коля Горнов, Сергей Павлов и Лёша Токарев, в купейном вагоне отправилась в Свердловск, а Исангазин ехал отдельно из Калачинска.

В Свердловске мы добрались до ДК автомобилистов, зарегистрировались как участники «Аэлиты» и получили направления на поселение в гостиницу «Большой Урал». Но тут появился Марат Исангазин и уговорил нас остаться на заседание местного киноклуба и посмотреть «Ночи Кабирии» Фредерико Феллини. А когда после просмотра мы добрались до «Большого Урала», то оказалось, что все из забронированных 180 мест уже заняты, поэтому нам дали направление в гостиницу «Дом колхозника», которая располагалась возле Свердловского цирка. Мы активно знакомились с братьями и сёстрами по фантастике и старались держаться вместе. В ходе пресс-конференции с Севером Гансовским я задал ему вопрос о его отношении к экранизации его повести «День гнева», а он предложил подойти к нему после неё и больше часа в неформальной обстановке отвечал и на мой, и на другие вопросы, в том числе и Паши Полякова, который стоял возле меня, что было запечатлено на одной из фотографий с той «Аэлиты». Хотя фэнов и писателей приехало всего около 200, создавалось впечатление, что участники «Аэлиты» заполонили весь Свердловск, куда бы мы ни пошли, везде натыкались на знакомые лица.

Поскольку мы поселились отдельно от основной массы, приходилось допоздна засиживаться в «Большом Урале», где по номерам кипели словесные баталии. В ходе «Аэлиты» я довольно быстро и тесно сошёлся со многими известными фэнами, в частности,

с Володей Гопманом, который улетал в Москву в ночь с субботы на воскресенье и заказал такси от «Большого Урала» до аэропорта. Узнав, что я живу в другой гостинице, он предложил подбросить меня и кого-то ещё. Желающих оказалось чересчур много — кроме меня и Павла ехать захотели Аркадий Киреев из Киева и Аршак из Еревана, которым тоже не посчастливились жить в «Доме колхозника». Я как самый крупный сел на переднее сиденье такси, а все остальные, кроме самого Гопмана, были далеко не худенькими, поэтому с большим трудом втиснулись на заднее. Паша ехал, тесно прижавшись к Гопману, но познакомиться с ним толком не успел. По этому поводу я впоследствии подтрунивал над Пашей, который утверждал, что не знаком с Гопманом: «Ну да, не знаком, ты только с ним крепко обнимался»... А Павел, вспоминая эту поездку, всегда удивлялся, как они оттуда смогли вылезти.

В Свердловске мы остро столкнулись с проблемой питания, потому что в магазинах колбаса, сыр и многие другие продукты продавались только по специальным продуктовым талонам, о которых в Омске и не слыхивали. Поскольку из всей омской делегации я был самым старшим, не считая Марата, и опытным путешественником, заботу о питании на обратном пути в поезде поручили мне — просто каждый дал мне сколько-то денег на еду. С учётом того, что почти все было по талонам, выбор был не богат, пришлось остановиться на сливочном масле, хлебе и пасте «Океан», из которых я в поезде наделал большие бутерброды и уговаривал попутчиков съесть их все, иначе испортятся. А после ужина мы начали, уже не помню, о чём именно, ожесточённо спорить, и вот тут Паша проявил себя с неожиданной стороны. Мы привыкли к нему как к очень вежливому и деликатному человеку, а тут он в ответ на явную издёвку Горнова сказал: «Иди щипать травку!» Все слегка выпали в осадок и поняли, что спорить с Пашей может быть опасно...

Библиографические указатели

Павел Поляков отличался невероятной памятью, усидчивостью и терпением, поэтому вовсе неудивительно, что он стал библиографом. Какое именно советское издание подвергнуть библиографическому исследованию на предмет публикаций в нем фантастики и всего, связанного с ней, определилось не сразу. Сам Паша хотел взяться за «Литературную газету», но Марат Исангазин убедил его, что она чересчур раскрученная, а вот «Литературную Россию» мало кто знает. И вот Паша долгими вечерами просиживал в библиотеке им. Пушкина и библиографизировал подшивки «Литературной России» за все годы её существования. На самом деле это весьма кропотливый труд, утверждаю это не понаслышке — мне тоже довелось библиографизировать журнал «Знание-сила», но хватило только на подшивки за 10-12 лет. К тому же журналы обрабатывать проще — у них оглавление есть в отличие от газеты. А все свои выписки я передал Паше, не знаю стал ли он продолжать их.

После того, как Павел завершил свой библиографический «блин», было решено издать его труд в виде библиографического указателя. Он сам его набело распечатал, а я отвёз его для печати в Калачинскую районную типографию, где печатались все остальные издания и анкеты «Алькора». А после того, как библиографический указатель «Фантастика на страницах газеты «Литературная Россия» вышел в свет, мне пришлось высыпать его по городам и деревням по заявкам наложенным платежом. А на Соцконе-89 я презентовал этот указатель фэнам и писателям из Болгарии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии, поэтому можно без ложной скромности сказать, что труды Павла получили международное признание.

Следующее издание для библиографии фантастики на его страницах Паша выбрал сам — журнал «Химия

и жизнь» славился своими фантастическими публикациями. Только вот объем получился не слишком большой, ведь журнал выходил только с 1965 года, пришлось искать добавку. Нашлась вторая часть в Риге, где библиограф Андрей Новиков сделал библиографию фантастики, опубликованной в рижском журнале «Наука и техника». Эта библиография охватывала период с 1960-го по 1989 год, в конце 1990-го журнал переименовали в «Наука и мы», а после 1991-го он прекратил своё существование. Библиографический указатель «Фантастика на страницах журналов «Химия и жизнь» и «Наука и техника» вышел в 1990 году, готовили его к изданию мы с Пашей, потому что Марат Исангазин уехал на учёбу в Москву. Насколько я знаю, Паша подготовил библиографии фантастики ещё нескольких изданий, он мне их показывал, но вот опубликовать их уже не удалось...

«Великое кольцо»

Кроме подготовки библиографический указателей Павел Поляков тратил немало времени как эксперт читательской премии «Великое кольцо». Об этой премии следует рассказать подробнее. «Великое кольцо» создавалось как некий аналог американской премии «Хьюго», изначально за его организацию взялся волгоградский КЛФ «Ветер времени», но провести опрос и вручить премию удалось лишь три раза — в 1981, 1982 и 1983 годах. Принцип определения победителей был предельно прост: КЛФ присыпали свои варианты лучших произведений за предыдущий год в большой и малой формах, а один раз и в средней, и кандидатов на номинацию «За вклад в фантастику», результаты определялись просты большинством голосов. Но в 1984-м «Ветер времени», как и многие другие советские КЛФ закрыли, стало не до премии. А в 1986 году по инициа-

тиве Марата Исангазина эстафету подхватил «Алькор», но правила проведения существенно изменились.

Вместо безымянных списков от КЛФ появилась система персональных экспертов, которыми стали наиболее компетентные любители фантастики от разных КЛФ, отслеживавшие весь массив публиковавшейся фантастики. Исчезла номинация «За вклад», зато появился раздел переводной фантастики, победителям которого призы, правда, не вручались. Бессменным экспертом от «Алькора» стал Паша, он же печатал на пишущей машинке чистовой вариант Анкеты учёта читательского мнения «Великое Кольцо», который я отвозил для печати в Калачинскую типографию. В начале каждого года эксперты присыпали свои номинационные списки за предыдущий год, разброс мнений был довольно существенным, поэтому в окончательный вариант входили произведения, получившие три голоса, а в некоторых номинациях и два. По результатам присланных списков составлялась Анкета учёта читательского мнения, которая распространялась среди любителей фантастики. Проголосовать мог любой желающий, прочитавший и оценивший в анкете не менее трети номинантов по шкале от одного до 10 баллов.

Как организатор «Алькор» имел некоторое преимущество, которое заключалось только в том, что Павел готовил предварительный и окончательный списки, ориентируясь не только на своё, но и на мнение своих коллег. Проще говоря, его голос отдавался преимущественно тем произведением, за которые уже проголосовали два эксперта. Изначально сложилось такое распределение ролей: Марат Исангазин работал с экспертами и координировал все процессы, Паша обрабатывал списки, а впоследствии и анкеты, а я был на подхвате и занимался распространением анкет на конвентах и по почте. Надо сказать, что из 2000 отпечатанных и практически полностью распространённых анкет обычно возвращались не более 10 процентов, поэ-

тому изначально «Великое кольцо» по-омски стало не столько номинационным, сколько рекомендательным для чтения списком.

После отъезда Исангазина в Москву работа с экспертами и координация легла на мои плечи. При окончательном подведении итогов за 1988 год у нас с Пашей возникли разногласия по поводу повести Натальи Никитайской «Правильная жизнь, или Жизнь по всем правилам», опубликованной в сборнике «День свершений», в который вошли произведения участников семинара фантастов под руководством Бориса Стругацкого. Сборник получился настолько мощным, что за половину его произведений проголосовали почти все эксперты, а вот за Никитайскую только двое. Паша упорно не хотел добавлять ей свой проходной голос, я настаивал. После долгих споров он заявил, что отпечатает анкету для типографии без Никитайской, тогда я пригрозил, что поскольку в типографию анкету повезу я, то перепечатаю её и добавлю спорного кандидата, ведь пишущая машинка и у меня имеется. После этого убойного аргумента Павел сдался, но долго ещё дулся на меня.

После того, как я распространил на Соцконе-89 анкеты среди иностранных фэнов, «Великое кольцо» вышло на международный уровень — заполненные анкеты стали приходить из ГДР, Болгарии, Польши и Чехословакии. Ну а после раз渲ала СССР премия из всесоюзной была переименована в международную, поскольку голосовали уже фэны из 15 суверенных государств. Возникли проблемы с рассылкой в другие страны, анкет стало возвращаться все меньше, да и «Алькор» был на грани полного исчезновения. А по последнему голосованию по итогам 1993 года премии были вручены не на «Аэлите-95», как обычно, а на Интерпрессконе-95, потому что «Аэлита» в том году не проводилась. Ну а Павел, с самого их возникновения вошедший в состав экспертов премий «Бронзовая улитка» и «Интерпресскон», занимался этим до конца своих дней.

На подмостках «Алькора»

Кроме заседаний, на которых обсуждались все мыслимые и немыслимые проблемы и достижения мировой фантастики и отечественного фэн-движения, выпуска библиографических указателей и проведения анкетирования «Великое кольцо», на Новый год и первое апреля в клубе традиционно проводились вечера-капустники, в которых самое активное участие принимал и Паша Поляков. Всех его ролей я уже и не припомню, но на двух хочу остановиться подробнее. В конце 1988-го на новогоднем вечере в «Алькоре» состоялся «интеллектуальный ринг», на котором в бескомпромиссном поединке сошлись председатель ВТО МПФ при ИПО «Молодая гвардия» Виталий Пищенко и заместитель председателя Всесоюзного совета КЛФ Михаил Якубовский. В роли Пищенко выступал Паша, а Якубовского изображал Коля Горнов. Вокруг четырёх стульев были натянуты верёвки, изображавшие ринг, на него вышли два соперника в боксёрских перчатках и халатах, из-под которых виднелись голые ноги и руки. А выйдя на ринг, они снимали перчатки и халаты, под которыми оказывались костюмы и галстуки, и начинали наносить «удары». Собственно, почти ничего выдумывать не пришлось, из фэн-прессы и реальных выступлений фигурантов на конвентах и семинарах брались отрывки из их речей, которые и были «ударами». Поскольку «Алькор», как и большинство КЛФ, был на стороне Всесоюзного совета, то убедительную победу на нашем ринге одержал Якубовский, а Пищенко был буквально нокаутирован. Забегая вперёд, хочу заметить, что весьма прискорбно, что противостояние между ВТО МПФ и фэн-движением так и не прекратилось и пользы от этого не было никому.

А вторым Пашиным выступлением стала роль одного из «богатырей» на праздновании 30-летия Марата

Исангазина в апреле 1989-го. Три «богатыря» — Павел, Сергей Павлов и я — исполняли Кантату о Марата, немного перефразировав реальную Кантату о Ленине. Весь текст уже сложно вспомнить, но первый куплет был таким: «На просторах величавых Наш Марат идёт, И «альковское» знамя Он несёт вперёд!» Следующие куплеты были не менее монументальны, а после каждого из-за наших спин высовывался Коля Горнов и, едва не пускаясь в пляс, распевал: «Любо, братцы, любо, Любо, братцы, жить! С нашим атаманом Не приходится тужить!» А «богатыри» мешали ему петь и оттесняли за свои спины. Не знаю уж как юбилиару, а «альковцам» такая кантата очень понравилась.

Искушение П.

Кроме клубных застолий в библиотеке постепенно у многих «альковцев» появилось желание встречаться на праздники у кого-то дома. В основном встречи на 1 мая и 7 ноября и домашнее отмечание Нового года происходили у меня в квартире, иногда — у супруг Мурашевых. Естественно, выпивали не только сок и газировку, но и более горячительные напитки. А вот Павел Поляков не только не курил, но и не пил спиртного вообще, даже пива. Естественно, все пытались его уговорить хотя бы попробовать, но тщетно. И тогда среди «альковцев» возник заговор — все очень хотели, чтобы Паша таки выпил спиртного.

На один из праздников собрались у меня, в качестве горячительного подавалось моё домашнее вино, сделанное из чёрной смородины, а на запивку — морс из варенья из чёрной смородины. По цвету и запаху они почти не отличались, вот и решено было втихую налить в Пашин стакан вина вместо морса. Мы дождались его очереди говорить тост, кто-то отвлёк Пашу разговором, кто-то (не я!) налил в его стакан вино

вместо морса, и он, сказав тост, одним залпом выпил. Впоследствии, правда, он пытался говорить, что отпил только глоток, потому что почувствовал, что налито не то, но на самом деле выпил стакан домашнего вина крепостью около 12 градусов. Его здоровью это явно не могло повредить, но он страшно рассердился и обиделся, но ненадолго, потому что прекрасно понимал, что мы не хотели ему навредить. А мы втихомолку радовались, что трезвенника Полякова удалось искусить, но больше таких попыток не предпринимали.

Ниспровержение авторитета

Хотя Паша Поляков был очень добрым, внимательным и неконфликтным человеком, но в то же время очень жёстко отстаивать свою точку зрения и критиковать тех, кто с ним не согласен, не взирая на лица. Особенно ярко это проявилось на встрече «альковцев» с писателем-фантастом Сергеем Павловым весной 1990-го. Годом раньше к нам в клуб приходил другой писатель-фантаст Геннадий Прашкевич, с которым мы очень тепло и душевно пообщались, услышали от него массу интересных историй. Кто знаком с Геннадием Мартовичем, прекрасно знает, какой он отличный рассказчик. Но лауреат «Аэлиты-85» Сергей Павлов оказался совершенно другим человеком. Встречу с ним помог организовать член «Алькора» Игорь Зубцов, отвечавший в ВТО МПФ за связь с КЛФ, а сам Павлов был членом редакционного совета ВТО МПФ и играл немалую роль в этом объединении. Перед встречей «альковцев» проинструктировали руководство юношеской библиотеки и сам Зубцов, чтобы мы не наседали на маститого писателя и старались не задавать ему острых вопросов.

Но сам Сергей Павлов с самого начала занял неверную позицию, заявив, что не любит фэнов вообще,

потому что они, дескать, претендуют на какую-то исключительность. И к тому же отвечал на вопросы менторским тоном, как будто разговаривал с несмышлёными. Это, конечно, сильно всем не понравилось, меня от острых вопросов сдерживала только просьба не идти на конфликт. Но вот Коля Горнов и Паша Поляков не удержались. Несколько вопросами они втотали в грязь провальное продолжение «Лунной радуги» под названием «Мягкие зеркала», расспрашивали Павлова о его отношении к «Простой тайне» Юрия Медведева, изданной ВТО МПФ, в которой был поклён на братьев Стругацких, и о неправильной политике ИПО «Молодая гвардия», не печатавшего фантастов четвертой волны. Было видно, как Павлов все больше раздражается — пропал его менторский тон, проявилось удивление по поводу неожиданной осведомлённости фэнов. Горнова жестами удалось убедить не задавать острые вопросы, но Павел продолжал вколачивать неподобающие гвозди вопросов, не обращая внимания на сигналы, поэтому нашу встречу постарались побыстрее свернуть. Говорят, после разговора в «Алькоре» Сергей Павлов заявил, что никогда больше не будет встречаться с фэнами...

«Людены»

Так уж получилось, что мы с Пашей оба присутствовали при основании фэн-группы «Людены» на «Аэлите-90», когда большая часть её членов после долгих дискуссий приняла решение объединиться, чтобы сплотить усилия по изучению творчества АБС. Ещё до появления этой группы Паша и я помогали Марату Исангазину в подготовке биографического указателя «Стругацкие в калейдоскопе критики». Вскоре после решения о создании группы Влад Борисов стал издавать ньюсレttter «Понедельник», который фик-

сировал и координировал изыскания по АБС. А в начале 1991-го во Владимире прошла Первая Всесоюзная конференция по творчеству братьев Стругацких, на которой Паша выступил с докладом «Раннее творчество братьев Стругацких в контексте развития советской фантастики 50-х годов».

В 1992 году «Алькор» по инициативе Марата Исангазана запустил издание сборников «Стругацкие о себе, литературе и мире», в которых публиковались все нехудожественные произведения АБС с 1958-го по 1985 год. Всего вышло пять сборников, Павел принимал самое деятельное участие в их подготовке. Однако в том же году мне недвусмысленно дали понять, что в группе я — лишний, причём сделали это не слишком красиво, в результате Марат Исангазин в знак протesta вышел из группы. Мое членство в ней тоже фактически прекратилось, поэтому Паша остался последним омским люденым и продолжал свои изыскания творчества АБС. Некоторые из них были опубликованы: «Избранные места из вариантов повести братьев Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста» в сборнике «Неизвестные Стругацкие. Черновики, рукописи, варианты». — Донецк: «Сталкер», 2006 и «Дело о пришельцах: Некоторые соображения о повести А. И. Б. Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста» в альманахе фантастики «Астра Нова» № 2 — СПб.: «Северо-Запад», 2016.

«Переводчик в прозе раб»?

Как практически у всех любителей фантастики, у Паши Полякова было творческое начало. Когда в «Алькоре» писали несколько коллективных бури, он с явным удовольствием писал свои части. Пробовал своё перо и в самостоятельной фантастической прозе, давал почитать мне, при этом критикуя их гораздо больше, чем я сам. Я как-то в шутку ему сказал,

что мне приходится защищать его творения от него самого. Наверное, поэтому Паша занялся переводом англоязычной фантастики, хотя английским языком свободно не владел, знал, как и большинство людей с высшим образованием только со словарём. Один из его переводческих опытов рассказ Дж. Уильямсона «Человек без тела» был опубликован в омском альманахе «Иртыш» — в № 1 за 1991 год.

А в 1992 году Стас Дорошин, организовавший в Казахстане издательство «Ренессанс», предложил мне подготовить сборник омской фантастики, я с энтузиазмом взялся и набрал произведений местных авторов на 25 авторских листов. Среди них был и перевод Паши, уже не помню, какого автора, вроде бы это была небольшая повесть. На составленный сборник удалось получить доброжелательную рецензию от Геннадия Прашкевича, он же написал и предисловие. Сборник был благополучно запущен в печать, Стас прислал мне типографские гранки на вычитку, а потом у «Ренессанса» начались серьёзные проблемы, его так и не удалось напечатать. Ну а Павел продолжал заниматься переводами, в том числе и неизданного Джона Толкиена, иногда давал мне почитать, а я указывал ему на стилистические ошибки. Сам я переводил только стихи английских поэтов, прозу пробовал, но понял, что это не мое, а вот Паше нравилось. И он взял и перевёл книгу А. И. К. Паншиных «Мир За Холмом» об истории фантастики. Но, к сожалению, эта книга была опубликована в газете «Коммерческие вести» только частично в 1998 году.

«Крестный»

Когда Паша с мамой переехали из своей маленькой однокомнатной квартиры на ул. 22 Партизанского в гораздо более просторную двухкомнатную на ул. 2-я

Барнаульская, мы стали жить с ним совсем рядом иходить к друг другу в гости почаше. Когда моему старшему сыну Пете исполнилось полтора месяца, Паша как раз зашёл меня проводать, дал малышу поиграть со своим пальцем. А когда сыну было три месяца, мы с женой принесли его на заседание «Алькора», на котором его приняли в почётные члены клуба. Забегая вперед, скажу, что моего младшего сына Аркадия приняли в нечётные члены клуба.

С именем для младшего мы с супругой Еленой определились до его рождения — решили назвать Аркадием в честь любимого писателя Аркадия Наташевича Стругацкого, ушедшего из жизни 12 октября 1991-го. Паша это наше решение горячо поддерживал и подшучивал над нами, что третьего сына вы назовёте именем Флэшмана. Лену положили на сохранение в роддом № 2 в Нефтяниках, а я остался с годовалым сыном на руках, приходилось таскать его с собой и на работу, и на дачу — тот ещё кошмар был. Навещать супругу каждый день не получалось, поэтому 26 июля я поехал навещать её, не зная, что она уже родила, ни домашнего, ни сотового телефона ещё не было. Со мной напросился поехать Павел, по приезду меня отчитали за невнимательность к жене и объяснили, что нужно принести, а потом сердобольные медсестрички объяснили, что к окну палаты рожениц можно взобраться по теплотрассе, что мы с Пашей и сделали. Однодневного Аркашку как раз принесли на кормление, и Лена передала мне его через открытое окно подержать. Я и сам поддержал сына и Паша дал подержать, после такого обряда он долгие годы считался крестным моего младшего сына. Павел был добрым человеком, и дети это чувствовали и всегда тянулись к нему. В экстремальных ситуациях мой друг также не терялся. Однажды он приехал к нам в гости и застал Лену с приступом боли одну с двумя маленькими детьми. Паша быстро разрядил ситуацию: для Лены вызвал скорую

помощь и отправил в больницу, детей разместил у соседей, а мне оставил записку.

Друг семьи

С конца 90-х у меня появилась традиция приходить к Паше на день рождения всей моей семьёй. Мы приходили к нему вчетвером, а он ходил к нам на все дни рождения: мой, жены и обоих сыновей. А 2 августа к Паше кроме нас постоянно приходила семья Николаенко, тоже вчетвером, с двумя дочками. Правда, постепенно наша компания уменьшалась, сначала на младшую дочь Николаенко, потом на моего старшего, но зато добавился сын старшей дочери, который рос на наших глазах. Традиционно сложилось, что дарили мы друг другу преимущественно книги, причём Паша в последнее десятилетие заказывал мне новинки фантастики, у которых был шанс войти в номинационные списки Интерпресскона и «Бронзовой улитки», ну а сам дарил новинки по моему вкусу: Макса Фрая, Андрея Белянина, Ольги Громыко, супругов Дяченко и Владимира Свержина. Иногда вместе с книгами Паша презентовал диски с фильмами или компьютерными играми.

Кроме дней рождения Паша частенько приезжал в гости к нам, мы встречали его почти как члена семьи, мои сыновья с малых лет знали, что он — свой. Хотя наши вкусы с ним во многом совпадали, но мы регулярно спорили с ним по разным поводам. К примеру, после второй книги Паша невзлюбил сагу Джоан Роулинг, его возмутило, что в Хогвартсе веками жило чудовище, а руководство волшебной школы об этом не знало, подвергая опасности детей. Цикл Макса Фрая в целом ему нравился, но роман «Мой Рагнарек» вызвал у него сильное недовольство откровенным глумлением над религиозными учениями. Хотя сам Паша

к религии был равнодушен и не был верующим человеком, во всяком случае, я никогда за ним ничего такого не замечал.

Геймерские визиты

У Павла персональный компьютер появился куда раньше, чем у меня — году в 1998-м, уже и не помню, какой модели, вроде бы второй или третий «Пентиум». Как раз Паша и приобщил меня к компьютерным играм, показал, во что играет сам, я попробовал, мне понравилось. Мне и раньше приходилось играть в компьютерные игры, но не «Линии», ни «Приключения колобков» меня как-то не вдохновили. А вот в первые и вторые «Герои» и «Кинг баунти», в которые я играл у Паши, просто-таки затягивали. Я стал приезжать к нему в гости практически еженедельно и на несколько часов лишал его компьютера. Засиживался допоздна, благо тогда автобусы и маршрутки в Омске ходили до 12 часов ночи.

Но самой захватывающей стала «Master of magic», признанная лучшей компьютерной игрой мира 1994 года. Павел тоже в неё играл и поначалу объяснял мне, как лучше действовать, но постепенно я его превзошёл, играя на невозможном уровне. Ему на самом трудном уровне играть не понравилось: «Там все — маньяки» — говорил он. Пока я играл, Паша сидел рядом в своей комнате, и мы общались с ним обо всем на свете, но прежде всего о фантастике во всех её проявлениях. Как раз в то время Паша ещё увлекался ролевыми играми и рассказывал о новостях с фронтов «хоббитских игрищ». После того, как Марат Исангазин и прочие старые «алькоровцы» покинули клуб, Паша оставался «последним из могикан», пытаясь донести фантастику до молодёжи, которую интересовали кроме того и ролевые игры. Именно он стал послед-

ним председателем КЛФ «Алькор», который вынужден был оставить стены приютившей его когда-то областной юношеской библиотеки.

«То, что пусто теперь — не про то разговор,
Вдруг заметил я: нас было двое.
Для меня будто ветром задуло костёр,
Когда он не вернулся из боя».

Очень верно отразил Владимир Высоцкий сущность потери друга. Даже когда я уехал в Израиль, мы остались с Пашей на связи. И пусть электронное общение никогда не заменит живого, но это лучше, чем ничего. Вот что мне написал Паша в своём последнем сообщении в «Моем мире»: «Спасибо за ответы. Ответ на твой вопрос: дважды да. Да, мне всегда нравились истории Коли Горнова. И да, повестей пишут сейчас так мало, что конкурс очень слаб. А вот рассказ Битюцкого мне «пробить» не удалось... Кстати, недавно нашёлся Филипп Тихоненко. Помнишь его?» Это Паша делился со мной своей деятельностью эксперта в номинационной комиссии Интерпресскона и тем, что на просторах интернета нашёл бывшего «алькоровца» Филиппа.

Вообще виртуальная жизнь человека продолжается дольше, чем физическая. Паша до сих пор присутствует в «Моем мире», где среди его 11 друзей четверо членов моей семьи: я сам, жена Лена и оба сына Пётр и Аркадий. И можно даже написать ему сообщение, только вот жаль, что на него никто уже не ответит. А когда я в сентябре зарегистрировался в Фейсбуке, то нашёл в нем и Пашину страничку, на которой были многочисленные поздравления его с днём рождения, которого он встретить уже не успел. А в Пашином «Моем мире» вместо его фотографии красуется скан когда-то нарисованной для «Алькора» Павлом Радзиевским фантастической купюры достоинством в «Один Карл». Печально осознавать, что Паша больше никогда не придёт ко мне в гости и не задаст свой очередной «дуряцкий» вопрос — он любил придумы-

вать странные вопросы по очень нечётким ассоциациям и радовался, если мне удавалось их разгадать, и шутил, что это разминка для мозга. Это, конечно, звучит банально, но вместе с ним во мне умерла частичка меня самого, потому что нас на самом деле связывало очень многое на протяжении нескольких десятилетий. Я не верю в то, что есть Тот свет, но если я все-таки ошибаюсь, то мы с ним там обязательно встретимся, когда придёт моё время...

Андрей Коломиец

Содержание

Предисловие 5

Стругацкие: взгляд со стороны

Пепел Бикини	11
Дело о пришельцах.....	76
Избранные места из вариантов повести братьев Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста»	111
Как переиздавали повести братьев Стругацких	299
Еще о переиздании повестей братьев Стругацких	306

История советской фантастики

Фантастика в уральских газетах времен позднего	
сталинизма	311
Фантастика в уральских газетах времен	
ранней оттепели	314
Фантастика в уральских газетах. Год 1958, поворотный ..	321
Советские научные фантасты 60-х годов	326
Фантастика, семидесятые	338
Пасмурный 1976-й	348
Три года надежды, или фантастика моей юности.....	351
Год 1978-й	351
Год 1979	354
Год 1980	358
Годы 1978-1980. Зарубежная фантастика	360
Чуть-чуть о современной фантастике.....	364
Мое странное понимание романтизма	368
<i>O том, кого помню и люблю. Вместо послесловия</i>	372

Павел Поляков

СТРУГАЦКИЕ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Книга издается в авторской
редакции и разметке текста

Подписано в печать 26.04.2018
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Georgia. Печать цифровая.
Усл. п. л. XXXXXXXXXXXX. Уч-издат. л. XXXXXXXX
Тираж 100 экз.

Частный издатель Дмитрий Сорокин
почта: dns@dspublisher.ru,
сайт: dspublisher.ru,
т. +7-913-673-45-63

